

ЕВГЕНИЙ ЮРКЕВИЧ

ВОЕННЫЙ ПЕТЕРБУРГ ЭПОХИ ПАВЛА I

ЕВГЕНИЙ ЮРКЕВИЧ

ВОЕННЫЙ ПЕТЕРБУРГ
ЭПОХИ ПАВЛА I

Москва - Санкт-Петербург
ЦЕНТРОЛИГРАФ
МиМ-Дельта
2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава первая</i> Начало	5
<i>Глава вторая</i> Гатчинские войска	25
<i>Глава третья</i> Петербургский гарнизон	65
<i>Глава четвертая</i> Многоцветие мундиров	73
<i>Глава пятая</i> Военные губернаторы и коменданты	124
<i>Глава шестая</i> Повседневная служба	130
<i>Глава седьмая</i> Смотры, маневры, парады	151
<i>Глава восьмая</i> Казармы, плацы, храмы	157
<i>Глава девятая</i> Военные грозы	175
<i>Глава десятая</i> Павел и Суворов	181
<i>Глава одиннадцатая</i> Император и солдат	196
Заключение	208
Примечания	209
Список источников и литературы	257
Иллюстрации	276

*Лидии Петровне Козловой,
моей первой учительнице истории,
с любовью и благодарностью
посвящаю эту книгу*

ВВЕДЕНИЕ

«К сожалению, с момента правления Павла I завершается процесс придания Петербургу облика военного гарнизона. В городе устанавливаются полосатые будки и шлагбаумы. Даже ограждения березок, посаженных в 1800 году вдоль Невского проспекта от Фонтанки до Мойки, красятся красно-черно-белыми полосами. Уже никто из жителей не удивляется бесконечной муштровке солдат, которые с утра до вечера „гусиным" шагом маршируют под звуки флейт и барабанов на площадях столицы» Увы, в этом отрывке сконцентрировано представление большинства читателей о Петербурге павловской эпохи. Образ павловского Петербурга, наполненного страхом, муштрой, бессмысленными и жестокими наказаниями солдат и офицеров, — вместе с образом Павла как сумасшедшего жестокого тирана — старательно внедрялся (и, к сожалению, продолжает внедряться по сей день) в массовое сознание на протяжении двух столетий — через художественную и научную литературу, живопись, кинематограф². Основой для подобных оценок служит, как правило, лишь узкий круг мемуаров, в который редко включают высказывания лиц, с симпатией относящихся к злодейски убиенному Государю. Документы в таких случаях цитируются также весьма выборочно, имея главной целью подтвердить отрицательное мнение об Императоре. Следствием этого стало отсутствие к настоящему моменту серьезных исследований, посвященных как павловским военным реформам в целом, так и военной истории северной столицы конца XVIII в. в частности. Из военных историков попытку более или менее подробно, серьезно и, главное,

объективно исследовать военные реформы Павла предприняли, пожалуй, лишь двое — генерал-лейтенант артиллерии В. Ф. Ратч, изучавший павловскую артиллерию³, и ротмистр Кавалергардского полка С. А. Панчулидзе, посвятивший одну из глав написанной им истории полка краткому анализу военных реформ Императора⁴. Этим замечательным людям хотелось бы высказать слова искренней благодарности, ведь именно их работы пробили первую брешь в крайне тенденциозном отношении историков к павловским военным реформам. И особенно важно, что в год 250-летия со дня рождения Павла Петровича глава из книги С. А. Панчулидзева, давно ставшей библиографической редкостью, была вновь опубликована стараниями сотрудников Государственного мемориального музея А. В. Суворова⁵. Но эти работы, как и ряд современных исследований, — лишь начало серьезного изучения павловских военных преобразований. Предлагаемая вниманию читателей книга — первая попытка показать с разных сторон жизнь военного Петербурга павловской эпохи. Можно будет погрузиться в его атмосферу, читая страницы полковых историй, мемуаров, строки малоизвестных архивных документов. Хочется верить, что это позволит по-новому увидеть и личность Императора Павла Петровича, и его военные преобразования, в которых Петербург, как столица Российской империи, играл первостепенную роль.

Глава первая

НАЧАЛО

Рожденный 20 сентября 1754 г. в Летнем дворце Императрицы Елизаветы Петровны Великий Князь Павел Петрович с самых ранних лет проявлял склонность ко всему военному¹. И вряд ли интерес Цесаревича к военным вопросам можно объяснить только «наследственным даром, перешедшим от отца к сыну», как писал, имея в виду Императора Петра III, Н. К. Шильдер². Конечно, такой фактор, как «наследственный дар», полностью игнорировать не стоит, но, думается, и преувеличивать его роль отнюдь не следует. Безусловно, гораздо более важным является то, что уже в раннем возрасте Павел получил весьма ответственные, хотя вначале и номинальные, военные назначения. Так, 4 июля 1762 г. Цесаревич³ был произведен в полковники Лейб-Кирасирского полка³, а 20 декабря того же года Екатерина пожаловала его в генерал-адмиралы российского флота⁴.

Интересно, что в детстве Павла старались оградить от чрезмерного увлечения всем военным.

«Военный элемент не преобладал в воспитании и среди лиц, окружавших юного Великого Князя, — писал князь П. А. Вяземский. — Военные упражнения не отвлекали его от занятий. Его не приучали быть прежде всего военным... но его обучали военному делу с высшей точки зрения, а не погружали в мельчайшие практические подробности, кото-⁵рые только могли бы сбить и ложно направить ум ребенка»⁵.

«При воспитании Павла Петровича оставлены были в стороне военные науки и занятия, — писал Д. Ф. Кобеко. — В детстве он всякий день учил ружью лакеев, но по назначении Панина раза два только учил ружьем и потом никогда...

Цесаревич Павел. 1765 г.

С. А. Порошин

Из дневника Порошина видно, что собеседники Павла Петровича очень не благоволили военному формализму и выправке. В маневрах и учениях Павел принимал участие только однажды (18—28 июня 1765 г.) в Красносельском лагере, пребывание в котором кончилось его нездоровьем»⁶.

Общеизвестно, сколь важен дневник воспитателя Цесаревича Павла Петровича Семена Андреевича Порошина (1741—1769), веденный им с сентября 1764 по январь 1766 г., для воссоздания картины жизни и воспитания юного Великого Князя. Как правило, исследователи привлекали этот документ только для того, чтобы описать учебные занятия Павла или черты его характера⁷. Но дневник С. А. Порошина интересен, на наш взгляд, еще и описанием военных занятий и игр Цесаревича, ведь «военная составляющая» его детских лет важна для более глубокого понимания проводимых им впоследствии военных реформ.

Рассмотрим в первую очередь отраженные в порошинском дневнике военные занятия Павла, связанные с пожалованием его в 1762 г. в полковники Лейб-Кирасирского полка и генерал-адмиралы.

2 октября 1764 г. в покои Цесаревича был доставлен «сделанный по размеру совсем оснащенный корабль, длиною в 15 футов... Корабль показывал Его Высочеству его превосходительство г. адмирал Семен Иванович Мордвинов»⁸. Таким образом, данная модель корабля служила учебным пособием для юного генерал-адмирала. Павел с живым инте-

ресом отнесся к кораблю, дав ему имя «Анна» в честь покойной сестры, и часто играл с моделью, изучая таким образом устройство кораблей⁹. Для изучения кораблевождения в покоях Цесаревича стоял стол, выкрашенный синей краской, представлявший море. «Онный стол расчерчен по румбам, и медные кораблики на нем расставлены»¹⁰. За этим столом Павел учился навигации, наставником его был обычно И. Л. Кутузов¹¹. Нередко в покоях Великого Князя устраивались заседания «комнатной Адмиралтейств-коллегии»¹². «Комнатным генерал-адмиралом» был граф И. Г. Чернышов¹³. Так, 15 марта 1765 г. С. А. Порошин записал: «В шестом часу приехал граф Иван Григорьич Чернышев, и было у нас адмиралтейское комнатного флота присутствие. Его Высочество подал графу Ивану Григорьевичу, так как Генерал-Адмирал, табель обо всех чинах нашего флота, который подписал так: *Генерал-Интендант П. Романов*. В сегодняшнем заседании г. Генерал-Интенданту был выговор, для того что многие до экспедиции его касающиеся вещи нашлись в неисправности»¹⁴.

И. Л. Голенишев-Кутузов

Весьма интересовался Павел и сухопутной армией, в том числе своими подшефными кирасирами, в первую очередь в связи с намечавшимися на лето 1765 г. маневрами в Красном Селе¹⁵. С большим интересом он изучал «все новые учреждения и штаты, касающиеся до нашего войска», расспрашивал о подробностях повседневной армейской службы¹⁶. Цесаревич весьма интересовался и процессом обучения в Сухопутном Кадетском корпусе¹⁷. Его также чрезвычайно интересовали мундиры, как русские, так и иностранные. Он подолгу мог рассматривать книжки с изображениями различной военной формы¹⁸.

С интересом относился Павел и к новинкам морской литературы. «Показывал я ему написанное мною именем его предложение в Адмиралтейскую коллегия о переводе на

русский язык изданного неким шведским штурманом описания Балтийского моря. После оное предложение подписал Государь, и я отослал его в коллегию», — писал Порошин¹⁹.

Огромным событием в жизни Павла стали летние красносельские маневры 1765 г. К ним его начали готовить загодя, еще с марта, «строя» кирасирский мундир и амуницию²⁰. Интересно, что для Цесаревича сшили обмундирование не только обычное, суконное, но и шелковое, облегченное²¹.

Маневры произвели на юного Великого Князя чрезвычайно сильное впечатление. Он имел возможность лично видеть передвижения войск, слышать пальбу, но главное, 19 июня, в первый день маневров, ему представили его кирасир: «Приехали мы на правый фланг первой линии, где стоял Наследников кирасирский полк. Тут за фронтом вышли из кареты и пошли в ставку вице-полковника графа Пушкина. Все офицеры полка тут. Его Высочеству подал рапорты генерал-поручик от кавалерии Берг, бригадный его (Павла. — *Е. Ю.*) командир генерал-майор граф Салтыков, вице-полковник и первого шквадрона его роты поручик Баумгартен. Прошли между палаток и первого шквадрона и людей посмотреть... Часу в пятом дан сигнал, чтоб выводить полки в линию. Зачали выводить и тотчас вывели. Его Высочество сел тут на лошадь в кирасе и во всем уборе. Как скоро Государыня к правому флангу приехала и генерал-поручик Берг кавалерийским полкам командовал "Слушай, палаши вон", то и Его Высочество вынул свой палаш и повторил оную команду своему шквадру. Государыня, поравнявшись против его, приказала ему за собой ехать. Пока мимо полка его ехала, то он за нею ехал в кирасе и держа палаш в руках; как же скоро полк проехали, то палаш положил он в ножны, и Ник. Иван. (Салтыков. — *Е. Ю.*) кирасу велел с него снять; так и поехали за Государыней. Тут Его Высочество подал рапорт бригадному своему командиру Ивану Петровичу Салтыкову... Таким образом ехал Его Высочество с правого фланга вдоль по фронту до самого левого фланга, а потом с левого фланга второй линии до правого фланга оного за Государыней верхом... Отдавали честь и

склоняли знамена...»²² Присутствие Цесаревича вызвало большой подъем в полку: «Сказывали, как все кирасиры обрадованы, что видели Государя перед фронтом. Все движения его приметили»²³.

В Красном Селе Павел пробыл до 30 июня, активно посещая маневры²⁴. Уезжая, он, как шеф, проявил заботу о нижних чинах полка: «При отъезде... пожаловал Цесаревич бывшему у него на ординарии вахмистру Толю из своих рук империялами 100 руб. и обещал представить о нем Военной коллегии, чтобы произвести в офицеры, а третьего дня через меня изволил отослать в полк свой кирасиру Ильину 100 руб., который переломил себе ногу во время бывших маневров»²⁵. Потом Павел не раз с восторгом вспоминал эти маневры²⁶. Они, пожалуй, остались наиболее ярким «военным» воспоминанием его детства.

Но все вышеописанное касалось в первую очередь «настоящей» военной деятельности Павла. Видно, что он, несмотря на юный возраст, относился к ней чрезвычайно серьезно.

Рассмотрим теперь более подробно военные игры Павла Петровича.

Выше уже упоминалось об игрушках — учебных пособиях: модели корабля и столе с корабликами. Но это — игрушки, дополняющие учебный процесс. А что пишет Порошин о простых военных играх своего воспитанника, не связанных с обучением?

Судя по запискам С. А. Порошина, Павел особенный интерес проявлял к игрушечной артиллерии. Так, 7 октября 1764 г. Семен Андреевич записывает: «Незадолго перед обедом поднес Его Высочеству артиллерийский один офицер, родом грузинец, князь Чухлыманов, князь Челобаев (или, может быть, и иначе, не знаю хорошенько), две духовые гаубицы и две пушки. В зале делали им пробу. Стреляли приготовленными для них нарочно деревянными ядрами... После стола пришел к Его Высочеству его сиятельство граф Григорий Григорьич Орлов. Великий Князь приказал принести из залы оные духовые орудия, два пожаловал графу Григорию Григорьичу и два себе взял. Назначили в комнате

болота и пригорки, представили две армии, и началась с обеих сторон пальба»²⁷.

В январе 1765 г. обер-цейхмейстер флота Демидов преподнес Павлу в подарок две пушки «с прибором, на железных лафетах»²⁸, что также доставило Цесаревичу огромную радость: «Отведывали, сколько раз в минуту зарядить можно. Пороху у нас не было. Я пример только делал, будто картузы кладу. Его Высочество посылал настоящей приборник и банник, сделанные нарочно по калибру оных (пушек) в дуло. Веревочкой, представляющей фитиль, я прикладывал к затравке и палил будто. Таким образом от тринадцати до пятнадцати раз в минуту мы палили»²⁹. Цесаревич с удовольствием стрелял из своей игрушечной артиллерии³⁰.

Но первые «артиллерийские» игрушки Павел получил еще в четырехлетнем возрасте. Вот что вспоминал один из создателей единорогов и писатель-мемуарист, майор артиллерии М. В. Данилов, в 1756 г. бывший помощником начальника Петербургской артиллерийской лаборатории⁴¹: «В 1756 году пожалован я в обер-фейерверкеры... с рангом поручика. Бороздин, подполковник, ласковый мой благодетель, был взят из Риги в Петербург. Граф (генерал-фельдцейхмейстер граф Петр Иванович Шувалов (1711—1762). — *Е. Ю.*)... приказал... ему сделать в артиллерии находящихся орудий со уменьшением калибра для поднесения Цесаревичу Павлу Петровичу. Бороздин поручил оную мне комиссию исполнить. Я забрал всякого рода мастеров в артиллерии, учредил оную комиссию в школе, где я жил, и через некоторое время сделал всех находившихся в артиллерии пушек, мортир и гоубиц и к ним всякую принадлежность против натуральной величины в двенадцатую долю калибром, самой хорошей работы, с позолотой и чеканками, серебряными клеймами, с вензелем Его Высочества; под все оные орудия построили мы батарею столярную, по пропорции, обили зеленым бархатом, обложили гасом золотым в пристойных местах и принесли к графу в его дом. Он, увидя батарейку с принадлежностями работы самой чистой и в аккуратной пропорции сделанную, оказал свое удовольствие и похвалу

справедливую»³². Ныне остатки этой «павловской батареи» находятся в фондах Центрального Военно-морского музея³³.

Но чаще всего Павел забавлялся, устраивая баталии с помощью либо карт, либо деревянных раскрашенных дощечек, либо с помощью «тавлеек» — шашек³⁴. Интересно, что Порошин ни разу не упомянул на страницах дневника об игрушечных солдатиках, хотя они, несомненно, были среди игрушек Великого Князя.

Часто писал Порошин еще об одной черте характера Павла, связанной в том числе и с армией, — о чрезвычайно развитом воображении Цесаревича, в котором он представлял себя офицером, командиром какого-нибудь отряда или полка. Причем многими из офицеров Павел часто представлял себе своих знакомых, например того же С. А. Порошина³⁵.

Изучение дневника С. А. Порошина показывает, что в образовании и воспитании Павла Петровича не было перекоса в сторону военного обучения. Нужно сказать, что в этом отношении Павлу было далеко, например, до прусских кронпринцев: так, будущему королю Фридриху Вильгельму I кадетская рота из мальчиков-сверстников для ознакомления с азами военной службы была подарена отцом в десятилетнем возрасте, а будущий Фридрих Великий стал командиром такой роты уже в пять лет!³⁶ Стоит ли говорить: разница между настоящими кадетами, пусть и с деревянными ружьями, и «тавлейками» весьма существенная...

Читая порошинский дневник, мы видим, что к своим «настоящим» военным обязанностям Цесаревич относился весьма серьезно, а его военные забавы, как и игра воображения, свойственны любому нормальному десятилетнему мальчишке. Так что о каком-либо «детском милитаризме» Павла говорить не приходится.

«Из немногих выписок, сделанных нами из дневника Порошина, с достаточной ясностью обрисовывается тот особенный, созданный воображением цесаревича военный мир, в котором непрерывно витали его мысли..., — писал Н. К. Шильдер. — С годами детские мечты Павла Петровича должны были обратиться к мысли, каким образом проведи одолевавшие его грезы в действительную жизнь»³⁷.

Однако юный Павел не только грезил — ему реально приходилось выполнять некоторые обязанности, связанные с армией, прежде всего — генерал-адмиральские.

«Великий Князь принимал живое участие во всем, касающемся Морского кадетского корпуса. Обо всех экзаменах, переводах, выпусках, одним словом, о всяком сколько-нибудь важном происшествии в корпусе докладывали ему и испрашивали его разрешения. Посещая корпус, Цесаревич бывал в классах, слушал преподавание и обращал особенное внимание на морскую тактику и корабельную архитектуру. Нередко Великий Князь определял в корпус сыновей бедных дворян и, до поступления их в комплектные воспитанники, вносил на содержание их сумму из своего генерал-адмиральского жалованья. Каждую субботу и воскресенье, кроме летнего времени, к Великому Князю являлся из Кронштадта на ординарцы кадетский офицер.

Конечно, в описываемое нами время Павел Петрович не мог принимать участия в управлении морскою частью, и деятельность его, как генерал-адмирала, ограничивалась тем, что он подписывал офицерские патенты и принимал по праздникам почетные рапорты флагманов, но он интересовался флотом и морским делом», — отмечал Д. Ф. Кобеко³⁸. Естественно, что ему, как генерал-адмиралу, представлялось множество рапортов и других³⁹ документов по морской части, которые он подписывал³⁹. По этой должности ему приходилось также представлять матери и новопроизведенных флотских офицеров⁴⁰. В целом как генерал-адмирал и президент Адмиралтейств-Коллегий Цесаревич, особенно в 1770—начале 1790-х гг., весьма активно занимался делами флота⁴¹. Любовь к нему Павел сохранил на всю жизнь, и его царствование было ознаменовано значительными реформами в военно-морской области⁴².

Много внимания Павел уделял и своим кирасирам, постоянно интересуясь состоянием и подготовкой полка⁴³.

Для Цесаревича даже специально писали книги по военному делу. Одна из них — «Собрание о разных древних военных орудиях и о укреплениях мест до изыскания пороха, также и по изобретении оногo, огнестрельных машин и на про-

тиву их переменяющейся фортификации: Сочинено для употребления Его Императорскому Высочеству Государю и Великому Князю Павлу Петровичу в 1760 году», написанная генерал-фельдцейхмейстером графом П. И. Шуваловым, два списка которой хранятся в Эрмитажном собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки⁴⁴.

Как писал П. И. Шувалов в обращении «К читателю», книга эта была «единственно с тем намерением издана, чтоб показать только одне названия древних и новых военных орудий, також и укреплений, с краткими об них изъяснениями и приложенными планами...»⁴⁵.

В книге приведены краткие общие сведения о холодном и огнестрельном оружии, видах артиллерийских орудий и снарядов, фортификации. Однако большая часть главы об артиллерии посвящена описанию единорогов и секретных гаубиц, причем это описание носит ярко выраженный хвалебный характер.

В 1764 г. адмирал С. И. Мордвинов написал специально для Цесаревича «Книгу об эволюции флота корабельного и галерного и сигналах», бывшую, по существу, учебником по военно-морскому делу⁴⁶.

Значительную роль в увлечении Павла армией сыграли и некоторые из военных деятелей екатерининской эпохи, близко общавшиеся с Цесаревичем, прежде всего родной брат воспитателя Павла — графа Никиты Ивановича Панина — генерал-аншеф граф Петр Иванович Панин (1721—1789). Ко времени знакомства с Великим Князем принявший участие в Русско-турецкой (1735—1739), Русско-шведской (1741—1743) и Семилетней (1756—1763) войнах, неоднократно проявивший себя как искусный полководец и в Русско-турецкую войну 1769—1774 гг.⁴⁷, Панин «постоянно

Н. И. Панин

П. И. Панин

клад его понятий», — отмечал Н. К. Шильдер⁴⁸.

Еще одним желанным собеседником, прошедшим не одно сражение, был для молодого Павла полковник Михаил Федотович Каменский (1738—1809), будущий Генерал-Фельдмаршал, участник Семилетней войны, причем прошедший кам-

М. Ф. Каменский

посещал великого князя до отъезда в армию в 1769 году и содействовал в немалой степени развитию военных наклонностей в юном наследнике. В своих беседах Петр Иванович охотно касался также современных военных порядков и критически... относился к военным порядкам и мероприятиям Императрицы Екатерины. Подобные суждения не прошли для Цесаревича без последствий и, оставив глубокий след в его впечатлительном уме, несомненно, повлияли на

пании 1758 и 1759 г. волонтером во французской армии, человек, храбрость которого сделала его известным лично Фридриху Великому⁴⁹.

«Петр Иванович (Панин. — Е. Ю.) представил Каменского Цесаревичу, который пожелал его чаще видеть. В августе 1765 года Каменский был послан в лагерь под Бреславлем, в котором Фридрих Великий собирал и обучал свои войска. По возвращении он поднес Цесаревичу 16-го октября описание прусского лагеря, им самим сочиненное...

Цесаревичу поднесенное Каменским описание, вероятно, очень понравилось, Никите же Ивановичу Панину, может быть, в меньшей степени, а в Порошине оно должно было вызвать негодование. Появилось жестокое, по резкости, рукописное возражение на произведение Каменского, которое не без основания приписывают перу Порошина...», — писал Н. К. Шильдер⁵⁰.

Именно благодаря братьям Паниным и М. Ф. Каменскому, по мнению большинства исследователей, возникло увлечение юного Павла Пруссией, Фридрихом Великим и прусской армией⁵¹. Один из важнейших факторов, повлиявших на столь трепетное отношение Цесаревича к Пруссии, Д. Ф. Кобеко видит в визите в Петербург в 1770 г. брата Фридриха Великого, Принца Генриха: «Он успел сблизиться с Павлом Петровичем, и с этого времени утвердилась в молодом великом князе любовь к Пруссии, которой, подобно своему родителю, он не изменял никогда»⁵².

Но был ли в те времена взгляд на прусскую военную систему как на образцовую исключительным и стоит ли упрекать за него Великого Князя? Исходя из того отношения, которое сложилось в Европе и России к Фридриху Великому и его армии после Семилетней войны, думается, что нет, ибо в своем преклонении перед военным гением прусского короля Павел был не одинок. Ведь тогда... наши полководцы, граф Румянцев-Задунайский и князь Репнин, пользовавшиеся постоянным расположением Великого Князя, были ревностные приверженцы прусского устава... Родственные связи сближали также Наследника с берлинским двором. Независимо от того, победы и завоевания Фридриха Великого не могли не остановить на себе внимания Великого Князя», — отмечал П. П. Потоцкий⁵³. Подобного же мнения придерживались и многие другие русские военные историки дореволюционного периода.

«Павел Петрович, и не один Павел Петрович, а вся Европа того времени преклонялись перед прусскими войсками, прославленными победами; даже наиболее авторитетные писатели того времени причину побед Фридриха видели в прусском способе образования солдат, считая его единственным

Фридрих II

и безукоризненным...»⁵⁴, — писал Б. Р. Хрещатицкий⁵⁴. Аналогичные высказывания находим и у А. Туган-Мирзы-Барановского: «Сравнивая победы над турками и поляками и вялые действия могучей России в трехлетней борьбе против шведов с изумительною борьбою Фридриха Великого с половиною Европы, Наследник пришел к заключению, что, привив прусскую систему, с нею привьет и энергию и деятельность Прусского Короля»⁵⁵.

Взвешенный, объективный показ военной деятельности и личности Фридриха Великого, в том числе в связи с развитием русского военного искусства и отношением к военной системе Фридриха самого Павла, мы видим и в работах отечественных историков последних десятилетий.

«Павел был не прусофилом, он был поклонником порядка и, что касается армии, сторонником строгой дисциплины, — пишет А. В. Гаврюшкин. — В тогдашней Пруссии, по мнению всей Европы, государственные учреждения и армия содержались в образцовом порядке. Им подражали везде, поэтому трудно осуждать Павла за то, что он, подобно другим монархам, стремился перенять у Фридриха II полезные нововведения. Другое дело, что полезное, с точки зрения Павла, не всегда оказывалось таковым в действительности»⁵⁶.

«К сожалению, в нашей литературе несколько односторонне рассматривался вопрос о прусской военной системе, а отношение к ней А. В. Суворова или других представителей русской военной школы в период, предшествовавший преобразованиям Павла I, не затрагивалось, — справедливо отмечает Н. Г. Рогулин. — Как правило, даже анализ опыта Семилетней войны сводится к критике ограниченности линейного боевого порядка и кордонной стратегии, а также

упоминанию о господствовавшей в наемных армиях муштре и палочной дисциплине...

Уместно в данном случае вспомнить, что авторитет Фридриха II в военных вопросах не подвергался сомнению многими представителями русской военной школы. Например, о ярчайшем из них... П. А. Румянцеве, современники отзывались как о горячем поклоннике прусского короля и прусской армии.

Опыт прусской армии внимательно изучали Н. В. Репнин, бывший одно время послом при дворе Фридриха, и П. И. Панин, сославшийся на него при рассмотрении вопроса об учреждении в России егерей по образцу прусских егерских команд. Если прибавить сюда И. П. Салтыкова и М. Ф. Каменского, то станет ясно, что Н. Дубровин имел достаточно оснований написать о „благоговении выдающихся боевых деятелей России перед военным талантом Фридриха“.

А. В. Суворов также считал необходимым изучать опыт Фридриха II... Некоторые мысли, высказанные Фридрихом в его наставлении прусскому генералитету, оказались созвучными взглядам Суворова и встречаются в его позднейших наставлениях»⁵⁷.

Весьма эмоционально, но, пожалуй, верно высказался на этот счет и Ю. Ю. Ненахов: «Русские в лице Пруссии имели не худший, а возможно, и лучший пример для подражания. Однако в том-то и дело, что мы не смогли по-настоящему учиться у них и по-настоящему заимствовать их примеры, ограничиваясь принятием внешних форм в таком извращенном виде, что тот же Фридрих Великий пришел бы в ужас, увидев, как после его смерти в России трактовали его наследие...

Фридрих Вильгельм I

В своем понимании образа мыслей и наследия Фридриха II Павел стал совершать шаги, которых „Старый Фриц“ не сделал бы никогда»⁵⁸. Кстати, нужно отметить, что во многих вопросах, касающихся армии (да и не только ее), Павел во многом походил даже не на Фридриха Великого, а на его отца — знаменитого «короля-солдата» Фридриха Вильгельма I. Для короля были характерны бережливость, забота о быте солдат, чрезвычайно щепетильное отношение к военному мундиру, понятию офицерской чести, четкая регламентация служебных обязанностей, особая любовь к парадам и строевой выправке, очень тесные и дружеские отношения со своими любимыми Гвардейскими частями⁵⁹. Как мы увидим ниже, эти качества неоднократно проявлялись и у наследника русского престола. И их едва ли можно назвать отрицательными...

Таким образом, по мнению большинства историков, к началу 1770-х гг. Павел Петрович, под влиянием как своих приближенных, так и общеевропейских настроений, сделался убежденным сторонником прусской военной системы.

Вообще же Цесаревич считал для монарха изучение военного дела, безусловно, обязательным: «Я думаю, что стыдно бы было тому, кто от Бога произведен того пола и звания, служить непосредственно Отечеству своему, непосредственно же не упражнялся б главнейшею частию службы онаго, какова есть защита государственная», — писал он П. И. Панину 14 сентября 1778 г.⁶⁰

К середине 1770-х гг. взгляды Павла на принципы устройства вооруженных сил России в целом определились и наиболее полно были им изложены в «Рассуждении о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оного, и касательно обороны всех пределов», которое, по словам Н. К. Шильдера, в 1774 г. было представлено Императрице Екатерине⁶¹. Однако Я. Л. Барсков, серьезно занимавшийся изучением проектов военных преобразований Павла, писал, что Шильдер в данном утверждении опирался лишь на монографию полковника П. С. Лебедева «Графы Никита и Петр Панины»⁶², где отрывки из «Рассуждения» впервые и были опубликованы⁶³. «Мне известна рукопись,

которой пользовался Лебедев: в ней нет указаний на то, что „Рассуждение” Павла предназначено для Екатерины», — отмечал Барсков⁶⁴. Верным, на наш взгляд, является его утверждение, что такие обстоятельства, как Русско-турецкая война 1769—1774 гг., раздел Польши, пугачевский бунт и назначение П. И. Панина для его усмирения, собственно, и «вызвали работу Цесаревича, в которой он пытался выяснить причины неурядицы и найти средства к ее устранению»⁶⁵.

Н. В. Репнин

Еще в 1769 г. возникает длившаяся много лет переписка между Павлом и П. И. Паниным⁶⁶. Вторую редакцию «Рассуждения», переработанного в 1778 г., Павел с письмом от 11 октября того же года отправил Панину⁶⁷. 3 января 1779 г. Цесаревич представил Панину вместе с письмом трактат «Мысли о военной части»⁶⁸. Еще одним адресатом, с которым Павел постоянно обсуждал различные военные вопросы, был талантливый русский военачальник и дипломат генерал-аншеф князь Николай Васильевич Репнин (1734—1801)⁶⁹. В переписке двух полководцев и Великого Князя серьезно обсуждались вопросы комплектования и квартирования армии, обороны границ и боевой подготовки⁷⁰. «Ясно, что не гр. П. И. Панин и кн. Н. В. Репнин побуждали Цесаревича проектировать преобразования по части военной или гражданской, но сам он искал дружеских ответов на занимавшие его вопросы», — писал об этой переписке Я. Л. Барсков⁷¹. Приблизительно в то же время Павлом была составлена записка, специально касающаяся преобразований в артиллерии. Многие из ее положений впоследствии были реализованы⁷².

Сохранилось значительное количество записок и рассуждений Цесаревича Павла Петровича по военным вопросам,

относящихся к 1770—1790-м гг.⁷³ Попытаемся на их основе кратко сформулировать взгляды Павла на военное дело и русскую армию.

Сам Государь должен быть Верховным Главнокомандующим вооруженными силами страны и постоянно лично заботиться об их боеспособности.

Во главе армии должен находиться военный министр, подчиненный Государю.

России надлежит отказаться от наступательных войн и все внимание сосредоточить на обороне страны. Армия, в соответствии с этим, должна быть разделена на пять частей: 1) для действий против Швеции, 2) для действий против Пруссии и Австрии, 3) для действий против Турции, 4) для действий против кочевников Сибири, 5) стратегический резерв, состоящий из полков, размещенных внутри империи. Границы страны должны быть надежно прикрыты крепостями.

Все войска постепенно должны стать оседлыми, т. е. комплектоваться и снабжаться за счет местного населения (здесь Павел предвосхищает введенные Александром I военные поселения).

В силу обширности и малонаселенности России набрать необходимое число россиян в армию чрезвычайно затруднительно, поэтому на деньги, которые платит купечество за то, чтобы не служить в армии, вербовать за границей (в Польше и Германии) наемников и формировать из них отдельные полки (т. е. не смешивать с русскими частями, набранными из рекрутов). Размещать эти вербованные полки Цесаревич намеревался в центре России, на «не освоенных» территориях, а по окончании службы волонтеры должны были получать в тех же местах земельные наделы. Впрочем, число наемников предполагалось небольшое: Павел четко понимал, что сила России — в национальной армии.

Солдаты должны служить строго определенный срок и ни в коем случае не использоваться не по назначению.

Всем в армии, от фельдмаршала до рядового, следует четко знать свои обязанности, которые должны быть определены в обязательных к исполнению уставах.

Гвардия должна быть уравнена в льготах и правах с армией (что впоследствии привело бы к ее исчезновению).

Армия должна быть расквартирована в казармах и в холодное время года заниматься индивидуальным обучением, а в теплое проводить маневры и учения, показывающие уровень строевой и боевой выучки войск.

Различия между частями войск должны быть отражены в расцветке обмундирования или его деталей.

Вся служба должна строиться на строгой дисциплине, субординации и четком знании каждым своих обязанностей⁷⁴.

Таковы были основные положения военной доктрины, разработанной Павлом к началу 1780-х гг. От некоторых положений (набор наемников, ликвидация Гвардии) Цесаревич впоследствии отказался, но большинство из них, не без пользы для русской армии, было претворено в жизнь.

К сожалению, весьма необременительные обязанности генерал-адмирала и шефа Кирасирского полка, а также переписка с П. И. Паниным и Н. В. Репниным — это было практически все, чем мог заняться молодой наследник, ибо Екатерина, как известно, старалась как можно реже допускать Павла к государственным делам⁷⁵. И на неоднократные просьбы отправить его волонтером на Русско-турецкую войну отвечала отказом, ссылаясь на весьма зыбкие причины⁷⁶. «Можно предположить, что действительная причина отказа вызвана стремлением Императрицы не допустить усиления авторитета сына, ибо военная служба и участие в походе предоставляли ему наиболее удачный шанс отличиться.

Екатерина II

Во-вторых, по-видимому, она опасалась распространения в армии „прусской заразы“», — отмечал А. В. Скоробогатов⁷⁷

М. М. Сафонов в своей книге «Завещание Екатерины II»⁷⁸ вполне убедительно, на наш взгляд, доказал, что завещания Императрицы, в котором она намеревалась лишить сына престола, не существовало. Но при жизни Екатерина никоим образом не желала делить власть со своим наследником. «Екатерина II позволяла ему лишь пассивно смотреть на ее действия, ни в коем случае не допуская активного участия, по-видимому, опасаясь возможности ограничения своей власти», — пишет А. В. Скоробогатов⁷⁹.

Между тем Павел Петрович жаждал деятельности, и прежде всего — на поприще военном⁸⁰. Видимо, одной из форм такой деятельности Цесаревич, в силу сложившихся обстоятельств, мог считать командование хотя бы небольшим отрядом войск, подчиненных непосредственно ему, в котором он мог бы опробовать те принципы обучения и воспитания, каковые считал для себя наиболее передовыми.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что одним из важнейших факторов, способствовавших укреплению в Павле желания создать в России под своим началом отряд войск, обмундированных и выученных по прусскому образцу, стала поездка в Берлин летом 1776 г. по случаю сватовства к Софии-Доротее Вюртембергской⁸¹. Фридрих Великий постарался показать свою армию во всем блеске, тем более что в свите Цесаревича находился Генерал-Фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725—1796), победа которого над турками при Кагуле произвела на короля неизгладимое впечатление. На маневрах, устроенных в окрестностях Потсдама по случаю приезда высоких гостей, Фридрих разыграл Кагульское сражение, лично командуя «русской» стороной, а по окончании маневров возложил на Румянцева орден Черного Орла⁸². Но со времени берлинских маневров прошло шесть лет, прежде чем Павлу Петровичу удалось создать свое маленькое войско⁸³.

Здесь необходимо отметить еще один факт. Создавая подчиненный только ему и им воспитанный военный отряд,

Павел подражал Петру Великому, перед которым преклонялся⁸⁴. Судя по воспоминаниям современников, Цесаревич открыто сравнивал впоследствии свои Гатчинские войска с «потешными» полками Петра, а своих офицеров — с его сподвижниками⁸⁵. В связи с этим Н. А. Саблуков даже писал, что каждый отряд Гатчинских войск (батальон или эскадрон) «изображал полк Императорской Гвардии»⁸⁶. Это утверждение ошибочно, но оно отражает взгляд современников на Гатчинские войска не только как на затею собственно Павла, но как на явление, аналогичное тому, что имело место при Петре. Военные историки О. Г. Леонов и И. Э. Ульянов вполне справедливо отметили традиционность создания наследниками российского престола собственных «потешных» войск, «противопоставляемых существующей армии государства»⁸⁷. Едва ли Гатчинские войска смогли бы сыграть ту роль, какую сыграли петровские «потешные» в борьбе Петра с Царевной Софьей, но факт следования традиции в данном случае несомненен.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что для создания Гатчинских войск у Павла Петровича имелся целый ряд серьезных причин, главная из которых, на наш взгляд, — нежелание Екатерины допускать сына к серьезным государственным и военным делам, ее отказ отпустить его на Русско-турецкую войну. Ведь даже присутствие на театре военных действий в качестве простого волонтера многое дало бы Павлу Петровичу — там он смог бы увидеть армию в деле, общаться с лучшими полководцами России и перенимать от них боевой опыт, тем более что он находился в самых дружеских отношениях с П. И. Паниным, Н. В. Репниным, П. А. Румянцевым. Кратковременное же участие в походе 1788 г. в Русско-шведскую войну 1788—1790 гг. не могло дать Павлу ясного представления о том, что по-настоящему необходимо и ценно для воспитания и обучения войск⁸⁸. И в результате Павел так навсегда и остался очарован «однообразной красотью» маневров в окрестностях Потсдама, оставшихся для него эталоном боевой и строевой подготовки войск.

Военный Петербург эпохи Павла I

Таким образом, Цесаревичу, жаждавшему подвигов и деятельности, но волею матери оказавшемуся не удел, возможность хотя бы частично реализовать на практике свои военные замыслы виделась только в создании специального отряда войск. Этот отряд, вошедший в историю под названием Гатчинских войск, был создан Павлом в 1783 г. по возвращении из заграничного путешествия.

Глава вторая

ГАТЧИНСКИЕ ВОЙСКА

В исторической литературе Гатчинские войска получают, как правило, негативную оценку. «Еще современники признавали их олицетворением плац-парадной муштры, палочной дисциплины, когда шагистика подменяла боевую выучку, а слепое повиновение внедрялось посредством рукоприкладства», — писал военный историк О. В. Леонов.

Но только ли муштра и жестокость царили в Гатчинских войсках? Для ответа на этот вопрос нужно хотя бы кратко ознакомиться с историей их создания и развития.

Начало Гатчинским войскам было положено в 1782 г. (по данным Д. Ф. Кобеко — 6 марта 1783 г., что кажется более вероятным, так как Павел Петрович и Мария Федоровна возвратились в Петербург из заграничного путешествия только 20 ноября 1782 г.), когда для несения караулов при Павловском и Каменноостровском дворцах Великого Князя Павла Петровича были сформированы две команды, по 30 человек каждая, составленные из чинов балтийских флотских батальонов, подчиненных Павлу как генерал-адмиралу. Численность команд постепенно росла.

Мария Федоровна

Павел I. 1798—1800 гг.

Именно в гатчинской пехоте постигали азы военной науки старшие сыновья Павла — Великие Князья Александр и Константин. В 1796 г. Александр был назначен шефом 2-го батальона, а Константин — 3-го³.

История гатчинской кавалерии начинается в 1787 г., когда из чинов Кирасирского Наследника Цесаревича полка был сформирован отдельно Кирасирский (жандармский) полк, именовавшийся иногда эскадроном. В 1792 г. из чинов различных полков армейской кавалерии, в основном опять же из Кирасирского Наследника полка, были сформированы полки Драгунский и Гусарский, а в 1793 г. к ним прибавился Казачий полк (эскадрон), сформированный из прибывшей с Дона казачьей команды⁴.

Артиллерия в Гатчинских войсках, судя по опубликованным данным, появилась в 1786 г., с учреждением Артиллерийской команды Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича (унтер-офицер и 8 рядовых)⁵. Однако документы архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи показывают, что уже в 1783—1785 гг. для Цесаревича в Санкт-Петербургском арсенале и Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории было сделано 14 лафетов с принадлежностью, 1 зарядный ящик, 3 зарядных сумы, сотни картузов с холостыми заря-

дами, скорострельных трубок и палительных свеч⁶. Таким образом, можно утверждать, что артиллерийская команда из чинов пехоты и орудия для салютационной и сигнальной стрельбы имелись у Павла Петровича уже в 1783 г., а в 1786 г. появилась специально набранная артиллерийская команда из флотских артиллеристов. В 1787 г. численность команды возросла, и из ее состава было выделено 2 орудия с прислугой для формирования конной артиллерии при жандармском полку. В августе 1792 г. артиллерийская команда была преобразована в роту, разделенную годом позже на 1 конное и 3 пеших отделения, а к 1796 г. она представляла собой артиллерийский полк, состоявший из 1 конной и 3 пеших рот и имевший в своем составе 16 орудий, 12 из которых были новой, улучшенной и облегченной конструкции, разработанной при активнейшем участии самого Павла Петровича⁷. Всего к 1796 г. артиллерия Гатчинских войск насчитывала 60 орудий, из них 12 находились в полку, а остальные — при Гатчинском и Павловском дворцах⁸.

Вообще здесь необходимо отметить, что гатчинская артиллерия оказала огромное влияние на дальнейшее развитие всей русской артиллерии в целом.

«Основания, выработанные в гатчинской артиллерии, послужили почвой, на которой развились дальнейшие организационные преобразования во всей русской артиллерии, начавшиеся со вступлением на престол Павла I», — писал Н. Е. Бранденбург⁹.

Пешая артиллерия Гатчинских войск

Конная артиллерия Гатчинских войск

«Опыт организации, обучения и устройства материальной части артиллерии гатчинских войск был впоследствии Аракчеевым применен при разработке русской артиллерии, в результате чего была выработана артиллерия 1805 г., или, как ее иначе называли, „аракчеевская"», — отмечал Д. Е. Козловский¹⁰.

Материальная часть артиллерии Гатчинских войск, разработанная в 1791—1792 гг. при участии Павла, генерал-майора Х. Л. Эйлера и капитана Ф. И. Апрелева, по своим конструктивным и тактико-техническим характеристикам значительно превосходила материальную часть русской артиллерии, состоявшей на вооружении, и легла в основу образцов материальной части, принятых на вооружение в 1797 и 1805 гг.

Зеленый цвет лафетов орудий и обмундирования гатчинской артиллерии с восшествием на престол Павла был принят во всей русской артиллерии и более уже не менялся.

На маневрах и учениях Гатчинских войск активно отрабатывались вопросы взаимодействия артиллерии с другими родами войск, причем зачастую гораздо шире, чем это практиковалось в артиллерии русской армии, за исключением частей, находящихся под командованием П. А. Румянцева и А. В. Суворова.

Благодаря разделению прислуги на номера и четко разработанным командам для заряжания и стрельбы, а также прекрасной подготовке личного состава артиллерия Гатчин-

ских войск по уровню строевой и боевой подготовки значительно превосходила артиллерию русской армии.

В артиллерии Гатчинских войск многое было заимствовано из прусской армии, считавшейся тогда лучшей в Европе (передковые ящики, система калибров орудий, конно-артиллерийские части постоянного состава, обмундирование), но Павел не был слепым поклонником Фридриха Великого, и в первую очередь это касалось артиллерии. Если прусский король смотрел на артиллерию как на «обоз», то Павел видел в ней мощнейшее средство поддержки пехоты и кавалерии, способное оказать решающее влияние на исход боя.

Кроме прусского опыта Цесаревич активно использовал опыт французской артиллерии, реформированной в 1760-х гг. «отцом французской артиллерии» генералом Жаном-Батистом Грибовалем, а также все лучшее, что было наработано в русской полевой артиллерии.

Выработанные в артиллерии Гатчинских войск организационная структура, материальная часть, приемы стрельбы, строевой и боевой подготовки по воцелествии Павла на престол были введены во всей русской артиллерии, что сыграло огромную роль в росте ее боеспособности¹¹.

Особое значение придавал Великий Князь картечному огню¹². Он лично придумал специальную мишень для картечной стрельбы, которую, став Императором, ввел во всей артиллерии¹³: «...составлялась сплошная мишень из досок в 10 фут длиною, с несколько заостренным основанием, причем каждая доска становилась наклонно и подпиралась сзади подпоркою, так что попавшая пуля могла ее сбить»¹⁴. «Устроенные таким образом щиты выполняли два назначения: они показывали меткость стрельбы, а вместе с тем и действительность выстрелов», — отмечал В. Ф. Ратч¹⁵.

Заслуга Павла Петровича в обучении гатчинских артиллеристов «цельной» стрельбе исключительно велика — ведь в то время «артиллеристы наши считали меткую стрельбу из орудий делом невозможным»¹⁶. Цесаревичу на примере своих артиллеристов удалось доказать ошибочность этого мнения.

Огромное значение Великий Князь придавал и быстроте открытия огня.

«Постоянная мысль государя была искоренить в артиллерии медленную постановку ее на позицию и долгое приготвление к стрельбе. Артиллерии повелено было маневрировать с заряженными орудиями, тогда как европейские артиллеристы, сознавая выгоду быстрого открытия огня, почти 40 лет спустя еще сомневались в возможности этого способа без потери зарядов.

Артиллерия, остановленная на позиции, должна была немедленно открывать огонь; 10-ть секунд был наибольший предел, который допускал Государь до первого выстрела как в конной, так и в пешей артиллерии.

Для подобной быстроты в действиях и движениях недостаточно было доселе существовавшее строевое обучение, состоявшее только в общих способах заряжания и стрельбы: необходимы были более точные правила — приемы, строгое распределение обязанностей между прислугою, упражнения в движениях для их правильности и для предупреждения замешательства и несчастных случаев. Соединение же орудий в батареи и совокупное их действие с пехотою и кавалериею потребовали правил для построений, которые создавались и улучшались по указаниям Государя Императора Павла Петровича и при которых артиллерия постоянно должна была иметь в виду быстрое открытие огня», — писал В. Ф. Ратч¹⁷.

Кроме сухопутных частей при Гатчинских войсках существовала небольшая озерная флотилия. «Павел ... пожелал наряду с „потешной“ сухопутной гатчинской армией иметь такой же флот. Так на просторах озер появилась эскадра из 24 судов — яхт, фрегатов, трешкоутов, яликов, гондол и специальных плотов. Малые суда использовались для... водных прогулок, а более крупные, вооруженные настоящими медными пушками, участвовали в морских экзерцициях, длившихся порой целыми днями и сопровождавшихся боевой стрельбой, abordажам, десантами и всем тем, что присуще маневрам военного флота. Морские игры велись с таким азартом, что сын Павла, будущий император Александр I, оглох от пальбы на одно ухо»¹⁸.

Для повышения образовательного уровня офицеров Гатчинских войск Павел Петрович учредил в 1794 г. офицерские классы, заведование которыми поручил А. А. Аракчееву, командовавшему тогда гатчинской артиллерией¹⁹.

«По учреждении вами, г. подполковник Аракчеев, вследствие приказания моего, для офицеров военного класса, предписываю вам иметь прилежное смотрение как за успехом их в учении, так и за поведением во время оногo; а при том наблюдать, чтобы они были всегда опрятно и как должно по форме одеты, не дозволяя им ходить в классы в сюртуках; если же кто против сего сделается ослушным, то дозволяю вам такового тотчас арестовать, дав о том знать за известие коменданту, а меня тотчас рапортовать, так как и доносить мне почаству обо всем оном. Для классов же избрать вам способное время, как, например, после обеда, в кое офицеры от должностей свободны бывают; сие же относится для тех, кои в Гатчине, а не живущих в Скворицах», — писал Павел в рескрипте Аракчееву от 4 июля 1794 г.²⁰

«Препоручая вам, г. подполковник Аракчеев, учредить в Гатчине по примеру прежнему класс для преподавания военной науки, предоставляю вам избрать способного для сего офицера...», — писал Цесаревич в тот же день, а уже 6 июля он выразил А. А. Аракчееву свое удовольствие офицерскими классами²¹.

«Классы были в комнатах Дворца Его Высочества в Гатчине, ежедневно от 4 до 6 часов пополудни. Они разделялись на три отделения:

В одном подпрапорщикам и юнкерам пехоты и кавалерии преподаваемы были чистописание, русский язык, арифметика и начала геометрии.

В другом артиллерийским юнкерам — русский язык, математика и артиллерия.

В третьем всем офицерам вообще — тактика и фортификация»²².

В 1794 г. в Гатчине для солдатских сирот был учрежден Сиротский дом (впоследствии — славное Павловское военное училище²³).

«Отправляю к вам мать и маленького Семенова для помещения его в кадеты. Постарайтесь, чтоб о нашем заведении хорошее имя шло», — писал Цесаревич А. А. Аракчееву, руководившему и Сиротским домом, в записке от 5 августа 1796 г.²⁴

Управление Гатчинскими войсками разделялось на инспекции: Пехотную, Кавалерийскую, Артиллерийскую. Снабжением войск ведал Военный департамент, учрежденный в 1794 г.²⁵

«Для того чтобы одевать свою армию по прусскому образцу и дать работу жителям Гатчины, Павел Петрович открыл небольшие фабрики и мастерские. В старинной постройке, ранее называвшейся „каменной ригой“ (сейчас в этом полукруглом здании... размещен Дом молодежи), работала суконная фабрика, имелись замшевая и полотняная фабрики, а также золотошвейная (галунная) и шляпная мастерские»²⁶.

Всего к ноябрю 1796 г. в Гатчинских войсках по различным спискам числилось 2399 человек. Пехотные батальоны насчитывали в своем составе от 247 до 266 человек, егерская рота — 52, жандармский полк — 181, драгунский — 165, гусарский — 175, казачий — 63, пешая артиллерия — 171, конная — 43 человека²⁷.

«В состав гатчинских войск входил самый разнообразный люд; тут были: сербы, выходцы из Малороссии, разные отпускные, командированные, охотники (добровольно поступившие на службу. — *Е. Ю.*), иногда случались и беглые. Причина этого заключалась в следующем: Императрица смотрела неблагосклонно на затеи сына, который стремился постоянно увеличивать число своих баталионов; людей, назначавшихся от флота для несения караульной службы, не хватало, и потому приходилось прибегать к вербовке»²⁸. Служилось нижним чинам Гатчинских войск, видимо, весьма сносно, доказательством чему могут служить, в частности, документы архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Из них следует, что в период с сентября 1794 по апрель 1796 г. 15 нижних чинов артиллерии Санкт-Петербургского гарнизона самовольно оставили свои части и направились в Гатчину и Павловск,

желая поступить «в строевую службу» в Гатчинские войска, причем трое из них делали это дважды! Правда, всем им Павел Петрович велел вернуться к местам службы, где они по приговору военного суда были подвергнуты наказаниям²⁹. Приказ Павла о возвращении людей обратно в свои части понятен — он не хотел ставить себя в неловкое положение перед Военной Коллегией, незаконно вербуя в свои войска солдат, состоявших на действительной службе. Но, как бы то ни было, сам факт таких отлучек свидетельствует о вполне гуманном отношении к нижним чинам в Гатчинских войсках.

«Хотя служба в „гатчинских войсках“ была достаточно суровой и подчинена большому количеству правил и предписаний, наказаний или взысканий в армии Цесаревича было немного, — отмечает А. В. Скоробогатов. — На 135 записей „Парольной и приказной книги“, которая велась ежедневно с 5 июля по 16 ноября 1796 г., приходится только 38 записей, указывающих на взыскания, т. е. менее одной трети. Распределение по видам взысканий происходит следующим образом: 22 выговора, 8 замечаний, 3 увольнения со службы, 2 ареста, 2 разжалования, 1 исключение во флот. Замечания и выговоры объявлялись большей частью за промахи и упущения по службе, в особенности же на учениях.

Налагая взыскания, Павел Петрович не забывал и о наградах. В названной приказной книге встречается 34 записи с выражением признательности и наград по войскам»³⁰.

Впрочем, вопреки распространенному мнению, наказания в Гатчинских войсках не отличались чрезмерной жестокостью. «Наследник для ограждения законов и подсудимых от произвола наблюдал за точным соблюдением всех правил при случавшихся следованиях и судах, что подтверждал и своим подчиненным. Движимый человеколюбием, он вменял в обязанность при исполнении наказаний соразмерять их с силами наказуемых», — писал В. Ф. Ратч³¹.

Отдельно следует сказать об офицерах Гатчинских войск. «Опричниками Павловского царствования» называет их Н. К. Шильдер³². Один из биографов М. И. Кутузова, В. Д. Мелентьев, так писал о них: «...в основном иностранцы или

списанные за непригодностью из флота (для чего наследник Павел использовал занимаемую им должность — президента Адмиралтейской коллегии), не имеющие ни высокого сословного положения, ни боевых заслуг...»³³

«Офицерами и унтер-офицерами в гатчинских войсках сначала были иностранцы... Из русских в гатчинские войска шли, как правило, люди, не сумевшие положительно зарекомендовать себя в армии. Для гатчинского офицерства были характерны жестокость и безграмотность.

Гатчинцы оставили печальный след в истории русской армии. Но тщетно было бы искать их имена в летописи русской славы. Когда в 1852 году в Гатчинской придворной церкви решили установить мраморную доску с именами гатчинцев, погибших на полях сражений, выяснилось, что из ста двадцати трех гатчинцев в боях погибло только двое», — пишет В. К. Грибанов³⁴. П. С. Лебедев писал, что «из гатчинцев один Капцевич заслужил известность храброго служивого...»³⁵ Конечно, изнеженных гвардейских офицеров екатерининского царствования бывшие гатчинцы повергли в шок своими суровыми манерами и отсутствием «приличного» воспитания и придворного лоска³⁶.

Но полностью ли объективны подобные оценки?

Действительно, среди офицеров Гатчинских войск не встречалось представителей аристократических фамилий. «Следует добавить, — писал Н. А. Орлов, — что при незначительности средств Павел Петрович не мог содержать свои войска так же роскошно, как содержалась петербургская гвардия, так что офицеры получали весьма небольшое жалованье; простой и некрасивый мундир, продолжительные и утомительные ученья и тяжелая караульная служба не могли привлечь богатую молодежь в войска Цесаревича, а потому масса его офицеров состояла из немцев и сыновей небогатых помещиков, которые потом устраивали в гатчинских войсках и своих родственников; служили только те,³⁷ для которых это составляло совершенную необходимость»³⁷. Но зато служили эти офицеры усердно, не за страх, а за совесть!

Что касается образовательного уровня, то, действительно, не все офицеры имели хорошее образование, чему при-

чиной во многом служила их бедность, и для многих первой серьезной учебой было посещение гатчинских офицерских классов. Выделялись своей образованностью гатчинские артиллеристы. «Следует отметить, что практически все офицеры гатчинской артиллерии были выпускниками Артиллерийского и Инженерного корпуса, что опровергает высказывания современников о том, что все гатчинские офицеры были малообразованны», — пишет А. Н. Лукирский³⁸. Из кадет-артиллеристов вышли «гатчинцы» А. А. Аракчеев³⁹, П. М. Капцевич⁴⁰, И. Х. Сивере⁴¹, Н. О. Котлубицкий⁴² и др.

Ну а поискать имена гатчинских офицеров «в летописи русской славы» все-таки стоит. Многие из них достойно показали себя не только на гатчинском плацу, но и в боях.

Начнем с августейших «гатчинцев» — Великих Князей Александра и Константина.

Боевым крещением для Александра стало Аустерлицкое сражение 20 ноября 1805 г., окончившееся разгромом русско-австрийских сил⁴³. Впрочем, несмотря на поражение, Кавалерская Дума ордена Св. Георгия постановила пожаловать Императору знак ордена IV степени⁴⁴. Потом были новые тяжелые битвы с Наполеоном и непонятый русским обществом Тильзитский мир...⁴⁵ Но в грозные дни нашествия Наполеона на Россию Александр предстает уже совсем другим...

«Несмотря на тяжкие условия, в которых велась война, несмотря даже на потерю Москвы, Император Александр не принимает соблазнительные предложения мира и твердо стоит на решении не заключать его, пока хоть один неприятельский солдат будет в пределах России», — писал об Александре в дни Отечественной войны

Александр I

военный историк Н. П. Михневич⁴⁶. Впрочем, Император до конца своих дней не любил вспоминать об Отечественной войне, между тем как весьма трепетно относился ко всему, что касалось Заграничных походов⁴⁷.

1813 и 1814 годы — апофеоз военной карьеры Александра, пик его славы. Эти кампании пройдены им во главе русской армии, и в них он по-настоящему сумел проявить себя, выказав большую личную храбрость и мужество, а также незаурядные военные дарования. Так, в сражении при Бауцене 21 мая 1813 г. своевременное распоряжение Императора выделить для прикрытия отступающих русско-пруссских войск кавалерию с артиллерией и приказ держаться до последней возможности спасли от разгрома войска союзников. Умелое руководство боем при Кульме 17—18 августа того же года (через голову главнокомандующего — австрийского фельдмаршала Шварценберга) стало залогом блестящего триумфа⁴⁸. «Кульмская победа сияет славой на знаменах нашей Гвардии — это была любимая победа Императора Александра Павловича», — писал А. А. Керсновский⁴⁹.

Чрезвычайно велика степень личного участия Александра в трехдневном сражении под Лейпцигом (4—6 октября 1813 г.). Грамотные действия Александра 4 октября спасли русские войска от окружения между реками Плейса и Эльстер, а своевременный ввод им в бой у Вахау 112 орудий резервной артиллерии вырвал победу из рук Наполеона⁵⁰. Как справедливо отмечает Т. А. Капустина, «первый этап лейпцигского боя был самым блестящим результатом, достигнутым лично Александром I, за всю его военную карьеру. Это и успешная критика плана Шварценберга накануне сражения очень высоко подняли престиж русского царя, который, в сущности, стал играть роль главнокомандующего союзных армий»⁵¹.

В решающий день сражения, 6 октября, Государь все время находился в колоннах войск, под неприятельским огнем, и прусский фельдмаршал Блюхер посылал рапорты Александру, а не своему королю!⁵²

В кампанию 1814 г. Император действовал так же смело и решительно. Его слово стало решающим на военном сове-

те в Сомпюи 12 марта, на котором было решено идти на Париж⁵³. Это решение, по словам А. А. Керсновского, «в шесть дней закончило грозившую затянуться войну»⁵⁴. На следующий день в сражении у Фер-Шампенуаза «Император Всероссийский, как простой эскадронный командир, врубился в неприятельский строй»⁵⁵. А 20 марта русские войска во главе со своим Государем вступили в поверженный Париж...⁵⁶

«Конечно, Александр не был великим полководцем, да и по свойствам своего характера не мог быть им, — пишет Т. А. Капустина. — Лично участвуя в сражениях, деля со своими войсками все тяготы и лишения походов — он ненавидел войну и ставил целью своей политики восстановление мира в Европе... Личное присутствие Александра I в армии и его деятельность как главы русского государства явились необходимым условием свержения Наполеона и победы 6-й коалиции»⁵⁷.

Константин впервые оказался в настоящей боевой обстановке шестью годами ранее старшего брата. В 1799 г. он отправляется волонтером в армию А. В. Суворова. Сразу же Великий Князь выказал большую личную храбрость. Уже через несколько дней после прибытия к Суворову, в бою при Басиньяно, он лично водил в атаку пехоту и довольно успешно распоряжался артиллерией. Храбро сражался Константин, своим присутствием воодушевляя войска, на р. Тидоне и Треббии, при Нови. За бои в Италии Павел пожаловал Константину алмазные знаки ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Храбрым и грамотным офицером и командиром показал себя Константин Павлович и в тяжелейшем переходе через Альпы, все время находясь в авангарде, с егерями князя П. И. Багратиона.

Константин Павлович

Великий Князь горячо поддержал решение А. В. Суворова прорываться на Гларис, дрался на Сен-Готарде и у Чертова моста. В бою у Глариса он, находясь в боевой линии, обратился к солдатам с короткой воодушевляющей речью и увлек их в атаку. Все время пребывания в армии Константин Павлович делил все тяготы похода наравне с солдатами и офицерами. И если на первых порах он вызывал неудовольствие Суворова своей горячностью, то вскоре своей храбростью, мужеством и распорядительностью заслужил его горячее одобрение. «Всегдашнее присутствие Его Высочества перед войсками и на гибельных стремнинах гор оживляет их дух и бодрость. История увековечит его похвальные подвиги, которых я имел счастье быть очевидцем», — писал полководец Павлу. Манифестом от 20 октября 1799 г. Государь за боевые подвиги пожаловал Константину титул Цесаревича⁵⁸.

До конца дней А. В. Суворов остался для Константина Павловича одним из наиболее любимых и почитаемых людей⁵⁹.

В боях 1805—1807 г. Цесаревич не раз проявлял себя, командуя Гвардией. За Аустерлиц, где Гвардия проявила чудеса храбрости, Константин был удостоен ордена Св. Георгия III степени. В кампанию 1807 г. Константин отличился в сражении при Гейльсберге, для нас в целом неудачном. Видя тяжелое положение армии и недостаток резервов, он выступал за прекращение кампании, но Александр не внял его доводам, и завершать ее пришлось после неудачного Фриландского сражения. Во время встречи в Тильзите Константин получил орден Почетного легиона и обменялся шпагами с Наполеоном, перед военным талантом которого преклонялся⁶⁰.

В начале Отечественной войны Константин был одним из немногих сторонников мира с Наполеоном. Находясь в 1-й Западной армии в качестве командира 5-го (Гвардейского) пехотного корпуса. Цесаревич открыто и во всеуслышание осуждал отступательные действия главнокомандующего М. Б. Барклая де Толли, почему и был отослан им из армии в Москву для словесного доклада Государю. Однако вскоре Константин вернулся к войскам и принял участие

в сражении под Смоленском. Новая ссора с Барклаем стала причиной его вторичного отъезда из армии. Впрочем, в декабре 1812 г., в Вильне, он снова принял командование Гвардией, с честью пройдя Заграничные походы⁶¹. Цесаревич неоднократно отличился в сражениях при Бауцене, Дрездене, Лейпциге, Фер-Шампенуазе. Наградой за Дрезден стало Золотое оружие, за Лейпциг — орден Св. Георгия II степени. Атака Цесаревича во главе Лейб-Гвардии Конного и Драгунского полков на левый фланг французов под Фер-Шампенуазом признана одной из наиболее блестящих кавалерийских атак эпохи Наполеоновских войн⁶². «В кампаниях 1813—1814 гг. Великий Князь Константин Павлович выказал качества храброго и блестящего генерала», — писал Дж. Денисон⁶³.

Немало храбрецов оказалось и среди бывших гатчинских подчиненных Великих Князей.

В Голландии, на Кавказе, в Отечественную войну и в Заграничном походе храбро сражался генерал от артиллерии Петр Михайлович Капцевич (1772—1840), удостоенный за отличие в Бородинском сражении ордена Св. Георгия III, а за Лейпциг — II степени⁶⁴.

В Швейцарии в 1799 г. получил боевое крещение генерал-лейтенант Иван Христианович Сиверс (1775—1840-е гг.). Затем — участие в Русско-турецкой войне 1806—1812 гг., в том числе командование русской артиллерией в знаменитом Рущукском сражении. Отечественную войну И. Х. Сиверс прошел в должности начальника артиллерии 3-й Западной армии. Принимал активное участие и в Заграничном походе.⁶⁵

Юным вахмистром Кирасирского Наследника Цесаревича полка в Русско-шведскую войну 1788—1790 гг. начал свой боевой путь генерал от

П. М. Капцевич

П. К. Эссен

пехотных резервов, но в конце 1813 г. он возвращается в строй, завершив кампанию этого года в действующей армии⁶⁶.

Имел боевой опыт и Федор Федорович Эртель (1767—1825), бывший офицер прусской службы, русский генерал от инфантерии. За храбрость в боях со шведами в Русско-шведскую войну 1788—1790 гг. он неоднократно получал

Ф. Ф. Эртель

инфантерии Петр Кириллович Эссен (1772—1844). Затем — Швейцарская кампания 1799 г. В кампанию 1807 г. за отличие в сражении при Прейсиш-Эйлау он удостоивается ордена Св. Георгия III степени. Позже дивизия Эссена, уже в составе Молдавской армии, принимает активнейшее участие в Русско-турецкой войне 1806—1812 гг. Отечественную войну Эссен прошел в 3-й Западной армии, приняв участие в ряде сражений. С декабря 1812 г. П. К. Эссену поручено формирование

повышения в чинах, за год пройдя путь от поручика до секунд-майора. Только тяжелое ранение вынудило Эртеля выйти в отставку, но скромная пенсия, недостаточная для нормального существования, и пожар, уничтоживший в 1791 г. все его имущество, вновь заставили его вернуться на службу. Так в 1793 г. Ф. Ф. Эртель попал в Гатчинские войска.

В 1811 г. Эртель назначен командиром 2-го резервного корпуса, с которым прошел Оте-

чественную войну, удостоившись ордена Св. Георгия III степени за мужество и храбрость в бою 3 сентября 1812 г. при Горбачевичах, а с декабря 1812 г. он являлся генерал-полковником действующей армии⁶⁷.

Гвардейской кавалерией командовал в кампаниях 1805 и 1807 гг. генерал от кавалерии Андрей Семенович Кологривов (1775—1825). награжденный за Аустерлиц орденом Св. Александра Невского с алмазами, а за кампанию 1807 г. — орденом Св. Георгия III степени.

А. С. Кологривов

В Отечественную войну А. С. Кологривов формировал для действующей армии кавалерийские резервы и справился с этим весьма успешно, чему свидетельство — украсивший его грудь орден Св. Владимира I степени⁶⁸.

Еще один гатчинец, генерал-лейтенант Петр Федорович Малютин (1775—?), в составе флотского батальона принимал участие в Русско-шведской войне 1788—1790 гг., командовал в кампаниях 1805—1807 гг. Гвардейской пехотой и был удостоен за храбрость и мужество в сражениях под Гейльсбергом и Фридрихсборгом (1807) ордена Св. Георгия III степени⁶⁹. Как командир Лейб-Гвардии Измайловского полка он помимо прочего был известен тем, что в его полку служили лучшие во всей Гвардии песенники и плясуны, подбору которых он уделял немало внимания⁷⁰.

Получил за Фридрихсборг III степени и генерал от инфантерии Павел Яковлевич Башуцкий (1771—1836), в молодости, в 1790 г., принявший участие в нескольких сражениях со шведами⁷¹.

Из вахмистров казачьей команды Гатчинских войск вышел в Лейб-Гусарский Казачий полк будущий генерал-лейтенант Иван Ефремович Ефремов (1774—1843), прошедший с родным полком все кампании Наполеоновских войн, от

Аустерлица до Фер-Шампенуаза, кавалер ордена Св. Георгия IV степени за кампанию 1812 г. и III степени за Лейпциг. Золотая сабля с бриллиантами была наградой Ефремову за Русско-турецкую войну 1828—1829 гг.⁷²

Генерал-майор Иван Иванович Миллер 3-й (1776—1814), выпущенный в 1794 г. из Артиллерийского и Инженерного Шляхетного Кадетского корпуса в гатчинскую артиллерию, а затем определенный в егерскую роту Гатчинских войск, принимал участие в Итало-швейцарском походе, за отличие в котором получил орден Св. Анны II степени и был произведен в генеральский чин, в 1805 г. сражался при Амштеттене, Кремсе и Аустерлице. Под Аустерлицем И. И. Миллер, раненный, в бессознательном состоянии, попал в плен. Вернувшись из плена в 1807 г., принял активное участие в Русско-турецкой войне 1806—1812 гг. В дни Отечественной войны И. И. Миллер участвовал в формировании Тульского ополчения, дрался на Березине. В 1813 г. во главе пеших дружин Тульского ополчения принимал участие в блокаде Данцига, за что получил Золотую шпагу с алмазами и орден Св. Анны I степени. Умер И. И. Миллер от последствий многочисленных ранений.⁷³

Таким образом, из рядов гатчинцев вышел целый ряд боевых офицеров, Георгиевских кавалеров. Портреты шестерых из них представлены в Военной галерее Зимнего дворца. Это Император Александр I, Великий Князь Константин Павлович, А. А. Аракчеев, П. М. Капцевич, Ф. Ф. Эртель и П. К. Эссен.⁷⁴ Ав составленном известным русским военным историком генерал-майором А. В. Висковатовым списке генералов — участников кампаний 1812—1814 гг., портреты которых отсутствуют в Военной галерее, указаны фамилии еще двух бывших гатчинцев — А. А. Клейнмихеля и И. Х. Сиверса.⁷⁵

Но наиболее ярко проявили себя гатчинцы на административной стезе.

«Действительно, Гатчина не произвела ни одного яркого военачальника, наподобие Суворова, Кутузова или Баграциона, — писал В. А. Томсинов. — Да и вряд ли могла при той заорганизованности жизни, существовавшей в ее преде-

лах. Но нельзя не обратить внимания на то, что среди администраторов среднего слоя, на которых, в сущности, держится любая система управления, особенно выделялись бывшие гатчинцы. Выделялись своей исполнительностью, работоспособностью, внутренней приверженностью к порядку»⁷⁶.

Самой яркой личностью в этом ряду, безусловно, является Алексей Андреевич Аракчеев (1769—1834), один из лучших артиллеристов своего времени, благодаря реформам которого русская артиллерия смогла столь успешно бороться с артиллерией Наполеона, выдающийся государственный и военный деятель, много сделавший для России, но до сих пор ею не оцененный по достоинству⁷⁷. Не участвовавший в качестве командира ни в одном сражении, Аракчеев, тем не менее, находился в свите Императора Александра при Аустерлице и в сражениях кампаний 1813—1814 гг., в период Отечественной войны и Заграничных походов он возглавлял канцелярию Императора, т. е. фактически все военные и государственные дела шли через его руки. Он же взял на себя значительную часть дел по обеспечению действующей армии⁷⁸. Признавая выдающиеся заслуги Аракчеева в реформировании русской артиллерии, а также принимая во внимание его огромную организаторскую работу в 1812—1814 гг., 31 марта 1814г. Александр подписывает указ о производстве Алексея Андреевича в Генерал-Фельдмаршалы. Аракчеев, поскольку участвовал в сражениях только как член свиты, отказался⁷⁹.

С именем А. А. Аракчеева связывается создание так называемых военных поселений. Сразу необходимо отметить, что идея их создания возникла у Александра, а назначенный начальником военных поселений Аракчеев был лишь исполнителем воли Государя⁸⁰. В историографии до недавнего времени обращалось внимание лишь на тяжесть положения военных поселян и их восстания, вопрос же об их рентабельности не исследовался, сводясь к голословным утверждениям об их убыточности⁸¹. Между тем современным исследователям удалось показать, что военные поселения представляли собой безубыточное хозяйство, приносящее солидный доход. К концу царствования Александра в военных

поселениях был создан капитал в размере 26 миллионов рублей⁸². В царствование Николая I военные поселения были реорганизованы, но не упразднены и продолжали расширяться⁸³, что также свидетельствует об их высокой рентабельности.

Ну а что касается общеизвестного по отношению к Алексею Андреевичу ярлыка «временщик», то... Вопреки распространенному мнению, Аракчеев «временщиком» не был, хотя и казался таковым. Фактически Александр в последнее десятилетие своего царствования проводил в жизнь свою политику руками Аракчеева.

«Никто из посторонних не видел, что одинокая фигура Аракчеева на политической сцене стояла не сама по себе, а подвешена была на нитях, кончики которых уходили вверх и ни к кому иному, как к самому Императору Александру.

Контуров этих нитей, которыми Его Величество управлял временщиком, а через его посредство всею Россией, заметно проступали только в переписке Александра с Аракчеевым, а сама эта переписка, естественно, утаивалась от современников. Так возникла самая великая, пожалуй, для русской истории XIX века мистификация. То, что Император Александр в последнее десятилетие своего царствования удалился от дел по внутреннему управлению империей, было таким же мифом, как и то, что Россией в этот период управлял один Аракчеев», — писал В. А. Томсинов⁸⁴.

«Александр I умело направлял „твердую руку“ Аракчеева, оставаясь как бы в тени и тем самым не давая повода для недовольства им со стороны русского общества», — отмечает Т. Н. Кандаурова⁸⁵.

Но ярче всего, пожалуй, написал об А. А. Аракчееве А. А. Керсновский: «Жертва Сусанина была велика. Но жертва Аракчеева куда больше — он отдал за Царя не только жизнь, но самую душу, обрек свое имя на проклятие потомства, принимая на себя всю теневую сторону царствования Александра, отводя на свою голову все проклятия, которые иначе поразили бы Благословенного»⁸⁶.

Да, Россия в долгу перед памятью этого замечательного человека — настоящего солдата и верного слуги своего Государя и Отечества...

Немало полезного сделали на своих постах и многие сослуживцы Алексея Андреевича по Гатчине.

Суровым, грубоватым, но кристально честным и весьма деятельным был и самый известный генерал-прокурор павловского царствования — генерал от инфантерии Петр Хрисанфович Оболянинов (1752—1841), впоследствии — московский губернский предводитель дворянства, горячо любимый и глубоко уважаемый москвичами⁸⁷.

Серьезные посты занимал и герой Наполеоновских войн П. М. Капцевич. «С 1819 по 1826 г. Капцевич командовал отдельным Сибирским корпусом и одновременно был тобольским и томским генерал-губернатором. Управление его этим краем оставило крупные следы по улучшению быта ссыльных, организации Сибирского казачьего войска, учреждению в Омске военного госпиталя и пр... Капцевич... был назначен в 1828 г. командиром отдельного корпуса внутренней стражи и на этом посту также оставил о себе добрую память заботами об облегчении тяжелых условий службы, улучшением служебного положения подчиненных ему войск»⁸⁸.

Тридцать лет, с 1803 по 1833 г., занимал должность петербургского коменданта П. Я. Башуцкий, генерал-адъютант и сенатор⁸⁹. Именно он, как петербургский комендант, «неотлучно» находился при молодом Императоре Николае Павловиче в трагический день 14 декабря 1825 г.⁹⁰

С 1817 по 1830 г. генерал-губернатором Оренбургского края, а с 1830 по 1842 г. — Санкт-Петербурга был граф П. К. Эссен, член Государственного Совета⁹¹.

Петербургским генерал-полицеймейстером был назначен в 1800 г. генерал-лейтенант (переименованный в тайные советники) Антон Михайлович Рачинский (1769—1825), бывший

А. М. Рачинский

А. А. Баратынский

командир гатчинских егерей и в 1796—1800 гг. — Лейб-Гвардии Егерского батальона⁹². В 1799 г. А. М. Рачинский, вероятно, по рекомендации и по материалам, представленным А. А. Аракчеевым⁹³, составил «Собрание разных егерских правил, выбранных из практических записок и соображенных в сходствие Устава» — устав для егерей, рукопись которого хранится ныне в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁹⁴.

В 1802—1808 гг. должность руководителя столичной полиции занимал уже известный нам Ф. Ф. Эртель, бывший с 1798 по 1801 г. московским генерал-полицмейстером⁹⁵.

Первым комендантом Михайловского замка стал любимец Императора Павла генерал-адъютант, генерал-лейтенант Николай Осипович Котлубицкий (1774—1849)⁹⁶. Не одну голову спас он от гнева Императора. «...Котлубицкий... часто рисковал своим положением и милостью к себе Павла, спасая от наказаний молодых офицеров. Я знаю это из личного опыта», — вспоминал Н. А. Саблуков⁹⁷.

Генерал-лейтенантом, генерал-адъютантом Императора Павла, а впоследствии и сенатором стал бывший инспектор гатчинской пехоты, а в 1797—1798 гг. командир Лейб-Гренадерского полка Абрам Андреевич Баратынский (1767—1811),⁹⁸ отец замечательного русского поэта Е. А. Баратынского.

Много лет, пройдя путь от преподавателя до директора, прослужил в Артиллерийском и Инженерном (впоследствии 2-м Кадетском) корпусе генерал-лейтенант Андрей Андреевич Клейнмихель (1757—1815)⁹⁹.

В Санкт-Петербургском арсенале многие годы прослужил Федор Иванович Апрелев (1764—1837), ставший впослед-

ствии генерал-лейтенантом, членом Артиллерийской экспедиции и помощником генерал-фельдцейхмейстера Великого Князя Михаила Павловича по управлению артиллерией¹⁰⁰.

Москвичи с благодарностью вспоминали московского коменданта генерал-лейтенанта Ивана Христиановича Гессе (1757—1816), запомнившегося им честностью, добросердечием, беспристрастностью. И. Х. Гессе способствовал снижению уровня преступности в Москве, много внимания уделяя караульной и патрульной службе в городе¹⁰¹.

Генерал-лейтенантами стали И. Я. Каннабих, ставший первым командиром Лейб-Гвардии Артиллерийского батальона¹⁰²; Ф. И. Линденер, в 1796—1800 г. — шеф Ахтырского гусарского полка¹⁰³, А. С. Певцов, в 1798—1808 г. — шеф Екатеринбургского мушкетерского полка¹⁰⁴. Бывший субалтерн-офицер конно-артиллерийской роты Гатчинских войск инженер-поручик И. Е. Сент-Жорж, с воцарением Павла произведенный в капитаны, стал первым командиром Гвардейской конно-артиллерийской роты, а позднее до-служился до чина действительного статского советника¹⁰⁵.

Правда, к некоторым из бывших гатчинских офицеров судьба оказалась не столь благосклонной. Например, Павел Грин, бывший в 1796 г. поручиком пешей артиллерии, к 1835 г. был всего лишь майором Санкт-Петербургского внутреннего гарнизонного батальона¹⁰⁶. К тому времени кроме него остались на службе лишь трое бывших офицеров отряда Цесаревича — П. К. Эссен, П. Я. Башуцкий и П. М. Капцевич¹⁰⁷.

Таковы вехи служебного пути лишь наиболее известных гатчинцев, позволяющие видеть, что служили там отнюдь не безграмотные и ни на что не способные «фрунтовики».

«....Павел Петрович близко знал всех офицеров гатчинского отряда, входил в их домашние и семейные нужды, часто ходатайствовал по их делам, — писал Д. Ф. Кобеко. — Поэтому-то гатчинские офицеры очень любили Цесаревича, гордились своим мундиром и многие из них до глубокой старости с удовольствием вспоминали о своей гатчинской службе»¹⁰⁸.

Кстати, именно с Гатчинскими войсками связано появление замечательной русской боевой офицерской награды —

ордена Св. Анны для ношения на холодном оружии. Орден Св. Анны был учрежден герцогом Гольштейн-Готторпским Карлом-Фридрихом в 1735 г. в память о покойной супруге — старшей дочери Петра Великого Анне Петровне. Орденский праздник отмечался 3 февраля — в день рождения Анны Петровны. С приездом в 1742 г. сына Анны Петровны и Карла-Фридриха герцога Карла-Петера-Ульриха в Россию (при православном крещении он получил имя Петра Федоровича) орден оказался в России. После убийства Петра Федоровича гроссмейстером ордена автоматически стал Великий Князь Павел Петрович, сам получивший орден 25 сентября 1754 г. В царствование Екатерины Павел по просьбе матери неоднократно производил награждение этим орденом (в среднем 6—8 человек в год)¹⁰⁹. «Но как пожалование этим орденом зависело от Императрицы, то он почти всегда доставался не тем, которым желал бы дать его Павел Петрович, что было ему очень досадно. Чрезвычайно хотелось ему пожаловать им кого-нибудь из своих любимцев, но им-то и не давала его Екатерина», — писал Д. Ф. Кобеко¹¹⁰. И Павел нашел весьма оригинальный выход из положения. В бумагах А. А. Аракчеева сохранился следующий интересный документ: «Пункты, Собственною Его Императорского Величества рукою писанные и подписанные.

1-е. Аресту не подвержен.

2-е. Не теряет иначе как по суду чины или дворянство.

3-е. При смерти возвращается назад.

Павел.

Пункты сии конфирмованы при учреждении Ордена на шпаге еще в Гатчине, до восшествия Государя на престол, в 1795-м году»¹¹¹. Вот как описывает процедуру первого пожалования новой награды Д. Ф. Кобеко: «Он призывает к себе Ростопчина и Свечина, который в одно время с Ростопчиным был любимцем Павла Петровича, подает им два аннинские крестика с винтами и говорит: „Жалую вас обоих Аннинскими кавалерами; возьмите эти кресты и привинтите их к шпагам, только на заднюю чашку, чтоб не узнала Императрица“.

Свечин привинтил, хотя и со страхом, а Ростопчин, думая, что это будет плохая шутка, если узнает об этом Императрица, решился сказать об этом А. С. Протасовой, которая была теткой его жены и была любима Екатериной.

Протасова обещала доложить об этом Екатерине, чтобы узнать ее мнение, и действительно передала это Императрице, сказав, что Ростопчин очень опасается носить орден, а между тем боится оскорбить Великого Князя.

Императрица улыбнулась и промолвила: „Ах, он горе-богатырь! И этого-то получше не выдумал! Скажи Ростопчину, чтобы он носил свой орден и не боялся; а я не буду замечать“.

После этого ответа Ростопчин смело привинтил свой орден не к задней, а к передней чашке шпаги и явился во дворец.

Павел Петрович заметил это, подходит к нему и говорит:

— Что ты делаешь? Я велел привинтить к задней чашке, а ты привинтил к передней! Императрица увидит!

— Милость Вашего Высочества так мне драгоценна, — отвечал Ростопчин, — что я не могу ее скрывать!

— Да ты себя погубишь!

— Готов погубить себя, но докажу этим преданность Вашему Высочеству.

Павел Петрович чрезвычайно удивился этой преданности и твердости, а Ростопчин остался при своем.

Вышло, что Свечин дрожал от страха за себя; Павел Петрович за себя и за обоих кавалеров, а Ростопчин остался героем твердости и преданности и один без опасения»¹¹².

Случай, конечно, весьма анекдотичный и не в лучшем свете выставляет Ф. В. Ростопчина. Но, с другой стороны, в принципе ему было за что опасаться — ведь он, в отличие от Н. С. Свечина, служил не только при «малом» дворе Цесаревича, но являлся с 1775 г. пажом, а с 1792-го — камерюнкером в бригадирском ранге при дворе Екатерины, будучи за остроумие и легкий характер замечен ею и введен в круг наиболее приближенных к ней придворных. А к Павлу Петровичу он периодически назначался дежурить от «большого» двора, но поскольку это случалось довольно часто, то

молодого и остроумного камер-юнкера заметил и приблизил к себе и Великий Князь¹¹³. В истории же с орденом раздражать Императрицу Ф. В. Ростопчин, вероятно, действительно опасался, вот и подстраховался...

Но, так или иначе, с 1795 г. начались награждения приближенных Цесаревича новой наградой. 5 апреля 1797 г. орден Св. Анны официально вошел в число российских орденов, и знак для ношения на шпаге стал III, младшей, его степени. С 1815 г. она стала именоваться IV, а орден III степени отныне представлял собой крест, носимый на ленте на груди. В 1829 г. для аннинского оружия был установлен темляк из орденской ленты — красной с узкой золотой каймой по краям. На армейском жаргоне эта награда за обилие на круглом орденском знаке красной эмали именовалась «клюквой»¹¹⁴. Знак ордена представлял собой золотой крут диаметром 20 мм, по краю которого идет кольцо красной эмали, а в центре размещен равноконечный крест с расширенными концами, залитый красной эмалью. Венчала знак золотая императорская корона. Высота знака по вертикали (с короной) составляла 29 мм¹¹⁵.

Сложилось мнение, что гатчинские батальоны занимались в основном маршированием на дворцовом плацу.

«Главными занятиями в Гатчине были разводы караулов — вахтпарады и маневры, — писал В. К. Грибанов. — Маневры проводились, как правило, по средам, а вахтпарады — ежедневно»¹¹⁶. Вахтпарады действительно производились ежедневно, а вот маневры обычно проводились ежегодно весной и осенью и длились в течение нескольких дней¹¹⁷. Сохранившиеся планы и описания маневров Гатчинских войск за 1793—1796 гг. свидетельствуют, что это была довольно серьезная боевая учеба, несмотря на малочисленность состава¹¹⁸. На маневрах отрабатывались приемы взаимодействия различных родов и видов войск при наступлении и отступлении, форсирования водных преград, отражения морского десанта противника. Практиковались даже нетипичные для той эпохи переходы войск в ночное время. Уделялось внимание не только залповому огню, но и штыковому бою. Огромное значение придавалось действи-

ям артиллерии, которая являлась костяком и наступления, и обороны. В гатчинской артиллерии в 1795—1796 г. проводились отдельные учения¹¹⁹. Артиллерийские учения в окрестностях Павловска 26 августа 1796 г. изобразил на одной из своих акварелей, ныне хранящейся в коллекции Павловского дворца-музея, живописец Якоб Меттенляйтер (1750—1825), работавший в Гатчине и Павловске в конце XVIII в. Эта акварель интересна и тем, что на ней представлено первое из известных портретных изображений А. А. Аракчеева¹²⁰.

Но понюхать пороху гатчинцам пришлось не только на маневрах. Кирасирский полк Наследника Цесаревича и батальон Его Высочества при четырех 3-фунтовых пушках принял участие в Русско-шведской войне 1788—1790 г. Что же это была за война, о которой мало писали историки и которая к настоящему времени почти забыта?

Шведский король Густав III (1746—1792), взошедший на трон в 1772 г. в результате переворота, всячески желал укрепить свое положение в стране. Проще всего это было сделать с помощью небольшой победоносной войны. В качестве объекта для нападения Густав выбрал Россию: к лету 1788 г. она была поглощена войной с турками, отношения с Императрицей Екатериной у короля сложились к тому времени весьма натянутые, да и финны все более тяготели к России... Кроме того, король вознамерился вернуть те территории, которые отошли к России по Ништадтскому (1721) и Абоскому (1743) мирным договорам¹²¹. С начала 1788 г. Густав начал серьезно готовиться к войне, которую.

Густав III

В. П. Мусин-Пушкин

кстати, затеял без одобрения риксдага. Помимо всего прочего, король заявил, что, начиная войну, желает помочь Цесаревичу Павлу Петровичу занять по праву принадлежащий ему трон!¹²²

Начав готовить войну без ведома риксдага, как заговорщик, король и начал ее с провокации: в ночь с 27 на 28 июня 1788 г. шведские солдаты, переодетые в русскую военную форму, напали на шведский пограничный пост уд. Пумала в Финляндии¹²³. Вскоре

36-тысячная шведская армия во главе с королем перешла русско-финскую границу и осадила Нейшлот. Русских войск едва смогли набрать 19,5 тысячи человек. Командовать ими был назначен вице-президент Военной Коллегии генерал-аншеф граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин (1735—1804)¹²⁴. Густав планировал активными действиями на суше отвлечь основные силы русской сухопутной армии от Петербурга, а затем захватить русскую столицу ударом десанта.

Вид Главной квартиры Густава III близ Фридрихсгама

высаженного у Ораниенбаума или Красной Горки¹²⁵. Поскольку Петербург находился под непосредственной угрозой, под ружье ставились буквально все. Екатерина даже собиралась расписать город на кварталы и поручить его оборону вооруженным горожанам. Решено было отправить на театр военных действий и отряд Цесаревича¹²⁶.

1 июля 1788 г. шведские войска перешли пограничную р. Кюммене (Кюмень) и двинулись к Фридрихсгаму и Нейшлоту. Последний был блокирован. Русская армия медленно отступала. Шведы под предводительством самого Густава шли к Фридрихсгаму, а их флот прервал связь Фридрихсгама с Выборгом. Казалось, успех близок, но в войсках короля началось брожение. Подстрекаемые офицерами, солдаты открыто заговорили о незаконности войны и потребовали возвращения домой. 26 июля Густав отошел от Фридрихсгама к Гекфорсу. Нейшлот продолжал держаться¹²⁷. Но наиболее неблагоприятно для шведов складывались дела на море. 6 июля шведская эскадра под командованием брата короля, принца Карла Зюдерманландского (16 линкоров и 12 фрегатов), встретила у о. Гогланд с русской эскадрой адмирала Самуила Карловича Грейга (1736—1788) (17 линкоров, 8 фрегатов, 2 бомбардирских корабля и 5 вспомогательных судов). После тяжелого и кровопролитного боя шведы были разбиты. Из строя было выведено три неприятельских корабля, а линкор «Принц Густав» под огнем русского флагмана «Ростислав» после полуторачасового боя, расстреляв все боеприпасы, спустил флаг. Шведам удалось захватить наш серьезно поврежденный корабль «Владислав», но лишь потому, что его снесло течением почти в середину вражеского строя. Разгромленный принц Карл отступил в Свеаборг.

Карл Зюдерманландский

С. К. Грейг

на совместно с датчанами начала боевые действия на другом конце Балтики¹²⁸. Сухопутная шведская армия в августе сняла осаду Нейшлота и отошла за границу¹²⁹.

В мае 1789 г. В. П. Мусин-Пушкин начал наступление в Финляндии. Несколько месяцев войска противников обменивались легкими ударами, но из-за пассивности русского

В. Я. Чичагов

главнокомандующего, которого Екатерина называла «мешком нерешимым», обе стороны к концу кампании оказались практически в том же положении, в каком были в ее начале. Густав III, в ходе этой кампании наконец-то побывавший под огнем, 2 декабря¹³⁰ вернулся в Стокгольм.

Но нерешительность на суше была с лихвой компенсирована нашими успехами на море.

15 июля эскадра адмирала Василия Яковлевича Чичагова (1726—1809) (35 вымпелов)

столкнулась у о. Эланд со шведской эскадрой Карла Зюдерманландского в составе 32 кораблей. После перестрелки, длившейся несколько часов, шведский флот отошел к Карлскроне, где русские корабли удерживали его до начала августа¹³¹. Но самое страшное ожидало шведов позже. 13 августа русская гребная флотилия под командованием вице-адмирала принца Карла Генриха Нассау-Зигена (1743—1805) (86 судов) наголову разгромила при Роченсальме (Свенкзунде) шведский шхерный флот под командованием адмирала Эренсверда (62 корабля и 24 транспорта).

К. Г. Нассау-Зиген

О шведском адмирале его соотечественник Э. Лённрут писал, что «он как раз был подходящим человеком для проигрыша морских сражений»¹³². Поражение действительно было тяжелейшим. «Сам король Густав, видя, что спасения нет его судам, приказал до тридцати сжечь и взорвать на воздух. Зарево пожара осветило всю местность. Ожесточенная битва закончилась столь своеобразным фейерверком», — писал П. В. Чичагов¹³³. В этом сражении 33 неприятельских корабля было уничтожено и 9 захвачено, в плен попало до 37 офицеров и 1100 матросов. Шведы в Финляндии остались без помощи своего шхерного флота, их правый фланг оказался оголен¹³⁴. Но, увы, нерешительность В. П. Мусина-Пушкина не позволила воспользоваться преимуществами роченсальмской победы...

Впрочем, эта нерешительность наконец вывела Императрицу из терпения, и в кампанию 1790 г. главнокомандующим русскими войсками в Финляндии был назначен генерал-аншеф граф Иван Петрович Салтыков (1730—1805). В его распоряжении находилось 23 тысячи человек. Русский

И. П. Салтыков

шхерный флот неприятеля и, перенеся боевые действия на территорию Швеции, вынудить ее заключить мир.

Густав вновь готовился нанести удар по Петербургу, чем надеялся сразу вывести Россию из войны и подписать мир на выгодных Швеции условиях.

Таким образом, обе стороны рассматривали кампанию 1790 г. как решающую¹³⁵.

На суше больших сражений снова не было, но в ряде небольших стычек шведы понесли серьезные потери¹³⁶. Судьба кампании, как и двух предыдущих, решалась на море.

2 мая шведский флот в составе 31 корабля под командой Карла Зюдерманландского подошел к Ревелю с задачей уничтожить стоявшую там на рейде эскадру В. Я. Чичагова (17 кораблей) и затем высадить десант у Красной Горки для удара по Петербургу. После двухчасового боя, потеряв два корабля, шведы отступили. Исправив повреждения, принц Карл направился к Кронштадту для нанесения удара по Кронштадтской эскадре вице-адмирала Александра Ивановича фон Круза (1727—1799) (17 линкоров, 4 фрегата, 8 галер). 23 мая в районе Красной Горки произошел бой, длившийся весь день. После трех атак русской эскадры шведы отошли к Бьёрке (финский Койвисто, ныне Приморск).

24 мая сражение возобновилось и продолжалось до вечера. Узнав о приближении эскадры В. Я. Чичагова, принц Карл ретировался в Выборгский залив, где уже находился шведский шхерный флот во главе с королем. Таким образом, в Выборгском заливе оказалось блокировано свыше 200 неприятельских кораблей. План удара по Петербургу окончательно рухнул. Почти месяц шведский флот ждал удобного момента для прорыва, но к Выборгскому заливу уже подходила эскадра К. Г. Нассау-Зигена, и 22 июня шведы решились. Прорыв удался, но дорогой ценой — было потеряно 64 корабля, погибло и попало в плен около 7 тысяч офицеров и матросов. Сам король едва не был пленен, но спасся на шлюпке. Вырваться смогли в основном галеры, укрывшиеся в Роченсальмском проливе. Уцелевшие парусные корабли были блокированы в Свеаборге¹³⁷.

Вдохновленный письмом Екатерины от 27 июня, в котором она призывала его «нанести решительные и крайние удары гребному шведскому флоту», принц Нассау-Зиген, имевший в своем распоряжении 155 кораблей, принял решение разгромить укрывшийся в Роченсальме шведский флот, состоявший из 183 вымпелов.

Бой грянул 28 июня, в день восшествия Екатерины на престол (так что не только советские полководцы приурочивали проведение боевых операций к праздникам). Практически без подготовки, без разведки шведских сил принц ринулся на неприятеля — и попал под перекрестный огонь шведских корабельных орудий и береговых батарей. В начале боя поднялся сильный ветер, вскоре перешедший в шторм. Многие русские корабли, не в силах удержаться даже на якорях, утонули или были выброшены на острова. А шведы продолжали хладнокровно расстреливать гибнущую русскую эскадру... В итоге Нассау-Зиген потерял 54 корабля. Потери в личном составе составили до 10 тысяч человек, из них около 6 тысяч — пленными¹³⁸.

Роченсальмский погром, произведший в Петербурге весьма тяжелое впечатление, стал последним аккордом Русско-шведской войны. Вскоре Густав запросил мира, который и был заключен уже 3 августа в финской деревушке Вереле.

Договор подтвердил прежние границы между Россией и Швецией¹³⁹.

Швеции война принесла немало проблем, но, с другой стороны, серьезно способствовала росту международного престижа Густава III¹⁴⁰.

«Для России война эта, веденная в чрезвычайно затруднительной политической обстановке (борьба с Турцией, угроза войны со стороны Пруссии), является блестящей, хоть и слишком малоизвестной страницей ее военной истории. Маленькая русская армия, в два с лишним раза уступавшая шведам в численности и носившая к тому же полумилиционный характер, с честью выдержала это испытание. Действия ее носят характер активной обороны и являют собой один из самых ярких примеров этого образа действий», — писал А. А. Керсновский¹⁴¹.

«Война 1788—1790 гг. изобилует действиями на море, причем, в противоположность предшествующим и последующим финляндским войнам, в ней особенно активную роль играет корабельный флот. Он довольно согласованно действует и с другим видом морских сил — шхерной флотилией. Но при отсутствии должной связи с сухопутными операциями, кроме взаимного истребления морских сил, никакого реального результата не получалось. Каждый раз кампания оканчивается ничем, все надо начинать сначала; а кроме того, начавшаяся политическая интрига сбивает нас с толку, и мы упускаем целый ряд благоприятных положений.

Таким образом, блестящие удары на море Грейга, Чичагова и самого Нассау, кроме славы, не дают никаких особенно существенных результатов, не будучи скоординированными с действиями на суше. Они оказались уравновешены Роченсальмским несчастьем, а почти трехлетняя война не принесла никаких выгод», — подвел итоги русско-шведского противоборства П. А. Ниве¹⁴². Этими словами мы и завершим краткое описание войны.

Ну а что же отряд Цесаревича?

Кирасирам повоевать так и не пришлось — выступив в конце июня в поход, осенью 1788 г. полк вернулся в казармы и в дальнейшем использовался для патрулирования

побережья Финского залива на случай высадки шведского десанта. Батальон Его Высочества сперва отправили под Выборг, а зимой 1788/89 г. на санях перебросили под Фридрихсгам, где он «был при канонаде против шведской армии». Весной 1789 г. батальон вновь возвратился под Выборг, где большая его часть была распределена в гребную флотилию принца К. Г. Нассау-Зигена. На корабли «Мстислав» и «Мечислав» в августе 1789 г. были направлены и 11 артиллеристов из артиллерийской команды. Присоединенные к флотским галерным батальонам, чины батальона Его Высочества и артиллеристы приняли участие в Роченсальмском сражении 13 августа 1789 г. Все нижние чины, бывшие в походе в 1788—1789 гг., получили медали «На заключение мира со Швецией», а непосредственным участникам Роченсальмского боя была, кроме того, пожалована медаль «За храбрость на водах финских августа 13 1789 года»¹⁴³.

Медаль за участие в сражении при Роченсальме

На этой войне получил боевое крещение и Цесаревич, находившийся в распоряжении главнокомандующего графа В. П. Мусина-Пушкина. Правда, боевых отличий Великий Князь из-за крайней медлительности военных действий не получил, да и под огнем ему довелось побывать лишь однажды — 22 августа 1788 г. у Гекфорса¹⁴⁴. В литературе пребывание Павла Петровича в армии, как правило, оценивается негативно. П. В. Чичагов, настроенный по отношению к Павлу весьма недоброжелательно, писал, что, «прибыв туда. Великий Князь наделал столько безрассудных выходов, что главнокомандующий был принужден просить его

отозвания. Между прочим рассказывали, что во время стычек и сражений он прыгал, намереваясь поймать пули, летавшие над его головой»¹⁴⁵. Н. К. Шильдер также пишет о немедленной ссоре Павла с В. П. Мусиным-Пушкиным по приезде в армию¹⁴⁶. Что ж, историю с прыгающим под пулями Великим Князем оставим на совести П. В. Чичагова — во-первых, сам он пересказывает лишь сплетню, а во-вторых, подобное поведение никак не вяжется ни с характером Павла, ни с его взглядами на военное дело. Прыжки под пулями Павел расценил бы как оскорбление мундира и самого звания военного человека. Ну а что касается критики действий В. П. Мусина-Пушкина, то здесь видна общая тенденция негативной оценки Павла. Ведь Мусина-Пушкина, как сказано выше, постоянно критиковала и Екатерина, но ее критика считается справедливой, а та же критика со стороны Павла воспринимается уже как каприз и сумасбродство... А вот исследовавший личные бумаги Павла А. В. Скоробогатов приводит несколько иные сведения: «Судя по записям Цесаревича о пребывании в действующей армии в Финляндии, сделанным в его дневнике, командующий русскими войсками В. П. Мусин-Пушкин также держал Павла в курсе событий и выслушивал его советы»¹⁴⁷. Вот так! Кстати, между Павлом и главнокомандующим едва ли существовала серьезная неприязнь — 5 апреля 1797 г. Павел произвел В. П. Мусина-Пушкина в Генерал-Фельдмаршалы¹⁴⁸.

18 сентября 1788 г. Цесаревич вернулся в Петербург. Но причиной его отъезда из армии послужили, скорее всего, не разногласия с главнокомандующим, а попытки принца Карла Зюдерманландского добиться свидания с ним, вероятно, для мирных переговоров, о чем Великий Князь незамедлительно сообщил матери¹⁴⁹.

На Павла эта война произвела крайне тягостное впечатление: главнокомандующий показал себя полной бездарностью, генералы интриговали, солдаты часто нуждались буквально во всем, а сами военные действия в силу всех этих причин велись из рук вон плохо¹⁵⁰. Но своими гатчинцами, отличившимися у Роченсальма, Цесаревич мог по праву гордиться...

Кстати, именно в период Русско-шведской войны впервые серьезно отличился и А. А. Аракчеев, хотя и не на бранном поле.

В связи с войной директору Артиллерийского и Инженерного Шляхетного Кадетского корпуса генерал-поручику Петру Ивановичу Мелиссино (1726—1797) было поручено сформировать и обучить три артиллерийских батальона, укомплектованных рекрутами и обеспеченных унтер-офицерами и офицерами из Кадетского корпуса¹⁵¹.

П. И. Мелиссино

Помощником его стал недавний выпускник корпуса поручик Алексей Аракчеев. Он не только блестяще справился с этой задачей, но и написал учебное пособие «Краткие артиллерийские записки для наставления унтер-офицеров в новоучрежденных артиллерийских батальонах»¹⁵². Уровень пособия был столь высок, что авторство приписывали П. И. Мелиссино¹⁵³, хотя большинство исследователей склонны видеть автором именно А. А. Аракчеева¹⁵⁴. Впрочем, даже если П. И. Мелиссино и не писал этого пособия, то идея его создания, руководство и, возможно, редактирование принадлежат безусловно ему — во-первых, как одному из наиболее выдающихся артиллеристов своего времени, а во-вторых, как директору Кадетского корпуса, в типографии которого «Краткие артиллерийские записки» и были напечатаны. В них в простой и доступной форме, в виде вопросов и ответов, излагались основные понятия о материальной части, боеприпасах и стрельбе русской артиллерии того периода. «Записки» стали первым в истории русской артиллерии печатным пособием для подготовки артиллерийских унтер-офицеров¹⁵⁵.

В целом можно сказать, что к 1796 г. Гатчинские войска являлись одним из наиболее хорошо обученных, вооруженных и дисциплинированных формирований русской армии,

и, говоря о них, нужно иметь в виду не только их отрицательную, но и положительную роль в военной истории России.

«Вообще феномен „павловской Гатчины" нуждается в настоящем осмыслении, — отмечал В. Л. Томсинов. — То представление о резиденции наследника престола, которое господствует в литературе, сложилось более на основании слухов и выдумок, нежели реальных фактов. Рассказы о страшных порядках, якобы имевших там место, распространялись во многом сознательно. Сановники, составлявшие ближайшее окружение императрицы Екатерины II, очень боялись непонятого им человека, который, став императором, будет совершать непредсказуемые поступки. Поэтому они всячески стремились дискредитировать Павла в глазах столичного общества.

Екатерина же угадывала, что Павел нес в себе серьезную угрозу той политической и экономической системе, которую она оставляла после себя... Оттого она не только не препятствовала распространению клеветнических слухов о своем сыне, но даже подбрасывала клеветникам пищу»¹⁵⁶.

7 ноября 1796 г. Павел стал Императором, а 10-го числа его любимые Гатчинские войска торжественно, с музыкой вошли в Петербург.

«Император выехал навстречу с блестящей свитой. Прямо с перехода отряд проследовал на Дворцовую площадь и прошел церемониальным маршем мимо Государя. Вся гвардия была выстроена перед Зимним дворцом для встречи новых товарищей. По мере того как гатчинские войска подходили тихим мерным шагом, их выстраивали перед гвардией. Впечатление, произведенное гатчинцами, или пруссаками, как их называли в Петербурге, на гвардейцев, было громадное; с удивлением смотрели они на стройные ряды проходивших баталионов и эскадронов, одетых по прусскому образцу; поражало все: и скромные мундиры офицеров, и ловкость, и выправка солдат, и отличное состояние лошадей. Когда построение было окончено. Император объехал войска и, обратившись к своим воспитанникам, сказал им: „Благодарю вас, друзья мои, за верную вашу мне службу, и в

награду за оную вы поступаете в гвардию, а гг. офицеры чин в чин"»¹⁵⁷.

Нижним чинам были сокращены сроки службы, дарованы права однодворцев, по 15 десятин земли и при уходе в отставку — по 100 рублей «на обзаведение»¹⁵⁸.

«В каждый Гвардейский пехотный полк поступило по два гатчинских батальона, причем в Преображенский вошел шефский батальон Его Высочества, в Семеновский — Великого Князя Александра Павловича, а в Измайловский — батальон Константина Павловича. Егерские команды последних двух полков были выделены и вместе с гатчинской егерской ротой составили Лейб-Гвардии Егерский батальон.

Из Преображенской бомбардирской роты, артиллерийских команд других гвардейских полков и гатчинской артиллерии формируется Лейб-Гвардии Артиллерийский батальон.

Миниатюрные Жандармский и Драгунский полки Павловского гарнизона присоединяют к Конной Гвардии. Одновременно Гвардейская кавалерия пополняется новым Лейб-Гусарским и Лейб-Казачьим полком в составе двух гусарских и двух казачьих эскадронов. Его образуют из Лейб-Гусарского эскадрона, Донской и Чугуевской конвойных команд, Гусарского полка и Казачьего эскадрона Гатчинских войск... 13 декабря гусар выделили в Лейб-Гусарский полк; казаки состоят при полку под названием Лейб-Казачьих эскадронов. Наконец, 24 января 1798 года был учрежден третий полк Гвардейской кавалерии — Лейб-Казачий»¹⁵⁹.

Таким образом, Гатчинские войска послужили основой для создания пяти гвардейских частей: Лейб-Гвардии Егерского, Гусарского, Казачьего полков, Лейб-Гвардии 1-й Артиллерийской бригады и Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады.

Кстати, при переименовании всех егерских полков в пехотные, 31 марта 1856 г. Лейб-Гвардии Егерский полк был поименован Лейб-Гвардии Гатчинским. Прежнее название Гвардейские егеря получили 17 августа 1871 г., в день полкового праздника, повелением Императора Александра Николаевича, ибо именно со старым именем были связаны все боевые отличия полка¹⁶⁰.

Впрочем, включение гатчинцев в состав Гвардии было не только актом благодарности со стороны Императора.

«Решительно „поверстав" Гатчинские войска в Гвардию, монарх не только вознаградил первых за их верную службу, но, никогда не забывая июньских дней 1762 года, стремился обезопасить себя. Разумеется, слияние призвано было облегчить и преобразование Гвардии на прусско-гатчинский манер», — отмечал А. М. Валькович ¹⁶¹.

Глава третья

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГАРНИЗОН

Скажем теперь несколько слов о составе Петербургского гарнизона при Императоре Павле.

В конце XVIII в. гарнизон столицы пополнился несколькими новыми полками; кроме того, в связи с расквартированием там некоторых полков значительную роль в военной жизни Петербурга стали играть пригороды, прежде всего Павловск и Гатчина.

К началу царствования Павла в состав Санкт-Петербургского гарнизона входили четыре гвардейских полка (Лейб-Гвардии Преображенский, Семеновский, Измайловский и Конный)¹. 2-й и 3-й бомбардирские батальоны, 2-й канонирский полк, артиллерийская лаборатория, 2-я понтонная рота, артиллерийские фушштатские команды, Санкт-Петербургский и Охтинский пороховые заводы, С.-Петербургский арсенал², Кексгольмский мушкетерский полк³, Белозерский мушкетерский полк⁴, Сенатский батальон⁵, пять гарнизонных батальонов⁶, а также Сухопутный Шляхетный, Артиллерийский и Инженерный Шляхетный Кадетские корпуса и Пажеский корпус⁷. Кроме того, в столице располагались Кавалергардский корпус и уже упоминавшиеся Лейб-Гусарский эскадрон и казачьи конвойные команды⁸, а также ряд рот и штатных команд при различных «присутственных местах и казенных заведениях»⁹.

С первых дней воцарения Императора Павла в составе гарнизона происходят значительные изменения. Началось все с описанного выше перевода в Гвардию гатчинцев. Но этим перемены не ограничились.

29 ноября 1796 г. из пяти петербургских гарнизонных батальонов три было выделено на формирование мушкетерского генерала от инфантерии Архарова полка, а оставшиеся два батальона остались на гарнизонном положении с подчинением коменданту Петропавловской крепости. 9 января 1797 г. эти два батальона были объединены в Санкт-Петербургский гарнизонный полк¹⁰.

Мушкетерский Архарова полк простоял в Петербурге до марта 1799 г., затем он выступил из города, но в начале 1800 г. этот полк, уже как мушкетерский Эльмпта (Тенгинский), вновь значится квартирующим в столице¹¹.

В декабре 1796 г. вошел в состав Санкт-Петербургского гарнизона Лейб-Гренадерский полк¹².

В начале 1797 г. был переведен на постоянные квартиры из Петербурга в Новгород Белозерский мушкетерский полк¹³.

С декабря 1798 по март 1799 г. располагался в Петербурге Елецкий мушкетерский полк¹⁴.

Значительные перемены произошли в пехоте Петербургского гарнизона в 1800 г.

В январе 1800 г. Сенатский батальон был переформирован в двухбатальонный полк, именованный со 2 апреля мушкетерским генерал-майора Ушакова¹⁵.

В марте 1800 г. был расформирован Санкт-Петербургский гарнизонный полк¹⁶.

На начало 1800 г. вновь значится квартировавшим в Петербурге мушкетерский полк Витовтова (Елецкий)¹⁷.

Кавалерийские части были представлены в Петербурге только гвардейцами, причем, как видно из вышеизложенного, все полки, кроме Лейб-Гвардии Конного, были новосформированными. Но и кавалерия, хотя и незначительно по сравнению с пехотой, пополнялась.

В июне 1797 г. из придворного Кавалергардского корпуса впервые формируется Кавалергардский полк, но уже в конце года он упраздняется.

11 января 1799 г. снова учреждается Кавалергардский корпус — как Гвардия Великого Магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского, которым в ноябре 1798 г. стал Император

Кавалергарды:

Верхом (слева направо): трубач Кавалергардских эскадронов, 1796—1797 гг.; рядовой Кавалергардского корпуса, 1799—1800 гг. Стоят (слева направо): офицер Кавалергардского полка в парадной форме; офицер Кавалергардского полка в вицмундире; рядовой Кавалергардского полка в парадной форме. 1800—1801 гг.

Павел. Не только офицеры, но и нижние чины корпуса, кроме музыкантов и нестроевых, были дворянами, ибо являлись рыцарями Мальтийского ордена (впрочем, в кавалергардах на всем протяжении XVIII в. служили исключительно дворяне). 11 января 1800 г. Кавалергардский корпус был вновь преобразован в трехэскадронный Кавалергардский полк, но уже без прежних преимуществ, на равном положении с другими Гвардейскими полками¹⁸.

4 сентября 1798 г. последовал Высочайший приказ: «Уральская Сотня казаков Всемилостивейше определяется в Лейб-Казачьи, которой и быть особо»¹⁹. Так вошла в состав Лейб-Казачьего полка Уральская сотня, сформированная согласно Высочайшему рескрипту от 23 апреля 1798 г.²⁰

27 февраля 1797 г. армейская артиллерия, состоявшая до того из 5 полков, 3 батальонов и 5 конных рот, была преобразована в 10 полевых, 3 осадных и 1 конный батальоны, именовавшиеся по фамилиям шефов. В тот же день был сформирован двухбатальонный Пионерный полк, чем было положено начало полевым инженерным войскам²¹.

Из артиллерии Петербургского гарнизона были сформированы один осадный, один полевой и один конный артиллерийские батальоны. Вошла в состав гарнизона и одна рота Пионерного полка. В столице размещалось также Петербургское понтонное депо, в котором содержалось 50 понтонов²².

Произошли перемены и в составе военно-учебных заведений.

8 декабря 1796 г. расформирован Корпус чужестранных единоверцев — филиал Артиллерийского и Инженерного Шляхетного Кадетского корпуса²³.

16 января 1797 г. разместился в Петербурге прибывший из Гатчины Военно-сиротский дом. 23 декабря 1798 г. Император Павел утвердил «Положение об Императорском Военно-Сиротском Доме»²⁴.

Важнейшим шагом Императора Павла в области улучшения военно-медицинского обеспечения войск стало основание 18 декабря 1798 г. Медико-хирургической (ныне — Военно-медицинской) академии — кузницы военно-врачебных кадров русской армии²⁵.

Но не только телесное здоровье воинов заботило Государя. В июне 1800 г. он утверждает проект создания армейской духовной семинарии, предназначенной для подготовки военных священников²⁶. Этот шаг, наряду с учреждением в апреле 1800 г. должности обер-священника армии и флота, поставившим военное духовенство в независимое от епархиальных церковных властей положение, явился важнейшей вехой в развитии военного духовенства России²⁷.

Высочайшим указом от 10 марта 1800 г. Сухопутный Шляхетный и Артиллерийский и Инженерный Шляхетный Кадетские корпуса переименованы соответственно в 1-й и 2-й Кадетские корпуса²⁸. Причем, по воспоминаниям известного литератора Ф. В. Булгарина, при Павле — кадета малолетнего отделения Сухопутного Шляхетного Кадетского корпуса, Государь, прибыв в корпус, лично объявил кадетам о переименовании²⁹.

Ряд полков был размещен в пригородах Петербурга, прежде всего в столь любимых Павлом Гатчине и Павловске.

Высочайшим указом от 19 ноября 1796 г. из части чинов Московского гренадерского полка был сформирован Павловский гренадерский полк, которому определены были квартиры в Петергофе, Софии и Ораниенбауме³⁰. Но, согласно приказу от 28 ноября, павловцам велено «по неудобности в разсуждении караулов» занять квартиры Лейб-Кирасирского Его Величества полка, стоящего в Гатчине, Павловске и крепости Бип (в окрестностях Павловска), а кирасирам Его Величества занять квартиры павловцев. Собственно, на новых квартирах Павловский полк и разместился, прибыв в Гатчину из Вильно только 28 января 1797 г.³¹ По Высочайшему повелению от 27 июля 1797 г. полк был переведен в Петербург, где разместился на Петербургской стороне³². Но после возвращения из Голландской экспедиции 1799 г.³³ полк вновь занял квартиры в Павловске и Гатчине³⁴.

Ораниенбаум был определен местом квартирования учрежденного 29 июня 1799 г. для «заслуженных воинов Лейб-Гвардии, неспособных уже переносить все трудности полевой военной службы», Лейб-Гвардии Гарнизонного батальона³⁵.

В Петергофе, Софии и Ораниенбауме квартировал с конца 1796 г., как было сказано выше, Лейб-Кирасирский Его Величества полк, бывший Кирасирский Наследника, хорошо знакомый нам по Гатчинским войскам³⁶. С 1798 г. кирасиры Его Величества квартировали в Царском Селе и Павловске, а в 1800—1801 гг. — в Петергофе и Красном Селе³⁷.

Красное Село и мыза Кумолово определены были местом стоянки Лейб-Кирасирского Ее Величества полка (бывшего Лейб-Кирасирского) в ноябре 1796 г.³⁸ В июле 1797 г. полк перешел на новые квартиры в Петергоф и Ораниенбаум, где простоял до 25 декабря 1798 г., до выступления в поход в Швейцарию. Однако после возвращения из похода полк на прежние квартиры уже не вернулся, расположившись в местечке Янов Литовской губернии³⁹.

До отбытия за границу в июне 1799 г. квартировала в Царском Селе Лейб-Гвардии Уральская сотня⁴⁰.

Нужно также отметить, что Гвардейские части в царствование Павла подвергались неоднократной реорганизации. «В течение четырех лет правления Павла I Гвардейские пехотные полки, например, преобразовывались шесть раз, а Конная Гвардия и лейб-гусары — трижды»⁴¹.

«В первый день воцарения Император, согласно традиции, провозгласил себя полковником и, следуя примеру отца, шефом всех Гвардейских полков. Одновременно, желая сделать сыновей „соучастниками в трудах своих“, он жалует старшего Александра в полковники Семеновского полка, а Константина — в Измайловские полковники...

...Младенец Николай... объявлен был полковником Конной Гвардии... Последним назначением самодержец положил начало новой Гвардейской традиции: отныне все новорожденные мужского пола из Высочайшей фамилии назначались шефами той или иной Гвардейской части.

Очевидно, что звание шефа заменило почетный чин Гвардейского полковника, со времени Анны Иоанновны за редким исключением принадлежавшего царствующим особам... Изучение Высочайших приказов Императора Павла позволяет сделать вполне обоснованный вывод, что чин Лейб-Гвардии полковника утратил свое давнее и единствен-

ное значение уже в первые дни его царствования, а точнее — 15 ноября 1796 года. С этого времени и фактически до конца империи чин полковника в Гвардии соответствует должности командира батальона или эскадрона. Гвардейские полки теперь, как правило, возглавляют только генералы», — пишет А. М. Валькович⁴².

Традиция определять в Гвардию шефами августейших младенцев была продолжена Павлом в 1798 г. 28 января, в день своего рождения, четвертый сын Императора, Великий Князь Михаил, был назначен шефом Лейб-Гвардии Артиллерийского батальона и генерал-фельдцейхмейстером⁴³.

В развитии Гвардии в конце XVIII в. С. А. Летин подметил чрезвычайно важную деталь, во многом связанную с изменением способа комплектования полков нижними чинами: «Со времен Павла Петровича в сознании гвардейцев начался процесс, в результате которого Гвардия уже при Николае Павловиче из военно-политической силы, в прежние времена часто распоряжавшейся императорским тронном в соответствии со своими представлениями о благе России, превратилась совершенно в силу военную, верно охранявшую этот трон от врагов внешних и внутренних... К концу XVIII века дворян в ее рядах оставалось все меньше. Со времен Павла I Гвардия стала комплектоваться нижними чинами почти исключительно за счет рекрутов...

...Сокращение числа дворян среди нижних чинов постепенно привело к тому, что в солдатских умах верность присяге постепенно вытеснила наследие эпохи дворцовых переворотов. Носителями прежней идеологии оставались Гвардейские офицеры, отчего последние Гвардейские заговоры — 11 марта 1801 года и 14 декабря 1825 года — были чисто офицерскими»⁴⁴.

С 9 января 1797 г. все гарнизонные, а с 31 октября 1798 г. все армейские пехотные и кавалерийские полки стали именоваться по фамилиям своих шефов.⁴⁵ Прежние названия удержали только Гвардейские полки. Но в марте 1800 г. и большинству Гвардейских полков велено было именоваться по шефам: Преображенскому — Лейб-Гвардии Его Императорского Величества полком; Семеновскому — Лейб-Гвардии

Его Императорского Высочества Александра Павловича; Измайловскому — Лейб-Гвардии Его Императорского Высочества Константина Павловича; Лейб-Гвардии Конному — Лейб-Гвардии Его Императорского Высочества Николая Павловича. Лейб-Гвардии Артиллерийский батальон переименовали в Артиллерийский Его Императорского Высочества Михаила Павловича еще 30 января 1800 г.

28 мая 1800 г. полки Константина Павловича (Измайловский) и Николая Павловича (Конный) обменялись шефами.

9 сентября 1800 г. шефом полка Константина Павловича был назначен генерал от кавалерии принц Александр Вюртембергский, и полку повелено вновь именоваться Лейб-Гвардии Конным. Но старое свое имя полк носил всего один день! Уже 10 сентября шефом Конной Гвардии был снова назначен Константин Павлович, и полку вернули наименование по шефу⁴⁶. Таким образом, старые свои названия удержали лишь кавалергарды, гвардейские егеря, лейб-гусары и лейб-казаки.

В составе гарнизона остались также штатные губернские роты и команды, вновь учреждены фельдъегеря и команда служителей при Сухопутном госпитале, восстановлена пехотная рота при Берг-Коллегии, пехотные роты при Комисариатском и Провиантском департаментах заменены командами служителей, а при Межевом и Почтовом департаментах, а также при Петербургском Почтамте учреждены инвалидные команды⁴⁷.

Таким образом, гарнизон Санкт-Петербурга являлся самым большим гарнизоном в Российской империи.

Глава четвертая

МНОГОЦВЕТИЕ МУНДИРОВ

Общеизвестно, что Павел являлся ревностным поклонником прусского обмундирования¹. «Всеобщая реформа обмундирования, начатая в 1783 г. по инициативе вице-президента Военной коллегии князя Г. А. Потемкина, не затронула военно-морской флот. Павел отверг присланный ему доклад Потемкина о новой военной одежде и, пользуясь правами президента Адмиралтейской коллегии, оставил морским частям прежние мундиры, напоминая ему любимые прусские войска», — писал О. Леонов². Естественно, что и в Гатчинских войсках Цесаревич ввел обмундирование прусского покроя. Опубликованные сведения о нем весьма неполны и противоречивы³. Но рассмотрим сначала, какие предметы обмундирования полагались чинам Гатчинских войск. Начнем, конечно, с пехоты.

Пехотинцу полагались: мушкетеру - черная поярковая шляпа с белой обшивкой по краю полей и тремя шерстяными кистями, гренадеру — гренадерская шапка; фуражная шапка из мундирного сукна, сшитая в виде колпака с отворотами — околышем, который часто делался из сукна приборного (полкового) цвета; красный стамедный (из тонкой вылощенной шерстяной ткани саржевого плетения)⁴ галстук с белой обшивкой по верху и холщовой манишкой, с застежкой на два крючка; холщовая рубаха общеевропейского покроя, шившаяся просторной, с небольшим воротником-стойкой, с разрезом на груди, с манжетами на рукавах (задняя часть рубахи традиционно кроилась длиннее передней, так как нижнего белья тогда не было, и задняя часть рубахи закладывалась между ног и заворачивалась вперед);

суконный камзол и короткие штаны; шинель или епанча (плащ) для холодного времени; кафтан (мундир) — из темно-зеленого сукна, с подбоем из каразеи (шерстяной ткани грубого саржевого плетения, напоминающей мешковину) ⁵ красного цвета (на подлинных образцах мундиров Гатчинских войск из коллекций музеев Санкт-Петербурга и пригородов каразея ярко-оранжевого цвета. — *Е. Ю.*)\ чулки; черные суконные штиблеты, застегивающиеся на 12 медных пуговиц; тупоносые башмаки. Мундиры были двубортными, с лацканами, воротниками (те и другие могли отсутствовать), круглыми обшлагами и погоном на левом плече приборного (присвоенного батальону) цвета. По левому борту нашивалось 6, по правому — 8 медных пуговиц. Мундир егерей шился из светло-зеленого сукна (как и камзол), а у нижних чинов вместо погона на правом плече имелся гарусный аксельбант приборного цвета. Обшлага мундира были разрезные. Егеря носили шляпы без обшивки и кистей, черные галстуки, белые замшевые чакчиры (штаны), короткие сапоги ⁶.

По данным О. Леонова, гатчинские пехотинцы (гренадерский батальон Его Высочества) в 1788—1791 гг. носили гренадерские шапки с зеленым околышем и красным задником с обшивкой из белой тесьмы, на латунном налобнике был изображен черный двуглавый орел со щитом красного цвета, в котором Георгий Победоносец поражает копьём змия; красные галстуки с белой обшивкой, белые камзолы и штаны, темно-зеленый мундир с белым («флотским») подбоем и красными воротником, лацканами, обшлагами и погоном, черные суконные штиблеты и башмаки. Приборный металл (цвет пуговиц и галунов) — желтый ⁷.

Наиболее подробная информация о том, как выглядело обмундирование каждого батальона, содержится в работе современного московского исследователя К. В. Татарникова, рукопись которой была любезно предоставлена автору этих строк. Согласно его исследованиям, гатчинская пехота имела следующие различия.

В батальоне Его Высочества (сформирован в 1787 г.) в 1792—1794 гг. мундир с подбоем, воротником, лацканами

и обшлагами красными, с петлицами из белой нитяной тесьмы (1794) ⁸. Задники и околыши гренадерских шапок — красные. Приборный металл — желтый. Камзолы и штаны — белые. В 1795 г. были отменены лацканы. Камзолы и штаны — палевые. Задники и околыши гренадерских шапок со второй половины года — голубые. В 1796 г. вновь введены лацканы, петлицы даны из массивного золотого позумента, околыши и задники шапок — красные.

В батальоне Великого Князя Александра Павловича (сформирован в 1792 г.) в 1794 г. воротники, лацканы и обшлага мундиров — розовые, петлицы — белой тесьмы, с кистями, гренадерские шапки — зеленые, приборный металл — белый. Камзолы и штаны — белые. В 1795 г. прибор стал желтым, лацканы были отменены. С середины 1795 г. петлицы ⁹ даны красные с белыми кистями, гренадерские шапки — белые. В 1796 г. батальон получил красные воротники, лацканы и обшлага. Лацканы уже в феврале были отменены. 1 августа 1796 г. чинам батальона пожалованы аксельбанты, нижним чинам — красно-белого (в цвет петлиц) гаруса, офицерам — золотые. Шапки остались белые.

В батальоне Великого Князя Константина Павловича (сформирован в 1792 г.) в 1792—1793 гг. воротник, лацканы и обшлага — белые, без петлиц. Приборный металл — желтый. Гренадерские шапки предположительно голубые. Камзолы и штаны — белые. В 1794 г. батальон получил оранжевые воротники, лацканы и обшлага, белые нитяные петлицы с кистями. В 1795 г. лацканы отменены, а приборное сукно заменено на кирпичное (темно-красное). Камзолы и штаны даны желтого сукна. Шапки у рядовых — красного сукна, у мастеровых — зеленые. В 1796 г. воротник, лацканы и обшлага в батальоне вновь стали красные (лацканы уже в феврале отменены), камзолы, штаны и петлицы остались прежние.

В батальоне майора Федорова (сформирован в 1794 г., расформирован в начале 1795 г.) белые воротники, лацканы, обшлага, гренадерские шапки, камзолы и штаны. Приборный металл — желтый.

В батальоне подполковника Аракчеева (сформирован в 1795 г.) воротники, лацканы, обшлага, камзолы и штаны —

белые, кисти на шляпах рядовых и шапках мастеровых — желтые, гренадерские шапки — палевые. Петлицы — красно-белые, без кистей. В начале 1796 г. батальон получил красные воротники, лацканы и обшлага, палевые камзолы и штаны. В октябре 1796 г. приборное сукно снова введено белое, петлицы остались прежние, красно-белые.

В батальоне майора Малютина (сформирован в 1796 г.) первоначально воротники, лацканы и обшлага — красные, петлицы — голубые с голубыми кистями. Камзолы и штаны — палевые. Шапки у мастеровых — зеленые. В октябре 1796 г. красное приборное сукно заменено белым, петлицы к ноябрю даны белые с голубой змейкой.

В батальоне майора Недоброва (сформирован в 1796 г.) воротники, лацканы и обшлага — красные, приборный металл — желтый, петлицы — голубые с белыми кистями, камзолы и штаны — палевые, шапки мастеровых — белые. В феврале 1796 г. лацканы отменены. В мае мастеровым даны голубые шапки.

К 1795 г. околыши гренадерских шапок стали делать целиком медными, с суконной подкладкой, отличной от цвета задников. На налобнике с начала 1790-х гг. сверху изображался государственный герб (двуглавый орел под императорскими коронами, с крестом ордена Св. Андрея Первозванного на груди) в окружении военной арматуры, над которым шла надпись «С нами Бог», ниже, по центру, — картуш с изображением кайзер-флага (как напоминание о генерал-адмиральском чине Цесаревича и, вероятно, того, что большая часть гатчинцев была набрана из флотских батальонов). Именно такой налобник имеется на гренадерской шапке, атрибутированной в 1830-е гг. как шапка батальона майора Мертенса, находящейся ныне в коллекции Павловского дворца-музея¹⁰. Судя по оранжевому сукну задника, это, вероятнее всего, гренадерка батальона Великого Князя Константина Павловича, какие носили в 1794 г.

В егерской роте воротник и обшлага в 1795—1796 гг. были алые, аксельбант у нижних чинов — палевый, у офицеров — золотой. В сентябре 1796 г. приборное сукно заменено на оранжевое.

В небольшой инвалидной команде Гатчинских войск, куда входили чины, неспособные уже к строевой службе, носили обмундирование пехотного образца, но с мундирного цвета камзолами и штанами ¹¹.

Впрочем, в коллекции Гатчинского и Павловского дворцов-музеев имеются подлинные мундиры, относящиеся к Гатчинским войскам, атрибутированные, судя по почерку на наклеенных на них ярлычках, примерно в 1830-е гг. Один, с розовыми воротником и обшлагами, с бело-розовыми петлицами из тесьмы, атрибутирован как мундир рядового батальона подполковника Аракчеева ¹², второй, с фиолетовым приборным сукном — как мундир рядового батальона майора Мертенса ¹³. Мундир, атрибутированный тогда же как мундир рядового батальона майора Недоброва, попавший из Гатчины в коллекцию Павловского дворца-музея, имеет синее приборное сукно и сам сшит из темно-зеленого, практически черного мундирного сукна ¹⁴, в то время как сукно двух вышеописанных мундиров из гатчинской коллекции гораздо светлее, травянисто-зеленое. Пока нельзя с точностью атрибутировать эти мундиры, возможно, удастся сделать это позднее, если в военных архивах России будут обнаружены необходимые документы.

Зато хранящийся в Павловском дворце-музее (и тоже поступивший из Гатчинского) мундир унтер-офицера егерской роты майора Рачинского Гатчинских войск имеет оранжевые воротник и обшлага и желтый аксельбант ¹⁵. Это вполне соответствует вышеприведенным сведениям об обмундировании гатчинских егерей на момент восшествия Павла на престол.

Унтер-офицеры отличались от рядовых отсутствием погона, галуном приборного металла в один ряд на воротнике, обшлагах и краях шляпы, а также особыми кистями на шляпах и гренадерских шапках, разделенных на четыре сектора: верхний и нижний — из черных и оранжевых нитей, а боковые — из белых. Кроме того, каждый унтер-офицер имел замшевые перчатки с крагами и камышовую трость с белым костяным набалдашником, медным наконечником и кожаным темляком, которая в строю пропускалась нижним

концом за отвороты левой фалды мундира, а темляком зацеплялась за третью сверху пуговицу левого борта мундира ¹⁶.

Барабанщики носили обмундирование, подобное солдатскому, но с погоном не на левом, а на правом плече, и с «крыльцами» приборного сукна на плечах, а также имели нашивки из тесьмы или галуна (такие же, как мундирные петлицы) на передней части рукавов. Музыканты имели подобное же обмундирование, но с погоном на левом плече и с обшивкой тесьмой не только на рукавах, но и по всем швам мундира и краям карманных клапанов ¹⁷. В феврале 1796 г. музыкантам установлен мундир «обратных» цветов (красный с зеленым подбоем), но уже в апреле это распоряжение было отменено, и все музыканты вновь получили зеленые мундиры ¹⁸.

Обмундирование офицеров во многом походило на солдатское, но отличалось рядом деталей. Шляпы были пуховыми, с узким (у егерей — широким, с волнистыми «городками») галуном по цвету приборного металла, в углах шляпы имелись кисти золотой или серебряной канители. В гренадерских батальонах Его Высочества и Палицына с 1796 г. крепилась и верхняя канительная кисть, или султанчик. Погона на мундире не имелось. Галстуки офицеров были из белого шелка, у егерских офицеров — из черной саржи. Мундиры, камзолы и штаны изготавливались из тонкого, хорошего качества сукна. Пуговицы были позолоченные или посеребренные, выпуклые («дутые»). Подбивались мундиры стамедом (до 1795 г. — красным, позднее, по данным К. В. Татарникова, зеленым), подкладка спинки делалась из тонкого холста. Приблизительно с 1794 г. мундиры офицеров украшаются шитыми канителью и блестками петлицами. Офицерам также полагались черного шелка с золотом (с 1795 г. — с серебром) темляки на холодное оружие, золотые (с 1795 г. — серебряные) шарфы, а также офицерские знаки, носимые на шее на голубой (с 1796 г. — на черной с оранжевой каймой) ленте (егерским офицерам знаков не полагалось), перчатки с крагами и трости, подобные унтерским, но с офицерским темляком. Для ношения вне строя Павел разрешил использовать вицмундиры и сюртуки.

Особое, более скромное, чем у строевых офицеров, обмундирование имели офицеры Военного департамента и нестроевые офицерских чинов¹⁹.

На вооружении Гатчинских войск состояли образцы оружия, изготовленные специально по заказу Павла Петровича и отличающиеся от тех, что были на вооружении русской регулярной армии. Они послужили прототипом образцов, принятых на вооружение в 1798 г.²⁰

Вооружение рядового тяжелой пехоты (гренадера и мушкетера) состояло из ружья со штыком и тесака с медным эфесом. Рядовые и унтер-офицеры егерской роты были вооружены нарезными штуцерами и кортиками. Последние обычно носились в ножнах на поясе, но в случае необходимости примыкались к штуцеру с помощью специальной защелки²¹.

Снаряжение рядовых тяжелой пехоты состояло из поясной портупей яловичной кожи, с медной пряжкой и с тесачной лопастью, кожаной патронной сумы на 60 патронов, носимой на широкой яловичной перевязи через левое плечо, ранца из телячьей кожи, шерстью наружу, манерки (фляги) и сухарного мешка («лакомки» или «сламзака»)²². Нижние чины, вооруженные штуцерами (егеря и унтер-офицеры-гренадеры), носили подсумок для патронов на животе на портупее, и потому чересплечных патронных сум им не полагалось²³.

Строевые унтер-офицеры имели на вооружении тесак и алебарду, а гренадерские унтер-офицеры с 1794 г. получили «винтовальные» (нарезные) ружья с шестью нарезами, бывшие короче и легче солдатских²⁴.

Все офицеры имели на вооружении шпагу, а при нахождении в строю офицерам тяжелой пехоты полагался еще и эспантон — род длинной полупики.²⁵

Наличие алебард и эпантонов может показаться анахронизмом, но только на первый взгляд. При линейном построении пехоты они играли очень важную роль, так как, во-первых, позволяли определить местонахождение в строю офицеров и унтер-офицеров, а во-вторых, служили для рядовых ориентиром при равнении²⁶.

Относительно знамен гатчинской пехоты в «Историческом описании одежды и вооружения Российских войск» приводятся следующие сведения: «Какие и в каком именно батальоне были знамена, не сохранилось никаких сведений, и в настоящее время существуют только два рода знамен, о которых известно, что они принадлежали описываемым здесь (Гатчинским. — Е. Ю.) войскам. Одни из сих знамен — шириною 1 арш. 14 вершков, а длиною 2 арш. 2 вершка, — суть ни что иное, как... кайзер-флаг, имеющий на середине, в оранжевом овале, изображение российского двуглавого орла в зеленом венке и прибитый к белому крашеному древку с медным копьём и серебряными кистями... Другие знамена — одной ширины с первыми, а длиною 1 арш. 12 вершков, и также с белыми древками — были белого цвета, с изображением на углах золотых пылающих бомб. В верхней половине полотна, ближе к древку, изображено золотое сияние, наподобие солнца, с белым и голубым крестами внутри, на красном поле, как бывает у кайзер-флага, и с надписью на обручике: „Сим знаменем победиши“. В нижней половине, ближе к наружному боковому краю полотна, представлен двуглавый орел черного цвета, с распущенными крыльями»²⁷. К. В. Татарников пишет только об имевшемся в 1795 г. в Лагерьгаузе знамени «малинового цвета с белым крестом, с древкою и с кожаным чехлом», впрочем, кому оно принадлежало — не известно²⁸.

Рассмотрим теперь обмундирование, снаряжение и вооружение кавалерии Гатчинских войск. Как выяснил К. В. Татарников, сведения по обмундированию кавалерии есть в документах только за 1795—1796 гг.

Обмундирование гатчинских кирасир, или жандармов²⁹, состояло из черной поярковой шляпы с железным каскетом, фуражной шапки, галстука, колета с подколетником (суконным камзолом с застежкой на крючки), кушака, ташки, замшевых штанов и перчаток, ботфорт со шпорами, рубахи и чулок, шинели. При строевой и парадной форме жандармам полагались также кирасы, а для особо торжественных случаев — супервесты.

Шляпа была без обшивки тесьмой, с левой стороны спереди крепился черный бант с оранжевой каймой, удерживаемый медной пуговицей. Кисти в углах были красные, а венчал шляпу плюмаж из белых (сверху) и черно-оранжевых (у основания) перьев.

Галстук был черный суконный. Колет изготавливался из белой или палевой кирзы — плотной шерстяной ткани, напоминающей замшу. Воротник, обшлага, погоны, чепрак, чушки (покрытия для пистолетных кобур), кушаки, ташки и подколетники были первоначально в первом эскадроне красные, во втором — голубые (светло-синие). В 1795 г. синий приборный цвет был установлен для всего полка. В начале 1796 г. воротники, обшлага и кушаки во всем полку установлены красные, с сохранением подколетников, ташек, чепраков и чушек синего цвета. Тесьма установлена красно-белая. В апреле 1796 г. кушаки было велено иметь в Лейб-эскадроне алые, во втором — синие, в третьем — желтые. Эскадронных цветов (красным или синим) был первоначально и ромбовидный рисунок тесьмы, которой обкладывались края бортов колета, ташки, чушки и карабинная перевязь. Фалды колетов обкладывались красно-белой тесьмой, как видно из вышеизложенного, применявшейся в полку чаще всего.

Вне строя нижние чины носили фуражную шапку, а рабочей одеждой были китель и штаны, сшитые из сурового (серо-белого) каламенка (шерстяной ткани сатинового плетения)³⁰.

Унтер-офицеры имели отличия, подобные пехотным (в том числе и трость); плюмаж на шляпе украшался черно-оранжевыми перьями не снизу, а сверху. Колеты вместо шерстяной тесьмы обкладывались красно-золотым басоном из сукна и галуна. Вне строя им полагались, кроме обычной формы, сюртуки, вероятно, темно-зеленые, с красным стамедным подбоем.

Обмундирование музыкантов богато расшивалось тесьмой.

Обмундирование офицеров отличалось от солдатского высоким качеством изготовления и рядом деталей. Шляпы были пуховые, с серебряными кистями в углах и петлицей

из золотой канители, удерживавшей бант, отделка колета (воротник, обшлага, обкладка) была бархатная (сперва — эскадронных цветов, с 1796 г. — алая), края бортов обшивались золотым галуном. Галуном обкладывалась и портупея, на которой носились палаш или шпага (последняя — при вицмундире и сюртуке). Темляки и шарфы были из серебряной канители.

Вицмундир, одевавшийся вне строя, по покрою был аналогичен пехотному, но шился из тонкого белого сукна. Воротник, обшлага, лацканы и подбой были красного цвета. Сюртуки, также одеваемые вне строя, были темно-зеленые, с такого же цвета стамедной подкладкой, с голубыми воротниками.

Всем чинам полка полагались шинели темно-зеленого сукна с темно-зеленым подбоем. Воротник у нижних чинов — приборного сукна, у офицеров — темно-зеленый.

Характерным отличием гатчинских жандармов от прочей кавалерии была кираса. По традиции XVIII в. она состояла только из передней половины³¹ и удерживалась перекрещенными на спине кожаными ремнями, покрытыми медной «чешуей». У нижних чинов кирасы, по данным на 1795 г., были медные посеребренные, у офицеров — серебряные с посеребренной «чешуей», с обкладкой по краям кирасы красным гарусным шнуром. В феврале 1796 г. в полк поступили медные, крашенные черной краской кирасы для всех чинов. Тогда же, по данным, приводимым К. В. Татарниковым, в полк поступили и 40 серебряных кирас, аналогичных вышеописанным. Можно с уверенностью предположить, что черные кирасы офицеры надевали при нахождении в строю, а серебряные — в дворцовом карауле. Подтверждением этой версии может служить факт пожалования в 1798 г. Лейб-Кирасирскому Ее Величества полку 219 солдатских и 11 офицерских серебряных кирас (возможно, бывших гатчинских жандармов) именно для ношения в дворцовых караулах³².

В особо торжественных случаях при нахождении в строю или в карауле поверх колетов надевались супервесты — суконные безрукавки, застегивавшиеся на крючки³³. Сначала они были, вероятно, из красного сукна, а с марта 1796 г. —

из синего, с прикрепленными на груди и спине медными раскрашенными (первоначально просто медными) двуглавыми орлами, с обкладкой по краям у нижних чинов тесьмой в два ряда, у офицеров — серебряным двухрядным позументом. Впрочем, уже в мае полк получил супервесты черного сукна.

Вооружение рядового кирасира составляли палаш с кожаным темляком и гарусной кистью, в железных ножнах, карабин с «погоном» — железной скобой, которой он цеплялся к карабинной перевязи, и пары пистолетов, носимых в ольстрах — седельных кобурах. Патроны к карабину помещались в лядунке — черной кожаной суме с медным гербом на крышке, носимой на перевязи через левое плечо. Унтер-офицерам и музыкантам карабин и лядунка не полагались.

Снаряжение нижних чинов составляли чемодан, фуражная саква, торба и водоносная фляга, которые обычно привьючивались к седлу.

Вооружение офицера составляли в строю — палаш и пара пистолетов, вне строя — шпага. Конечно, непременным офицерским атрибутом вне строя была трость³⁴.

Обмундирование и снаряжение гатчинских драгун было во многом сходно с кирасирским, со следующими отличиями: отсутствовал каскет на шляпе; камзол был палевый, на пуговицах, как в пехоте. Драгунский мундир по покрою был подобен егерскому, но мундирное сукно было более темного цвета. Обшлага были разрезными, с двумя пуговицами на каждом. Правое плечо украшал аксельбант желтого гаруса, а на левом плече рядовые носили погон приборного сукна. Приборное сукно в полку — красное. Подбой мундира — из красной каразеи. Именно подобный драгунский мундир Гатчинских войск находится ныне в коллекции Павловского дворца-музея³⁵. 7 февраля 1796 г. Цесаревич повелел прибавить к драгунским мундирам лацканы, но уже 21 февраля они были отменены. Офицерский кафтан украсили золотые шитые петлицы на бортах (вероятно, у нижних пуговиц) и лифе. Чепраки и чушки в полку были алые, скорее всего с палевой обкладкой (у офицеров — золотым позументом).

В документах имеются сведения, что Драгунскому полку были даны светло-зеленые мундиры с подбоем, воротником, обшлагами и лацканами, украшенные у офицеров шестью серебряными петлицами (по две под каждым лацканом и две — на лифе). Но времени введения и отмены этих мундиров установить не удалось³⁶. В ноябре 1794 г. гатчинский арсенал принял от Драгунского полка две медвежьих шапки, что позволяет предполагать, что какое-то время в состав полка входила гренадерская рота³⁷.

Вооружение рядового драгуна составляли палаш в кожаных ножнах, драгунское ружье со штыком и пара пистолетов. Унтерам ружей не полагалось. Вооружение офицера — палаш, пара пистолетов и шпага (вне строя). Унтер-офицерам и офицерам полагались также трости³⁸.

Обмундирование гатчинских гусар опишем для краткости по «Историческому описанию» с дополнениями К. В. Татарникова: «Гусары имели ментии (ментики. — *Е. Ю.*) голубые с белыми шнурками, вылуженными (покрытыми оловом, т. е. белыми. — *Е. Ю.*) пуговицами и опушкой из белой овчины; доломаны белые, с воротником и обшлагами голубыми, шнурками из голубой и белой шерсти и пуговицами такими же, как на ментии; кушаки голубые с белым наперед перехватом и с кистями и шнурами белого же цвета с голубым; чакчиры замшевые; сапоги короткие, с прибивными железными шпорами; галстук черный; перчатки с крагами; шапки из черной смушки с голубым суконным верхом или мешком, со шнурами и кистями цветов оранжевого и белого и с султаном из белых и частью из оранжевых перьев; портупея, лядунка и лядуночная перевязь были юфтяные; карабинная перевязь белая; темляк кожаный, с оранжевою кистью;... крышка ташки белая, с голубою обшивкою и с черным двуглавым орлом; испод ташки черный»³³.

По данным, приведенным К. В. Татарниковым, до апреля 1796 г. мешки (шлыки) на гусарских шапках были белыми, кисти — желтыми, султаны — белыми, а голубое сукно стало даваться на отделку шапок лишь с апреля. При этом музыканты получили голубой султан. При повседневной форме вне строя носились либо шляпы кавалерийского об-

разца с желтыми кистями в углах, либо белые суконные фуражные шапки с голубым околышем. В мае 1796 г. кисти для унтер-офицерских шляп запрашивались трех видов: красные с белым, красные с желтым и красные с зеленым (вероятная схема расцветки — красные края, цветная середина кисти); это позволяет предполагать, что полк к этому времени состоял из трех эскадронов. Ментики и доломаны расшивались шнурами в 17 рядов. В январе 1796 г. Цесаревич велел сделать в полку шнуры для расшивки доломанов и ментиков, а также шнуры кушаков красно-голубые, с оставлением всех прочих деталей обмундирования без изменений, а в апреле повелено сделать кушаки темно-зелеными. Чакчиры были двух разновидностей — замшевые белые и суконные белые с голубой отделкой. Для ношения в холодное время служил белый суконный плащ, а для повседневных работ — каламенковые китель и штаны. Ташки, кроме бело-голубых, были и красные с черными суконными орлами (у унтер-офицеров — золотыми).

Ментики и доломаны унтер-офицеров обкладывались серебряным позументом, офицерские — галуном с бахромой. Офицеры имели шарфы из серебряной канители, доломаны и ташки двух видов — парадные и повседневные (точного их описания нет). По некоторым сведениям, гусарские офицеры имели двубортный вицмундир голубого сукна с красным воротником и обшлагами.

Вальтрапы в полку были первоначально голубые с белой отделкой⁴⁰, а в апреле 1796 г. изготовили палевые вальтрапы с красной отделкой, обложенной черным шнуром, но время их применения в полку неизвестно.

Вооружение рядовых гусар состояло из гусарской сабли, гусарского карабина и пары гусарских пистолетов. Унтер-офицерам карабинов не полагалось. Рядовым, соответственно, полагались лядунка на перевязи и карабинная перевязь. Лядуночная перевязь делалась из черной юфти, карабинная — из выбеленной кожи. Вооружение офицеров состояло из сабли, пары пистолетов и шпаги (вне строя). Унтерам и офицерам, как и в прочих частях, полагалась трость.

Кстати, кирасиры в голубых и красных подколетниках и гусары в белых с голубой отделкой доломанах и бело-голубых кушаках изображены на двух картинах И. Я. Меттенлайтера. Это картины «Внутренний вид казармы»⁴¹ и «Военный лагерь»⁴², находящиеся ныне в коллекции Павловского дворца-музея. Написанные с натуры, они являются бесценными иллюстрациями повседневной жизни и быта Гатчинских войск.

Описание казачьего обмундирования дадим также по «Историческому описанию», с дополнениями К. В. Татаринова: «Козаки носили верхние кафтаны, или чекмени, синие; куртки красные; шаровары голубые; шапки из черной смушки, с красным верхом и белыми кутасами, кистями и султаном»⁴³. В мае 1796 г. Цесаревич приказалшить на рукава обмундирования казачьих трубачей трубаческий брасон «против барабанщиков, в 4 ряда». Зимние плащи полагались казакам такие же, как и у гусар. Вальтрап положен был красный с обкладкой желтой тесьмой в один ряд⁴⁴.

Вооружение рядового казака составляли «сабля с эфесом и оправою ножен медными; портупея черная кожаная с белыми прошивками; пистолет, привешенный за крюк обыкновенной карабинной перевязи, которая была лосиная, выбеленная; лядунка черная, с медною бляхою во всю крышку и с белою перевязью, и в конном строю — пика с красным древком»⁴⁵. Унтер-офицерам, вероятно, полагалось по два пистолета, но без пики и карабина. Портупея с белыми прошивками, упомянутая в «Историческом описании», является, по замечанию К. В. Татарникова, темно-синим кушаком с белой прошивкой⁴⁶.

Кроме этих кавалерийских частей при Цесаревиче в качестве адъютантов состояло семь вольнонаемных конных лейб-егерей, обмундирование которых во многом походило на драгунское офицерское — пуховая шляпа с черным с оранжевой каймой бантом на пуговице, золотой петлицей и белым султаном, светло-зеленый кафтан с алым подбоем, воротником и обшлагами, палевые камзолы и штаны, шляпные кисти, темляки и аксельбанты — серебряные (последние с 1796 г. — золотые), светло-зеленый вальтрап⁴⁷.

О штандартах гатчинских жандармов и драгун трудно сказать что-либо определенное. Состояло по одному штандарту в каждом эскадроне, шнуры и кисти к ним были серебряные с примесью черного и оранжевого шелка, чехлы — из оранжевого сукна. У жандармов штандартную перевязь украшал золотой позумент с бахромой. Но описаний самих полотнищ нет, лишь в ведомости гатчинского арсенала значатся 1 прусский штандарт, 1 малиновый с желтым, 2 оранжевых с серебряной бахромой и 1 оранжевый с белым, с золотой бахромой и кистями, расшитый блестками ⁴⁸.

Рассмотрим теперь обмундирование и снаряжение гатчинских артиллеристов.

В 1786 г., с появлением в отряде Наследника постоянной артиллерийской команды (1 унтер-офицер и 8 рядовых), ее чины получили следующую форму одежды: треугольную шляпу с медной пуговицей, белой нитяной обшивкой, белым бантом и султанчиком и двумя кистями черно-оранжевой расцветки; темно-зеленую фуражную шапку с черной выпушкой; красный камлотовый галстук с белой полотняной обшивкой по верхнему краю; белые камзол и штаны; темно-зеленый мундир с медными пуговицами, черными суконными воротником, обшлагами и подбоем (по краю воротника шел золотой позумент); тупоносых башмаков с черными суконными штиблетами. Судя по документам, к 1792 г. на мундирах артиллеристов появились черные лацканы. В апреле того же года султанчики на шляпах были отменены, а кисти, которых теперь стало три, заменили на красные.

Унтер-офицерские мундиры отличались от солдатских стамедным подбоем, плисовыми обшлагами с галунами по чину, золотым галуном на шляпах, перчатками и тростями.

Снаряжение артиллеристов состояло из кожаной портупей, ранца из телячьей кожи, холщового сухарного мешка и пороховой натруски с вензелем Императрицы Елизаветы Петровны, носимой на перевязи из яловичной кожи. Вооружены артиллеристы были тесаками гренадерского образца.

Фурлейты (ездовые), определенные в артиллерию в сентябре 1792 г., получили темно-зеленые суконные сюртуки с красным каразейным подбоем и черными воротником

и обшлагами, темно-зеленый камзол с подбоем из красной каразеи, темно-зеленые штаны и сапоги с крагами. В конце года вместо плащей артиллеристы получили темно-зеленые суконные шинели с черными (с 1795 г. — палевыми) воротниками⁴⁹.

В начале 1793 г. форма артиллеристов изменилась. Они получили темно-зеленые двубортные мундиры без воротников и лацканов, с обшлагами мундирного цвета. Обшлага и рукавные клапаны имели красную выпушку. Подбой мундира был у нижних чинов красный каразейный, у офицеров — красного стамеда. Рядовые и музыканты, не имеющие унтер-офицерского чина, имели на левом (у барабанщиков — на правом) плече красный суконный погон. Мундиры конных и пеших артиллеристов различались количеством пуговиц на бортах: в пешей артиллерии на правом борту было 8, а на левом 6 пуговиц, в конной, соответственно, 8 и 10. Камзол и штаны были палевого сукна, летом суконные штаны заменялись полотняными. Галстуки в пешей артиллерии были красные с белой обшивкой по верхнему краю, в конной артиллерии, у фурлейтов и мастеровых — драгунского образца, из черного сукна. В пеших ротах обувь служили башмаки и штиблеты, в конной — драгунские ботфорты. Кроме того, нижним чинам конной артиллерии полагались перчатки с крагами. Обшлага бомбардиров имели по верхнему краю золотой галун. Кисти на шляпах канониров и бомбардиров пешей артиллерии были желтые, в конной — верхняя красная, боковые — зеленые. Шляпы фурлейтов и нестроевых чинов были без кистей. В конной роте шляпы имели кожаные ремешки с медной пряжкой.

Сюртук фурлейтов был двубортный, с пелериной из мундирного сукна.

Обмундирование фейерверкеров (унтер-офицеров) отличалось от солдатского отсутствием погона, золотыми галунами на обшлагах и рукавных клапанах, золотым галуном на шляпе, пестрыми черно-оранжевыми шляпными кистями, перчатками и тростями.

Музыканты имели форму, аналогичную форме нижних чинов, но с расшивкой по рукавам и швам (кому полагалось) белым басоном с черно-оранжевой «змейкой».

Офицерские шляпы имели золотой галун по краю полей и две кисти в углах шляпы из золотой канители; галстуки были белые полотняные в пешей артиллерии и черные шелковые в конной; по борту и краям карманных клапанов камзола шел золотой галун; мундир был тонкого сукна, с вызолоченными выпуклыми пуговицами, нашитыми так же, как у нижних чинов конной артиллерии, подборой мундира — красного стамеда. Офицерский сюртук был также суконным, со стамедным подбоем, двубортным. Помимо всего перечисленного, офицерам полагались шарфы, перчатки и трости⁵⁰.

Именно в такой форме изображены артиллеристы на акварели И. Я. Меттенляйтера, изображающей артиллерийское учение в Павловске 26 августа 1796 г.⁵¹

«Таким образом, употребляемый тогда (при Екатерине. — *Е. Ю.*) в русской артиллерии красный цвет не только для лафетов, но и для мундиров, был Его Высочеством заменен зеленым, менее марким при отправлении артиллерийской службы и более удобным для скрытия местностью от взоров неприятеля числа орудий наших», — отмечал В. Ф. Ратч⁵².

На вооружении нижних чинов пешей артиллерии имелись тесаки, а конно-артиллеристы были вооружены палаши и «жандармским» (кирасирским) пистолетом, носимым на белой перевязи через левое плечо. Офицеры вооружены были шпагами⁵³.

Знамен гатчинская артиллерия, как фактически и русская регулярная артиллерия с 1765 г., не имела⁵⁴.

Несколько подробнее хотелось бы поговорить о прическе, введенной Павлом в Гатчинских войсках, а с восшествием на престол — и во всей русской армии, знаменитых «пухлах и косах».

Начнем с того, что изобретение прусского короля Фридриха Вильгельма I — пудренный парик с буклями и косой («прусская коса» или «крысиный хвост»), вошедший в моду по всей Европе около 1730 г., был официально введен в русской армии для всех чинов в 1731 г., и носился он вплоть до начала царствования Императора Александра I, исключая период 1786—1796 гг., когда у нижних чинов армии парик был вовсе отменен (Гвардии это не коснулось)⁵⁵. Так что

знаменитые «пудру», «пукли» и «косу» придумал отнюдь не Павел. И уж тем более странны причитания по поводу павловских париков офицеров⁵⁶ — им и до Павла обязательно полагалось носить парик, ибо, во-первых, парики были одним из признаков дворянского сословия, а во-вторых, такова была общеевропейская мода — военная и гражданская⁵⁷.

Читателю, наверное, интересно будет узнать, что же представлял собой знаменитый парик, о котором осталось столько нелестных отзывов. Создание уставной прически было далеко не простым делом!

Парики, которые можно было целиком снимать и одевать, стоили весьма дорого. Еще в елизаветинское время, например, стоимость их была не менее пяти рублей⁵⁸. Поэтому, как правило, прическа делалась из собственных волос и пакли (войлока), а «цельные» парики использовались обычно при недостатке собственных волос⁵⁹.

Если волосы на висках были длинными (так предписывал Устав), проблем с прической было меньше — они просто завивались в букли над ушами. Если же волосы были коротки, тогда букли изготавливались из пакли или войлока в виде двух цилиндров. Для закрепления их на голове использовался проволочный обруч с загнутыми вперед концами, на которые и надевались букли, крепившиеся, кроме того, к вискам шпильками. В зимнее время букли предписывалось опускать ниже, чтобы они закрывали уши.

Коса состояла из железного прута, обернутого паклей и обмотанного снизу вверх черной кожаной или шелковой лентой. Эта конструкция крепилась к собственным волосам на затылке. Большой бант у основания косы, как было в предыдущие царствования, не повязывался, лишь конец ленты, длиною в ладонь, должен был свисать сверху. Длина косы как у нижних чинов, так и у офицеров должна была быть до пояса, с чуть отогнутым назад кончиком.

После вышеописанной укладки волос парик предстояло напудрить. Это и было самой неприятной стороной прически.

Сначала волосы смазывали либо свечным салом, либо вакс-помадой — смесью того же сала с воском. Это делалось для того, чтобы пудра намертво не прилипла к волосам.

Вместо пудры обычно использовали муку, так как настоящая пудра стоила дорого. Перед насаливанием волосы могли натереть кирпичом и мелом. Итак, насаленную голову посыпали мукой, а потом обильно обрызгивали водой или квасом, после чего образовавшееся на волосах тесто должно было подсохнуть, и в заключение прическу снова припудривали. Весь процесс укладки и пудрения волос занимал до двух часов. Вот так был устроен знаменитый парик XVIII в.!⁶⁰ Он был крайне негигиеничен и отнимал много времени (в одиночку справиться с укладкой такой прически было невозможно), солдаты, готовясь к смотрам и парадам, порой, чтобы не испортить прическу, не спали всю ночь⁶¹. Но — такова была мода. А красота в «галантном веке» требовала настоящих жертв!

Однако не следует думать, что пудриться солдатам приходилось каждый день: Устав 1796 г. предписывал делать это только «в строях», т. е. на парадах и в караулах, а вне строя пудриться было необязательно, и волосы разрешалось не заплетать в косу, а носить стянутыми в пучок⁶². Интересный эпизод есть в воспоминаниях генерала Я. О. Отрощенко, в 1800 г. начавшего службу в 7-м Егерском полку. В связи с полковым смотром Отрощенко, служивший тогда в полку писарем, был вместе со всеми поставлен в строй, для чего был, как положено, напудрен. Но перед самым смотром подойдя к ротному командиру, он сказал, что не знает твердо приемов маршировки и рассыпного строя и может испортить дело. Тогда капитан, по воспоминаниям Отрощенко, «тотчас приказал фельдфебелю вытрепать мне из головы пудру, надеть шинель и поставить в числе слабых за фронтом. Тотчас начали мне вытаскивать пудру из волос частым гребнем»⁶³.

Щепетильное отношение Императора к ношению парика иллюстрирует еще один анекдот: «...полицмейстер Ваксин держал пари, что дернет Павла за косу на большом выходе. При проходе царя он взял его за кончик косы. Павел не оборачиваясь спрашивает: „Кто там?“ — „Коса не по шву лежит“, — отвечает Ваксин. Павел благодарит, пари выиграно»⁶⁴.

С восшествием Павла на престол обмундирование «гатчинского» образца стало вводиться во всей русской армии⁶⁵. Естественно, перемены в обмундировании коснулись в первую очередь столичного гарнизона.

«Старые» Гвардейские пехотные полки (Преображенский, Семеновский и Измайловский) получили темно-зеленые двубортные мундиры без лацканов, с подбоем у нижних чинов из красной каразеи, а у офицеров из темно-зеленого стамеда, белые камзол и штаны, черные (для парадов — белые) штиблеты; прочие предметы обмундирования были сходны с гатчинскими. Обшлага на офицерских мундирах всех трех полков были круглые мундирного цвета, у нижних чинов — красные. Воротники у всех чинов в Преображенском полку были красные, в Семеновском — голубые, в Измайловском — зеленые; задники гренадерских шапок у преображенцев — красные, у семеновцев — голубые, у измайловцев — белые, околыши покрыты чеканными латунными бляхами, налобники шапок — того же рисунка, что и в Гатчинских войсках, с раскрашенным кайзер-флагом, но вызолоченные. На рукавных клапанах нижних чинов было по две галунных петлицы с двумя полосками по цвету воротников, у офицеров — по две шитых золотой канителью⁶⁶. Шитье офицерских петлиц было в каждом полку особое. «У преображенцев они были в виде овальной горизонтальной петли с кружком на внешнем конце, из-под которого выходила кисточка в форме треугольника с бахромой по нижнему краю, у семеновцев — это простая горизонтальная петля, перевитая шнуром в виде горизонтальной восьмерки, которая завершалась на внешнем конце „цветком“ из трех тройных лепестков и двух „тычинок“ между ними. Самыми сложными по рисунку были измайловские петлицы, представлявшие собой завиток растительного орнамента в виде горизонтальной восьмерки с „кисточкой“»⁶⁷. Семеновские офицеры, кроме того, получили на правое плечо золотой аксельбант в память о батальоне Великого Князя Александра Павловича Гатчинских войск, влитого в состав полка⁶⁸. Различие между полками соблюдалось даже в прическе: преображенцам велено было делать на висках по три букли, семеновцам — по две, измайлов-

цам — по одной ⁶⁹. 3 января 1797 г. во всей армии изменены форма и рисунок офицерских знаков, у обер-офицеров Преображенского и Семеновского полков со знаков убрана дата Нарвского сражения ⁷⁰.

Что касается офицерских мундиров полков Гвардейской тяжелой пехоты, то Павел здесь отступил от традиции, установленной еще в 1720 г. и бывшей, за некоторыми исключениями, неизменной до 1796 г., — воротники и обшлага во всех трех полках были мундирного цвета, а полки различались только способом пришива галуна ⁷¹.

Летом 1797 г. офицеры Гвардейской тяжелой пехоты получили мундиры с красными обшлагами и подбоем и с золотым аксельбантом на правом плече. Воротники их мундиров украсили петлицы, подобные вышитым на рукавных клапанах. В Измайловском полку введены петлицы нового образца, аналогичные петлицам 3-го Гвардейского Гренадерского полка прусской армии, в виде двух косичек, положенных по сторонам горизонтальной петли; верхняя косичка завершалась широкой свисающей вниз кистью (позднее в полку появилось предание, что рисунок петлиц повторяет плетение косы Императрицы Анны Иоанновны, основательницы полка). 3 декабря 1797 г. Лейб-батальон Преображенского полка стал гренадерским и получил шапки с желтыми задниками. 4 декабря всем чинам Измайловского полка велено обрезать букли. Через год, 3 декабря 1798 г., офицеры Гвардейской тяжелой пехоты получили мундиры с разрезными красными обшлагами, без клапанов. Шитье располагалось на обшлагах и воротниках. Преображенские и семеновские офицеры получили шитье нового рисунка: преобразенцы — в виде горизонтально лежащей S-образной веточки с листьями, семеновцы — в виде горизонтальной восьмерки, состоящей из шитого нитью и канителью S-образного листика с битевым «стебельком» с кольцом и кисточкой на конце. У измайловцев отложной воротник заменен стоячим с сохранением на нем шитья. Шляпы офицерам велено иметь с широким золотым галуном с волнистыми «городками» и золотой петлицей, т. е. подобные генеральским, но без плюмажа. Всем строевым чинам полков велено

носить черные галстуки. 16 декабря, в связи с тем что Павел принял титул Великого Магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского, на налобниках гренадерок велено вместо кайзер-флага изображать мальтийский крест на красном фоне. Изображение креста появилось и на офицерских знаках.

В июле 1799 г. офицеры вновь получили мундиры с круглыми обшлагами, белые галстуки и шляпы, обшитые узким золотым галуном и с тремя шляпными кистями из золотой канители. Вицмундиры положено иметь также с шитьем мундирного образца. 10 августа изменился рисунок налобников гренадерских шапок. Теперь он представлял собой черного двуглавого орла, на груди которого был щит с изображением белого креста с расширяющимися концами на красном фоне (крест, хотя и не имел раздвоенных концов, считался мальтийским); над головой орла — вензель Павла под императорской короной, выше — надпись «Благодать» — перевод с греческого имени фаворитки Павла Анны Лопухиной. Подобное же изображение, только меньшего размера и нераскрашенное, чеканилось и в средней части околышей гренадерских шапок. В Лейб-батальоне Преображенского полка задники шапок стали малиновые, во 2-м — желтые.

В марте 1800 г. вновь последовали значительные изменения в обмундировании Гвардейской тяжелой пехоты. Все три полка стали полностью гренадерскими (состав Преображенского полка даже увеличился до пяти батальонов), и расцветка гренадерских шапок стала побатальонной. Нижние чины получили на воротники петлицы, подобные тем, какие они носили на рукавных клапанах — галунные (у преображенцев — шитые) с полосками приборного цвета и с кисточками на концах. Необычное обмундирование получили тогда флейтчики Лейб-батальона Преображенского полка: темно-зеленый кафтан с красным воротником, обшлагами и подбоем, с завороченными спереди полами, расшитый золотым галуном по всем швам и на груди; красный стамедный кушак с большим бантом сзади; красный суконный колпак в виде усеченного конуса, обвитый снизу белой

материей, на манер тюрбана, и украшенный спереди белым султаном, как у гусарских генералов.

Офицеры-преображенцы получили мундиры без воротника, но с лацканами. Пуговичные петли лацканов и рукавных клапанов были расшиты петлицами образца 1796 г., а по краям лацканов, клапанов и обшлагов шел вышитый золотой нитью бордюр в виде простого канта и «плетенки». Мундиры семеновских и Измайловских офицеров по покрою не изменились, но петлицы теперь размещались не только на воротнике и рукавных клапанах, но также по бортам, на карманных клапанах и лифе. Мундиры обр. 1800 г. семеновских офицеров расшивались петлицами обр. 1796 г., Измайловских — обр. 1797 г. Стоимость шитья на одном офицерском мундире доходила до 180 рублей!

В конце 1800 г. офицеры Преображенского полка получили новый мундир, того же покроя, что ранее семеновцы и измайловцы, но с красным воротником и петлицами нового рисунка — в виде горизонтальной восьмерки из дубовых и лавровых листьев, с кистью на внешнем конце. Приблизительно в то же время нижние чины Лейб-батальонов всех трех полков получили петлицы на борта мундиров ⁷².

Обмундирование новосформированных Лейб-Гвардии Егерского и Гарнизонного батальонов было не в пример скромнее.

Гвардейские егеря носили шляпу без обшивки (у офицеров — с широким золотым галуном с «городками» и черно-оранжевым бантом с золотой петлицей); фуражную шапку, мундир и камзол светло-зеленого сукна; подбой на мундире из зеленой каразеи, воротник и разрезные обшлага — оранжевые, приборный металл (пуговицы и галуны) — желтый; аксельбант на правом плече у нижних чинов — оранжевого гаруса, у офицеров — золотой; замшевые чакчиры (летом — Полотняные штаны); тупоносые сапоги с вырезом сзади; все Прочее — как у егерей Гатчинских войск ⁷³.

Лейб-Гвардии Гарнизонный батальон получил обмундирование, аналогичное обмундированию Лейб-Гвардии Преображенского полка обр. 1797 г. (мундир с красными воротником, круглыми обшлагами и подбоем), но с серебряным

приборным металлом, без шитья и петлиц. Гренадерские шапки — гвардейского образца, со всеми изменениями, но с посеребренными налобником и околышем и темно-зелеными задниками⁷⁴.

Знамена, введенные Павлом, по рисунку во многом копировали прусские знамена эпохи Фридриха Великого. Полотнище знамени представляло собой сшитый из нескольких кусков шелка квадрат размером 2x2 аршина (140 x 140 см). В центре полотнища размещался оранжевый круг с изображением (исключая первый образец гвардейских знамен) черного двуглавого орла в обрамлении зеленых лавровых ветвей. Поле знамен разделялось на крест и углы. Изображения на полотнище наносились масляными красками и золотом.

Древко было длиной около 4,5 аршина (3,2 м) и окрашивалось, в зависимости от номера полка в дивизии, в палевый, черный, кофейный или белый цвет. Сверху к нему крепилось вызолоченное навершие в виде плоского копья с прорезным государственным гербом, нижний конец древка был укреплен латунной трубкой — подтоком. Знамена в армейской пехоте полагались только мушкетерским или фузилерным ротам мушкетерских и гренадерских полков. Гренадерским ротам и егерям знамен не полагалось⁷⁵.

Первый образец павловских знамен полки Гвардейской тяжелой пехоты получили уже в декабре 1796 г.: преобразженцы — 15, семеновцы и измайловцы — по 10 (по числу рот). В первых ротах полков кресты были белые, в остальных — желтые. Цвет углов соответствовал приборному цвету полка. В углах нашивались золотые императорские короны, соединенные между собой по периметру полотнища зелеными лавровыми ветвями. В центральном круге помещалось изображение кайзер-флага, а над кругом на голубой ленте — надписи: с лицевой стороны — «Сим знаменем победиши», а с оборотной — «Не нам, не нам, а имени Твоему». Древки у всех знамен были кофейного цвета, ленты и кисти — серебряные⁷⁶.

2 января 1798 г. в первые Лейб-батальоны трех Гвардейских полков были пожалованы новые знамена. На них в цен-

тральном круге вместо кайзер-флага изображался государственный герб, а кресты и углы различались по полкам: в Преображенском полку в Лейб-роте крест белый, углы пунцовые, у четырех остальных — крест пунцовый, углы белые; древки кофейные. В Семеновском полку в Лейб-роте крест белый, углы голубые, у четырех остальных — крест голубой, углы белые; древки кофейные. В Измайловском полку в Лейб-роте крест белый, углы зеленые, у четырех остальных — крест зеленый, углы белые; древки кофейные ¹⁷.

Церемония пожалования знамен Лейб-батальону Преображенского полка запечатлена на выполненной с натуры акварели М. М. Иванова — одной из редких современных событию иллюстраций жизни павловского военного Петербурга. Ныне эта акварель хранится в коллекции Государственного мемориального музея А. В. Суворова ⁷⁸.

16 декабря 1798 г. Павел принял титул Великого Магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского, и на знамена всех образцов велено было нашить белые мальтийские кресты.

6 января 1799 г. Гвардейские полки получили знамена по образцу прежних Лейб-батальонных (с мальтийскими крестами), но с добавлением в углы золотых павловских вензелей и надписи «Благодать». Таким образом, полотнища новых знамен были разделены на 16 секторов, 8 из которых были белого цвета, а 8 — полкового (малинового, голубого или зеленого). На знамени Лейб-роты (полковом) углы были полкового цвета, на остальных ротных знаменах — белые. Древки были у преображенцев кофейные, у семеновцев — черные, у измайловцев — белые. На навершии вместо орла появился двойной вензель Павла из крестообразно наложенных друг на друга букв «П».

В 1800 г. Гвардейская тяжелая пехота получила последний из образцов знамен павловской эпохи. Новые знамена также состояли из медальона с изображением двуглавого орла, развернутого вполоборота и мечущего громовые стрелы, уже без изображения Св. Георгия на груди и с одним опущенным, а с другим поднятым крылом. Над головами орла на голубой ленте помещалась с лицевой стороны надпись «С нами Бог», с оборотной — «Благодать». В углах полотнища

появились двойные вензеля Императора в лавровых венках под двумя коронами — русской императорской и мальтийской. В Лейб-ротах крест полотнища был белый, а углы — пунцовые пополам с белым, в остальных ротах углы были белые, а крест — пунцовый с наложенным на него мальтийским крестом. Знамена в полках теперь различались лишь цветом древок: в Преображенском полку — палевые (только в Лейб-батальоне кофейные), в Семеновском — черные, в Измайловском — белые. На древках, обычно у места крепления полотнища, гвоздиками выбивался номер роты. Цифры при этом могли быть и римские, и арабские⁷⁹.

Лейб-Гвардии Егерскому и Гарнизонному батальонам знамен не полагалось⁸⁰.

Лейб-Гвардии Конный полк получил обмундирование кирасирского образца. Воротники и обшлага колетов были из красного сукна, края бортов и фалд у нижних чинов обшивались красным триповым басоном. Подколетники, крышки ташек, чепраки и чушки были синими. В углах чепраков, на крышках ташек и чушек помещались восьмиконечные звезды с черным двуглавым орлом на оранжевом фоне в центральном медальоне. Кушаки у нижних чинов различались цветами поэскадронно, соответственно красные, желтые, синие, зеленые и черные. Приборный металл в полку — желтый.

Офицерский колет отличался от солдатского обкладкой бортов золотым галуном и фалд — узкой полоской сукна эскадронного цвета. Для ношения вне строя офицеры получили красный суконный вицмундир, по покрою подобный пехотному, с синими воротником и обшлагами, желтыми пуговицами и подбоем эскадронного цвета. Вицмундир носился с белым камзолом.

В начале 1799 г. подколетники, чепраки, чушки и крышки ташек в Конном полку введены черные. Офицерам дан малиновый вицмундир с воротником и обшлагами из черного бархата, украшенными золотым шитьем. 2 февраля 1800 г. все черные элементы обмундирования вновь заменили на синие, а офицеры получили красный вицмундир без шитья, с синими воротником, обшлагами и подбоем. Не-

сколько позднее был введен новый вицмундир — красный, без воротника, с синими лацканами и обшлагами и белым подбоем. На правом плече вицмундира носился золотой аксельбант, а лацканы, рукава и фалды были украшены золотыми прямыми петлицами (на фалдах и рукавах они были расположены парами (всего по четыре петлицы) под углом друг к другу)⁸¹.

«В течение четырехлетнего царствования Павла цвет и покрой наших мундиров был изменен не менее девяти раз», — писал полковник Лейб-Гвардии Конного полка Н. А. Саблуков⁸².

Кавалергардский корпус получил также кирасирское обмундирование. Колеты у рядовых — с красным приборным сукном, с обкладкой бортов и фалд серебряным галуном на красном подбое. Воротник и обшлага колетов также были обложены серебряным галуном по унтер-офицерскому образцу (унтер-офицеры при этом отличались от рядовых лишь черно-оранжевыми шляпными кистями, унтер-офицерскими султанами и отсутствием лядунок). Подколетники были красного сукна с обшивкой серебряным галуном. Кушаки — красные. Шляпные кисти делались из серебряной канители с примесью красного шелка. Чепраки, чушки и крышки ташек были красные с обкладкой серебряным галуном на черном подбое, с такими же, как у конногвардейцев, звездами.

Офицеры имели на колетах широкий, зубчатый серебряный галун, на подколетниках — узкий; чепраки и чушки были обложены широким серебряным галуном с бахромой.

На парадах все строевые чины надевали черные суконные (у офицеров — бархатные) супервесты с белыми наплечниками и красной обшивкой, обложенной серебряным шнуrom. Во время коронации Павла и в ряде других особо торжественных случаев кавалергарды надевали серебряный доспех, состоявший из шишака (шлема), украшенного страусовыми перьями (красными у нижних чинов и белыми у офицеров) с позолоченным орлом на лобной части, двухсторонней кирасы, украшенной спереди и сзади черным двуглавым орлом с изображением на груди в щите Св. Георгия,

наручей и набедренников. По упразднении Кавалергардских эскадронов в ноябре 1797 г. латы были переданы в Конную Гвардию.

6 апреля 1799 г. Кавалергардский корпус был восстановлен как Гвардия Великого Магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Кавалергарды получили колеты с черными плисовыми воротниками, обшлагами и обкладкой фалд, обложенными золотым галуном, черные подколетники без галуна, крышки ташек черные с обкладкой золотым галуном, с серебряным мальтийским крестом под золотой короной, чепраки и чушки белого сукна с обкладкой золотым галуном, с вышитыми серебряными звездами под золотыми коронами. Кушаки дали из малинового стамеда, с бахромой. Кокарда на шляпах была двойной: большая, введенная Павлом для всей армии, — в виде черного банта с оранжевыми каймами, и малая, мальтийская — в виде белого с красными каймами банта.

Унтер-офицеры имели те же отличия, что и в 1796—1797 гг., а у офицеров к ним добавлялись широкий зубчатый галун и белый плюмаж на шляпах и особые шарфы — золотые с малиновым шелком, с каймой из серебряной канители с примесью черного и оранжевого шелка.

В парадном строю все строевые чины надевали малиновые супервесты с мальтийским крестом, а в особо торжественных случаях — черные лакированные кожаные каски с позолоченными козырьком, орлом и гребнем и украшенные, как ранее шишаки, страусовыми перьями. Вместе с касками носились через правое плечо орденские шарфы из малинового шелка, у нижних чинов — с малиновой шелковой бахромой, у офицеров — с золотой.

Гвардия Великого Магистра была единственным подразделением, в котором все строевые чины, включая музыкантов, имели вицмундиры. Они были красного сукна, с черными плисовыми воротниками, лацканами и обшлагами и белым подбоем. На правом плече носился золотой аксельбант, на левом — золотой эполет. Пуговицы были золотые, с изображением мальтийского креста (такие же, как на шляпе).

Вицмундиры трубачей отличали специальные суконные лопасти на спине и обшивка басоном из малинового и черного гаруса. Вицмундир литавщика лопастей не имел.

Офицерский вицмундир был такой же, как у рядовых, но с бархатными воротником, лацканами и обшлагами, а шляпу украшали широкий галун и белый плюмаж.

В начале 1800 г. в утлы мальтийских крестов на супервестах добавлены золотые лилии, у вицмундиров отменены лацканы и аксельбанты, а пуговицы велено носить серебряные.

15 мая 1800 г. Кавалергардский корпус был переформирован в трехэскадронный Кавалергардский полк на тех же основаниях, что и Лейб-Гвардии Конный. Рядовые получили палевый кирзовый колет с красным воротником, обшлагами, погоном, обкладкой бортов и фалд. Все эти детали были обложены по краю черно-малиновым басоном, из него же были и две петлицы на обшлагах. Подколетники тоже были красными с басонной обкладкой. Кушак — красного стамеда. Крышки ташек, чепраки и чушки — красные, со звездами, с обкладкой по краю двумя рядами черно-малинового басона. Шляпы и супервест — обр. 1799 г., только супервест не малиновый, а красный. В торжественных случаях приборное сукно на колетах и амуниции заменялось трипом, а басонная обкладка — галунной.

Унтер-офицеры имели по краю воротника и обшлагов золотой галун, а на обшлагах — галунные петлицы.

Офицеры носили палевый суконный колет с бархатным прибором и с обкладкой всех соответствующих деталей, вместо басона, золотым галуном. На колете, кроме того, имелся золотой аксельбант. Подколетник был также с галунной обкладкой, супервесты — бархатные, чепрак и чушки — с обкладкой из золотого галуна.

Офицерский вицмундир был красным с белым подбоем, с черными обшлагами и лацканами, с серебряными пуговицами, аксельбантами и петлицами на лацканах, рукавах и фалдах⁸³.

Лейб-гусары до декабря 1797 г. носили обмундирование, данное им еще при Екатерине, — зеленые доломаны

и ментики, только красные чакчиры были заменены на белые лосиные. 13 декабря лейб-гусары получили новое обмундирование, причем разделявшееся на парадное и «вседневное». Парадное обмундирование состояло из зеленого ментика с черной собольей опушкой, подбитого черной смушкой, зеленого кушака с белыми гомбами (перехватами), алого суконного доломана, черного фланелевого галстука, алых суконных чакчир с зеленой верхней частью, коротких сапог, обшитых по краю голенищ белым гарусным шнуром, перчаток с крагами, черной енотовой шапки с алым шлыком, белым султаном и белым гарусным шнуром и кистями. Крышка ташки — алая, с черным орлом, на груди которого в белом щитке — вензель Павла. Корона над орлом также палевого сукна. Обкладка ташки — из белого гаруса. Шнуры и пуговицы на обмундировании — белые. Вальтрап — алый, с зеленой обшивкой, с обкладкой из белого шнура.

Доломаны и ментики музыкантов были расшиты алым с серебром басоном, на плечах имели крыльца, шнуры на ментиках были бело-алые, а на доломанах — бело-зеленые.

Унтер-офицеры не носили лядунок и карабинов, имели серебряную галунную обшивку по краю воротника и обшлаггов и возле пуговиц ментика и доломана. Им полагалась также трость.

У офицеров галунная расшивка на груди ментиков и доломанов — серебряная с бахромой, шнуры и пуговицы — серебряные, султаны на шапках вставлялись в челенгу — металлическую позолоченную трубку, украшенную цветным государственным гербом и орлиным крылом. Вместо ментиков офицеры носили шкуру барса с красным подбоем и обкладкой серебряным галуном, с серебряными когтями на лапах. Барсы носили вниз головой, сцепляя под правой рукой с помощью серебряного медальона с золотым императорским вензелем правую переднюю и заднюю лапы. Левые лапы при этом оставались висеть, а хвост закидывался за правую заднюю лапу. Офицерский вальтрап был из красного сукна, с обкладкой серебряным галуном и шнурами.

При повседневной форме все строевые чины носили белые чакчиры и сапоги без обшивки, унтер-офицеры и му-

зыканы вместо шапок одевали общекавалерийские шляпы, а офицеры вместо барсов — ментики по образцу солдатских, но с опушкой из белого лисьего меха и серебряными галунами, шнурами и пуговицами. Шапки при этом носили с простым султаном, без челенги.

Вне строя офицеры носили венгерки — длинные суконные кафтаны по цвету ментика, на красном стамедном подбое, с воротником и обшлагами как на доломане. Сзади венгерки не имели разреза, а спереди их полы заворачивались вверх и пристегивались за углы на пуговики. С венгерками не носили поясов и ташек, а в качестве головного убора использовали кавалерийские шляпы. У лейб-гусарских офицеров венгерки были зеленые с красным воротником и обшлагами и серебряным прибором.

10 июля 1798 г. расшивка музыкантских мундиров в полку заменена на полностью серебряную, а 19 октября на случай парадов и торжеств двум эскадронам полка, и офицерам, и нижним чином, велено быть при парадной форме в барсах и с челенгами.

1 января 1799 г. полк получил белые ментики и белые доломаны с палевыми воротником и обшлагами, с переменной цвета приборного металла с белого на желтый, ташки и вальтрапы — белые с палевой обкладкой, а 31 января — шинели общекавалерийского образца.

20 октября 1799 г. белое сукно на обмундировании лейб-гусар заменено малиновым, а вместо меховых шапок даны мирлитоны — суконные колпаки в виде усеченного конуса, с желтыми гарусными у нижних чинов и золотыми у офицеров шнурами.

11 июня 1800 г. перчатки у рядовых отменены вовсе, а унтер- и обер-офицерам положены без краг.

Нижние чины и музыканты полка (как и в других гусарских полках) не пудрились и носили длинные завитые или заплетенные в косички волосы на висках и короткую косу, перевитую лентой. Офицеры и генералы пудрились, но косу носили короче, чем в пехоте и тяжелой кавалерии ⁸⁴.

Лейб-казаки с 13 декабря 1796 г. получили алые суконные полукафтаны, которые носили заправленными

в бирюзовые суконные шаровары. Пояса у нижних чинов в 1-м эскадроне были белые, во 2-м — синие. Сапоги — тупоносые. Шапки — черные смушковые, с алым шлыком, белым султаном и бело-голубыми шнурами. В холодное время поверх полукафтання носился длинный кафтан синего сукна со стоячим воротником; кроме того, всем чинам полагались белые суконные плащи. Вальтрап — красный, обшитый белой тесьмой.

Трубачи имели на полукафтаннях крыльца и обшивку желтым гарусом. Штаб-трубача отличала трость.

У унтер-офицеров, в отличие от рядовых, была трость и отсутствовали погонная перевязь, лядунки и пики.

У офицеров полукафтання и кафтан на груди были расшиты серебряными петлицами с кисточками, а кафтан, кроме того, по бортам и вокруг воротника обшивался узким золотым галуном. Офицерские шапки были с серебряными кистями и шнурами, серебряной была и обкладка вальтрапов⁸⁵.

Лейб-Гвардии Уральская сотня имела верхний кафтан малинового цвета, у офицеров — с серебряной обшивкой⁸⁶.

Лейб-Кирасирский Его Величества полк при общекирасирской форме имел у нижних чинов воротник, обшлага, погоны (у рядовых), подколетник, кушак, ташку, чепрак и чушки голубые, басон — бело-голубой. Пуговицы и галуны в полку — серебряные. У офицеров воротник, обшлага и обкладка фалд — из голубого бархата, галун на чепраках и чушках — с «городками».

Лейб-Кирасирский Ее Величества полк отличался от кирасир Его Величества лишь малиновым приборным сукном.

В обоих полках чепраки и чушки украшены были вместо вензелей восьмиконечными звездами с орлами в центральном медальоне.

Офицеры помимо строевой формы имели вицмундиры из белого сукна с воротником, лацканами и разрезными обшлагами приборного цвета. Пуговицы и аксельбанты на вицмундирах в обоих полках были серебряные, подбой фалд — палевого стамеда. При вицмундире носились палевый камзол, шляпа, ботфорты, шпага и трость⁸⁷.

Лейб-Гвардии Конный полк получал штандарты трижды — в 1796, 1798 и 1799 гг. Кирасирские штандарты (по одному на эскадрон, итого пять) «строились» из муара, с вышивкой из золотой или серебряной канители. Полотнище штандартов имело размер 10 x 12 вершков (44,5 x 53,4 см). В нижнем, ближайшем к древку углу вышивалось золотом изображение двуглавого орла с одним поднятым и одним опущенным крылом. В верхнем углу наискосок от орла — золотом равноконечный крест в круглом сиянии. Во всех четырех углах полотнища — золотом вензеля Императора под коронами, обрамленные лавровыми ветвями (так называемые утлы). Между вензелями по периметру полотнища вышиты канты, а выше, ближе к краям, — лавровые листья. По свободным краям полотнища обшивалось бахромой. Канты, лавры у вензелей, листья и бахрома — золотые или серебряные, по цвету приборного металла.

Древки штандартов были длиной 3 аршина 10 вершков (2,37 м), зеленые с золотыми желобками. Навершия — в виде плоских копий с прорезным двуглавым орлом, вызолоченные. Подтоки также золотились. К трубке навершия привешивались шнуры с кистями из серебряной канители с примесью черного и оранжевого шелка⁸⁸.

Конногвардейцы в 1796 г. получили 5 штандартов: полковой — с белым полем и оранжевыми углами, эскадронные — с оранжевым полем и синими углами. Шитье и бахрома — золотые. В 1798 г. полк получил 10 штандартов (по два на эскадрон, по одному в каждую роту эскадрона): один белый с малиновыми углами, девять малиновых с палевыми углами. Вместо лавровых листьев по периметру полотнища шли теперь надписи, на лицевой стороне — «Сим знаменем победиши», на оборотной — «Не нам, не нам, а имени Твоему». Шитье штандартов — золотое. В 1799 г. полку пожалованы 10 штандартов прежней расцветки, но с надписями серебром «С нами Бог» и «Благодать», с серебряными шитьем и бахромой⁸⁹.

Кавалергарды при Павле первый свой штандарт получили в 1799 г., при вторичном формировании Кавалергардского корпуса (как Гвардии Великого Магистра ордена

Св. Иоанна Иерусалимского). Он был продолговатый, прямоугольной формы, «из малинового штофа с белым на середине крестом и с серебряною бахромою, прикрепленный к черному поперечному древку с позолоченными у концов скобками, плоская сторона которых украшена белым крестом Св. Иоанна Иерусалимского... Поперечное сие древко держалось на двух концах серебряного с примесью золота и черного, оранжевого и малинового шелка шнурка, продетого сквозь обыкновенное штандартное древко, у коего вместо копья находился белый крест Св. Иоанна Иерусалимского, утвержденный на золотом шаре»⁹⁰. То есть штандарт имел форму хоругви. Вновь сформированный в 1800 г. трехэскадронный Кавалергардский полк получил «три пунцовых штандарта с черными углами, с белым мальтийским крестом и с золотою каймою и бахромою... Внутри копья находилось изображение мальтийского креста из белой финифти в золотой оправе»⁹¹. В конце 1800 г. полк получил три новых штандарта, вновь в форме хоругви. Штандарты были прямоугольные из малинового муара, с раздвоенной нижней частью (полотнище крепилось по вертикали), обшитые серебряной бахромой. В центре полотнища был нашит белый крест. Полотнище крепилось к древку с помощью двух цепочек, которые держал в левом клюве и левой лапе серебряный орел, сидящий на серебряном шаре, венчающем древко⁹².

Лейб-Казачий полк 6 января 1799 г. получил 2 знамени «в роде старинных прапоров; мерою: по древку — 10 вершков, в длину — 1 арш. 15 вершков. Одно из сих знамен, в первом эскадроне, было белое с золотою бахромою и с малиновым крестом в золотом сиянии... другое — второго эскадрона, малиновое с серебряною бахромою и с белым крестом в серебряном сиянии... Древки сих знамен, равно как и принадлежавшие к ним копья и шнуры с кистями были такие же, как у штандартов кирасирских и драгунских полков. 6 июня того же 1799 года пожалован был полку еще третий штандарт, подобный второму...»⁹³.

Лейб-Кирасирский Его Величества полк получил 25 июня 1798 г. полковой штандарт белый с голубыми углами и четыре эскадронных — голубых с белыми углами. Шитье и бахромы на штандартах — серебряные.

Кирасиры Ее Величества получили штандарты 20 июня 1798 г. Полковой штандарт — белый с малиновыми углами, эскадронные — малиновые с голубыми углами. Шитье и бахромы — серебряные ⁹⁴.

Лейб-Гвардии Артиллерийский батальон по воцелении Павла на престол получил, вместе со всей остальной артиллерией, обмундирование по образцу артиллерии Гатчинских войск. Единственными отличиями были замена на натруских елизаветинских вензелей павловскими и шляпные кисти красного цвета для рядовых как пешей, так и конной артиллерии. Лишь в апреле 1800 г. гвардейские артиллеристы для отличия от армейских получили на рукавные клапаны золотые петлицы: нижние чины — галунные, офицеры — шитые. Офицерам, кроме того, полагался золотой аксельбант на правое плечо ⁹⁵.

Знамен Лейб-Гвардии Артиллерийскому батальону, как и остальным артиллерийским частям, не полагалось ⁹⁶.

Теперь рассмотрим кратко, как были обмундированы чины армейских частей, расквартированных в Петербурге и его окрестностях.

В привилегированном Лейб-Гренадерском полку, шефом которого был Государь, погон (у рядовых), воротник, лацканы и обшлага мундира были алые, петлицы на рукавных клапанах у нижних чинов — из золотого галуна, у офицеров — шитые канителью, без кисточек, камзолы и штаны — белые, приборный металл — желтый. Все роты в полку были гренадерскими. Чины обычных гренадерских рот задники и околыши шапок имели алые, во флигель-ротах (двух ротах, стоящих при построении полка на его флангах) — желтые задники и красные околыши. В качестве особых отличий полк имел аксельбанты на правом плече (пожалованные полку за храбрость еще Екатериной), в картушах налобников гренадерских шапок вместо кайзер-флага помещался белый вензель Павла на красном фоне, а для парадов

полк получил, как в Гвардейской тяжелой пехоте, белые штилеты. На офицерских шляпах имелась верхняя кисть из золотой канители ⁹⁷.

Сохранение лейб-гренадерам «екатерининских» аксельбантов свидетельствует, на наш взгляд, о достойном и уважительном отношении Павла к боевым отличиям полка, пусть и пожалованным столь не любимой им матерью.

Павловский Гренадерский полк имел мундиры с оранжевыми воротником, лацканами и обшлагами, петлицы на рукавах у нижних чинов — желтого басона, без кисточек, пуговицы — желтые, камзол и штаны — белые, задники гренадерских и фузилерных ⁹⁸ шапок — оранжевые, околыши — темно-зеленые. У офицеров — петлицы из золотой биты (плоской канительной нити), без кисточек. На налобниках шапок полка, единственного во всей русской армии, красовался большой ⁹⁹ черный двуглавый орел, а эфесы тесаков не имели чашек ⁹⁹.

В мушкетерском Архарова полку (впоследствии — графа Эльмпта (Тенгинском)) погон (урядовых), воротник, обшлага, лацканы, задники и околыши гренадерских шапок светло-розовые, петлицы на рукавах у нижних чинов — белой тесьмы, без кисточек, у офицеров — серебряные, пуговицы — белые, камзол и штаны — белые, бляхи гренадерских шапок — белого металла, с черным орлом ¹⁰⁰.

В Белозерском мушкетерском полку погон (у рядовых), воротник, лацканы, обшлага и задники гренадерских шапок — палевые, петлицы на рукавах — белые, без кисточек (у офицеров серебряные), камзол и штаны — белые, пуговицы — белые, задники шапок — темно-зеленые ¹⁰¹.

В Кексгольмском мушкетерском полку погон (у рядовых), воротник, лацканы, обшлага и задники гренадерских шапок розовые, петлицы на рукавах желтые (у офицеров золотые) с кисточками, камзол и штаны белые, пуговицы желтые, околыши шапок темно-зеленые ¹⁰².

В Елецком мушкетерском полку погон, воротник, лацканы, обшлага и задники гренадерских шапок — малиновые, петлицы на рукавах у нижних чинов — желтые, у офицеров — золотые с двумя широкими зелеными полосками, без

Многоцветие мундиров

кисточек, камзол и штаны — белые, пуговицы — желтые. На налобниках гренадерских шапок вместо кайзер-флага — императорский вензель, задники шапок — темно-зеленые¹⁰³.

Санкт-Петербургский гарнизонный полк получил мундир «бывшего Гатчинского батальона полковника Аракчеева»¹⁰⁴ — с погоном, воротником, лацканами и обшлагами белыми. Петлицы (у нижних чинов), белые с красным узором, без кисточек, располагались не только на рукавных клапанах, но и под лацканами и на лифе. Камзол и штаны — белые. Пуговицы — желтые. У офицеров мундир без петлиц¹⁰⁵.

Сенатский батальон, 14 июня 1800 г. развернутый в мушкетерский полк генерал-майора Ушакова 1-го, получил мундиры с погоном, воротником и разрезными обшлагами красного цвета, с белым шелковым с примесью серебра у нижних чинов и серебряным у офицеров аксельбантом, петлицы на обшлагах у нижних чинов — белые, у офицеров — серебряные, расположенные, кроме обшлагов, на лифе и карманных клапанах. Камзол и штаны — желтые, пуговицы белые. Галстуки у нижних чинов — черные с белой обшивкой, у офицеров — черные. Бляхи гренадерских шапок высеребренные, задники — красные, а околыши — желтые. Шляпы у офицеров — с серебряными генеральскими галуном, кокардой и петлицей¹⁰⁶.

Лейб-Гренадерский полк в 1797 г. получил полковое знамя — белое с голубыми углами и 9 ротных знамен — с голубым крестом и белыми углами. Древки — кофейные.

Павловский Гренадерский полк в том же году получил полковое знамя с белым крестом и оранжевыми углами и ротные знамена — с оранжевым крестом и белыми углами. Древки — палевые¹⁰⁷.

Мушкетерский Архарова полк 18 декабря 1797 г. получил полковое знамя с белым крестом и светло-розовыми пополам с зеленым углами и ротные знамена — со светло-розовым крестом и зелеными углами. Древки — кофейные¹⁰⁸.

Белозерский мушкетерский полк 8 февраля 1798 г. получил полковое знамя с белым крестом и голубыми пополам с палевым углами, а ротные знамена — с голубым крестом и палевыми углами. Древки — черные¹⁰⁹.

Кексгольмскому мушкетерскому полку 1 ноября 1797 г. были пожалованы полковое знамя с белым крестом и розовыми углами и ротные с розовым крестом и белыми углами. Древки — кофейные ¹¹⁰.

Елецкий мушкетерский полк 6 сентября 1798 г. получил полковое знамя с белым крестом и светло-зелеными пополам с малиновым углами, а ротные — с крестом из трех малиновых и двух светло-зеленых полос и с белыми углами. Древки — черные ¹¹¹.

Санкт-Петербургскому гарнизонному полку 21 декабря 1797 г. были пожалованы полковое знамя с белым крестом и пунцовыми углами, ротные — с крестом из трех темно-зеленых и двух белых полос и с пунцовыми углами. Древки — кофейные ¹¹².

Сенатский батальон получил в 1799 г. 5 знамен: у знамени 1-й роты (батальонного) белый крест, углы черно-оранжевые пополам; у остальных знамен — крест белый с оранжевым пополам, углы черные с малиновым пополам. Древки — черные ¹¹³. 2 апреля 1800 г. Сенатский батальон, к тому времени развернутый в двухбатальонный полк, единственный из армейских полков столичного гарнизона получил знамена обр. 1800 г. ¹¹⁴, имевшие в углах вензеля Павла в лавровых венках под двойными коронами, надписи «С нами Бог» и «Благодать» над центральным кругом, а в копье навершия — монограмму из двух павловских вензелей. Как входящий в состав Санкт-Петербургской инспекции (своего рода подобия военного округа) Сенатский полк получил полковое знамя с белым крестом и малиново-белыми углами, ротные знамена с малиновым крестом, поверх которого наложен белый крест, и с белыми углами. Вензеля, лавры и громовые стрелы в лапах орла — золотые ¹¹⁵.

Нужно отметить, что именно при Павле знамена и штандарты получили статус полковой святыни и должны были находиться в полках до полного износа. Под знаменем теперь принимали присягу, а его потеря влекла тяжелые наказания для всего полка ¹¹⁶. В 1800 г. Павел впервые в русской армии вводит специальные наградные знамена. Они отличались от обычных тем, что в кругу под орлом на голу-

бой ленте имели краткое описание подвига, за который пожалованы. Таврический и Московский гренадерские и Архангелогородский и Смоленский мушкетерские полки получили эти знамена за боевые отличия в Итало-швейцарском походе, а Кабардинский мушкетерский — за отличие в боях на Кавказе¹¹⁷. Эти знамена были прямыми предшественниками введенных в 1806 г. Георгиевских знамен и штандартов¹¹⁸. Г. К. Федоров в своей статье прямо и называет их Георгиевскими¹¹⁹, что в принципе неверно, так как в царствование Павла награждений орденом Св. Георгия (как и орденом Св. Владимира) не производилось¹²⁰, но по своему значению наградные знамена обр. 1800 г. совершенно родственны Георгиевским.

Таким образом, Павел не только чрезвычайно высоко поднял значение знамен и штандартов, но и возвел их в ранг коллективной награды за боевые отличия. Интересно, что введенный при Павле рисунок знамен и штандартов с некоторыми изменениями сохранялся в русской армии до 1883 г.¹²¹ Флаги и штандарты подобного рисунка появились ныне в Вооруженных Силах Российской Федерации¹²². Так что заложенные Павлом в области вексиллологии традиции живы и по сей день.

Чины расквартированных в Петербурге осадного, полевого и конного артиллерийских батальонов носили обмундирование, подобное обмундированию Лейб-Гвардии Артиллерийского батальона, с соответствующими отличиями для пешей и конной артиллерии, но без петлиц и аксельбантов¹²³.

Чины Пионерного полка, также числившегося по артиллерии, имели обмундирование, сходное с обмундированием пеших артиллеристов, но пуговицы и галуны у пионеров были белые, а камзолы и штаны — оранжевые. Рядовым пионерам полагались особые шапки, похожие на фузилерные, с низкой круглой кожаной тульей, обтянутой оранжевым сукном. Налобник, околыш и полоски, сходящиеся на верху тульи, были из белой жести, а шарик, венчавший тулью, — из олова. Рядовые, унтер-офицеры и барабанщики саперных и минерных рот отличались от пионеров шапками,

напоминающими по форме гренадерские. Задник у них был также из оранжевого сукна, а налобник, околыш и полоски на заднике — из белой жести.

Рядовые понтонеры носили обмундирование по образцу матросского — темно-зеленый суконный бастрог (короткий кафтан) с низким стоячим воротником, клапанами мундирного сукна на обшлагах и полах и медными пуговицами; белый суконный камзол с рукавами, белыми суконными лацканами и зелеными воротником и обшлагами; широкие штаны из темно-зеленого сукна; белые чулки; низкие сапоги; черный галстук. В качестве головного убора рядовые понтонеры носили черную поярковую голландскую шляпу с тульей в виде довольно высокого усеченного конуса и с короткими загнутыми вверх полями. Летом понтонеры носили тиковый (из грубой льняной или полотняной ткани полотняного или саржевого переплетения с ткаными цветными полосами) белый в синюю полоску камзол с рукавами, но без лацканов, с обтяжными пуговицами, и белые канифасные (из грубого полотна с ткаными полосами) брюки. Во время работ они надевали поверх камзола белую канифасную голландскую рубаху. Интересной особенностью прически рядовых понтонеров было то, что они не носили буклей, а только косы.

Унтер-офицеров-понтонеров от рядовых отличали прежде всего унтер-офицерская треуголка мушкетерского образца и трость.

Офицеры понтонных депо носили обмундирование, подобное офицерскому пешей артиллерии, но с белыми камзолом и штанами и низкими сапогами вместо башмаков и штиблет¹²⁴.

Военные инженеры получили обмундирование, подобное обмундированию пешей артиллерии, но с белыми галунами и пуговицами. 20 апреля 1800 г. инженерным офицерам даны на воротники и рукава мундиров шитые серебряные петлицы без кисточек¹²⁵.

Знамен пионерам, понтонерам и инженерным подразделениям не полагалось¹²⁶.

Кадеты Сухопутного Шляхетного Кадетского корпуса с 1 января 1797 г. получили темно-зеленые суконные мунди-

ры с красным подбоем и красными лацканами, воротником и разрезными обшлагами. Пуговицы полагались медные, на лацканах — по 6, а под правым лацканом и на рукавах в разрезе обшлагов — по 3. Камзол и штаны были палевые, галстуки — черные. Парадные штиблеты были белые, повседневные — черные. Кадеты-мушкетеры имели парадную шляпу с обшивкой узким золотым галуном и тремя кистями — зелеными с красной серединой. Кадеты-гренадеры носили шапки по образцу армейских, но ниже, с налобником и тремя грендами из вызолоченной латуни на околыше. Околыш шапок был красный, задник — палевый, обшивка — по гвардейскому образцу, из золотого галуна с черным шелком, кисть — как на шляпах.

Отличия кадет-унтер-офицеров были такими же, как во всей армии, древки алебард — кофейного цвета.

Барабанщики, флейтчики и музыканты имели те же отличия, что и в армейской пехоте, но нашивки были из желтого гаруса с красной каймой и красными клетками в середине.

Офицеры имели мундир, подобный кадетскому, но с девятью пуговицами на каждом лацкане, а шляпы — с широким золотым галуном с «городками», петлицей и кокардой. Единственным во всей русской армии, офицерам 1-го Кадетского корпуса были оставлены офицерские знаки образца 1732 г. (год основания корпуса), правда, без различия по чинам. Древки эспантонов были кофейного цвета.

Вооружение и снаряжение кадет и офицеров были такими же, как во всей пехоте.

Кадеты малолетнего отделения получили двубортные суконные (зеленые, черные или голубые) камзолы с обтяжными пуговицами, такого же сукна штаны, шляпы без обшивки и кистей, фуражные шапки с красным околышем и темно-зеленой с белым кистью, тупоносые башмаки. Зимой носили однобортные байковые сюртуки с низким стоячим воротником и обтяжными пуговицами. Для ношения летом камзолы и штаны шились из белого полотна.

Все чины корпуса, кроме кадет малолетнего отделения, пудрились и носили букли и косы ¹²⁷.

2 ноября 1798 г. Сухопутному Шляхетному Кадетскому корпусу были пожалованы 4 знамени. По размерам и основным деталям они были аналогичны армейским пехотным знаменам обр. 1797 г., только в углах имели пожалованный еще при основании корпуса (1732) герб — перекрещенные кадуцей (жезл Меркурия) и шпагу. У первого знамени крест был белый, а углы пунцовые пополам с палевым, у остальных трех — крест пунцовый, углы палевые. Древки — кофейные¹²⁸. Знамена, пожалованные корпусу Павлом, оставались в нем на протяжении всего царствования Александра I (до 1802 г. — 4, с 1802 г. — 2, с 1814 г. — 1). В 1806 г. два цветных знамени Сухопутного корпуса обр. 1798 г. были даны 2-му Кадетскому корпусу (с 1814 г. оставлено одно)¹²⁹.

Артиллерийский и Инженерный Шляхетный Кадетский корпус получил обмундирование по образцу полевой пешей артиллерии, но с красными обшлагами и лацканами на мундирах, а у офицеров камзол не обшивался галуном. Как и кадетам Сухопутного корпуса, кадетам-артиллеристам полагались для парадов белые штиблеты¹³⁰.

23 декабря 1798 г. было утверждено обмундирование для кадет и воспитанников Императорского Военно-сиротского дома. Кадеты получили темно-зеленый двубортный мундир с красным подбоем, воротником и обшлагами и медными пуговицами; темно-зеленые повседневные камзол и штаны; черные галстуки; черные повседневные штиблеты; парадные штаны и штиблеты — белые; летний камзол — белый; шляпу с узким золотым галуном и тремя кистями — зелеными с белой серединой; тупоносые башмаки.

Воспитанники из солдатских детей получили обмундирование кадетского образца, но без парадных предметов, красные с белой обшивкой галстуки и шляпы без обшивки.

Ученики военно-сиротских отделений получили темно-зеленые двубортные сюртуки с красным стоячим воротником, темно-зеленую фуражную шапку, черный галстук и тупоносые башмаки. Камзолов и штанов от казны им не отпускалось, и они шились «по произволу начальства» белого, палевого или зеленого цвета.

Офицеры Военно-сиротского дома носили обмундирование, подобное кадетскому, но шляпы с узким золотым галуном¹³¹.

В начале 1800 г. в связи с унификацией учебных программ и переименованием чины 1-го и 2-го Кадетских корпусов получили и одинаковое обмундирование: 1-й Кадетский корпус — с 1 января, 2-й — с 13 апреля.

Кадеты стали носить темно-зеленый мундир с красными подбоем, лацканами и обшлагами, без воротника и с белыми пуговицами; палевые камзол и штаны; черные галстуки; шляпы с обшивкой и петлицей из узкого серебряного галуна и черно-оранжевой офицерской кокардой.

Офицерский мундир отличали петлицы из тонкого серебряного шнура с кистями, нашитые на лацканы, обшлага, карманные клапаны и лиф. Шляпы были прежнего образца, но с переменной золотого галуна на серебряный¹³².

Артиллерийский и Инженерный Шляхетный Кадетский корпус (2-й Кадетский) и Военно-сиротский дом знамен не получили¹³³.

Генерал-адъютанты, числившиеся по инфантерии, носили темно-зеленый мундир без лацканов, с красным стамедным подбоем, красным воротником и разрезными обшлагами; пуговицы и аксельбант на правом плече — золотые; на воротнике, обшлагах, карманных клапанах, лифе и по бортам шло особое петлеобразное шитье. Галстук, камзол и штаны — белые. Генеральскую шляпу украшали белый плюмаж, широкий золотой «городчатый» галун, петлица и кокарда. Носили ботфорты со шпорами; шарф, шпагу и трость — как во всей пехоте.

Флигель-адъютанты по инфантерии носили обмундирование, подобное генерал-адъютантскому, но с переменной приборного металла на серебро и шляпу с узким серебряным галуном.

Генерал-адъютанты, числившиеся по кавалерии, носили мундир того же покроя, что и пехотные генерал-адъютанты, с таким же шитьем, но белого сукна и с белым стамедным подбоем, черный галстук, генеральскую кавалерийскую шляпу (с плюмажем, но без галуна) и кавалерийскую шпагу.

Флигель-адъютанты по кавалерии носили такой же мундир, но с серебряным шитьем, пуговицами и аксельбантом, кавалерийскую шляпу и шпагу¹³⁴.

16 ноября и 18 декабря 1796 г. последовали повеления Павла служащим в Военной Коллегии в Провиантском и Комиссариатском департаментах носить мундиры тех полков, из которых они поступили. 23 января 1797 г. эти повеления были распространены только на поступающих в Коллегию и департаменты в будущем, а для состоящих в Коллегии и департаментах к январю 1797 г. были даны темно-зеленые кафтаны без лацканов, с темно-зелеными обшлагами и подбоем, красным воротником и желтыми пуговицами, белые камзол и штаны, ботфорты со шпорами.

25 февраля 1800 г. для гражданских чиновников Военной Коллегии, Комиссариатского и Провиантского департаментов установлен мундир военного покроя: темно-зеленый, с такими же разрезными обшлагами, без воротника, с желтыми пуговицами. Камзол и штаны — белые, шляпы без галуна и кистей, шпаги без темляков.

19 апреля 1800 г. чинам Провиантского и Комиссариатского департаментов повелено носить мундиры тех полков или ведомств, из которых они поступили¹³⁵.

16 декабря 1796 г. для чинов, состоявших не при полках, а числившихся по армии, устанавливаются так называемые общеармейские мундиры по инфантерии и кавалерии. Мундир по инфантерии был зеленый, с красными воротником, разрезными обшлагами и подбоем, с золотыми пуговицами и аксельбантами. Галстук, камзол и штаны — белые, шляпа — с узким золотым галуном, ботфорты — со шпорами, перчатки, шарф, шпага и трость — как во всей армии.

Общеармейский мундир по кавалерии был того же покроя, что и пехотный, но белый, с белым подбоем. При нем при ботфортах, белом камзоле и штанах полагались кавалерийские шляпа и шпага, черный галстук. Шарф и трость — как в остальной кавалерии¹³⁶. В декабре 1798 г. общеармейские мундиры были даны офицерам Свиты Его Величества по квартирмейстерской части — Генерального штаба, а 25 февраля 1800 г. общеармейский мундир по инфантерии

повелено было носить генералитету Военной Коллегии, Провиантского и Комиссариатского департаментов. Главе военно-судебного ведомства — генерал-аудитору — в тот же день было повелено носить общеармейский мундир по кавалерии¹³⁷.

Военные врачи носили темно-зеленый кафтан с такого же цвета отложным воротником и разрезными обшлагами, с зеленым стамедным подбоем и с серебряными пуговицами, темно-зеленый камзол с серебряными пуговицами, обложенный по борту и карманным клапанам серебряным галуном, палевые штаны, кавалерийские ботфорты со шпорами, черный галстук, шляпу с широким серебряным «городчатым» галуном и петлицей и черно-оранжевым бантом. Им полагались также перчатки с крагами, трость и шпага без темляка¹³⁸.

Аудиторы — военные юристы — носили обмундирование, подобное лекарскому, но мундир с подбоем из красного стамеда¹³⁹. Лекари и аудиторы, служившие в кавалерии, носили кавалерийские шляпы¹⁴⁰. 13 марта 1798 г. всем чинам и служителям Генерал-аудиториата, кроме генерал-аудитора, было присвоено вышеописанное обмундирование полковых аудиторов¹⁴¹.

Фельдъегери, во множестве мчавшиеся из столицы во все концы империи, в конце 1796 — начале 1797 г. получили зеленый мундир с красным подбоем, воротником и разрезными обшлагами, с золотыми пуговицами и аксельбантом. Камзол — палевый, вскоре замененный зеленым, штаны — палевые. Галстук — черный. У рядовых фельдъегерей шляпа была кавалерийского образца, у офицеров — без султана, с широким золотым зубчатым галуном. Всем чинам фельдъегерского корпуса полагались кавалерийские шпаги с серебряным темляком и трости¹⁴².

13 декабря 1796 г. служительская команда при Сухопутном госпитале, 2 ноября 1797 г. инвалидная команда при Межевом департаменте Сената, 5 января 1798 г. комиссариатские и провиантские служители, 16 апреля 1799 г. инвалидные команды при Почтовом департаменте и Санкт-Петербургском почтамте, а 12 ноября 1799 г. инвалидная

команда при Санкт-Петербургских городских амбарах получили обмундирование по образцу гарнизонных инвалидных рот¹⁴³. Рядовые этих рот имели темно-зеленый мундир с такими же воротником и обшлагами и с желтыми пуговицами, темно-зеленые камзол и штаны, красный галстук, шляпу без галунной обшивки с тремя темно-зелеными кистями. Вооружены инвалиды были пехотными тесаками.

Унтер-офицеры отличались золотым галуном на воротнике и обшлагах, унтер-офицерским темляком на тесаках, а также имели перчатки и трости.

Офицеры инвалидных рот носили шляпу с обшивкой из узкого золотого галуна. Офицерских знаков и эспантонов им не полагалось¹⁴⁴.

9 октября 1798 г. последовало Высочайшее повеление во всех штатных губернских ротах и командах кафтаны шить темно-зеленые, с воротником, камзолами и штанами «по цветам, губерниям присвоенным»¹⁴⁵. Для Санкт-Петербургской губернии по указу от 15 февраля 1797 г. был определен красный цвет¹⁴⁶.

Из вышеописанного видно, сколь разнообразны были формы, в которых ходили по улицам Петербурга солдаты и офицеры. Но дело не ограничивалось чинами столичного гарнизона. В январе 1797 г. в Петербург начали присылать по одному офицеру, квартирмейстеру, унтер-офицеру, рядовому и барабанщику от каждого полка русской армии «для принятия новых мундирных образцов, нового порядка службы экзерциции, действия эспантоном и алебардного, барабанным боем и прочего до сей статьи принадлежащего»¹⁴⁷. Таким образом, от каждого полка в столицу присылались люди, носившие все варианты полковой униформы, и для них изготавливалось обмундирование, по образцу которого шилась форма уже непосредственно в полку. Эти же люди, пройдя соответствующее краткое обучение, знакомили полк и с требованиями нового Устава.

Кроме того, в том же году был учрежден «Магазейн образцовых вещей», куда надлежало сдавать по одному экземпляру всех вводимых в армии мундиров - фактически Павел создал первый в России музей обмундирования. «Мага-

зейн» стал основой коллекции возникшего в 1855 г. Интендантского музея, насчитывавшей к 1920-м гг. свыше 30 000 предметов обмундирования и снаряжения. В 1951 г. он был ликвидирован, а большая часть коллекции передана в театры, на киностудии, в другие музеи, либо вовсе уничтожена. Ее остатки, сосредоточенные ныне на ст. Бахчиванджи под Москвой, являются основой Музея обмундирования МО РФ.¹⁴⁸

Кто же был ответственным за переобмундирование армии?

В своем дневнике капитан Московского гренадерского полка Н. Грязев, присланный в Петербург в составе полковой «делегации», пишет, что был отправлен «со всеми приехавшими со мною чинами к генералу князь Петру Петровичу Долгорукому»¹⁴⁹. Но здесь Грязев допускает ошибку. В 1797 г. князь Петр Петрович Долгорукий (1777—1806) был всего лишь полковником мушкетерского Архарова полка, а генерал-майором он стал только в следующем году, получив должность смоленского коменданта¹⁵⁰. Отвечал же за переобмундирование другой представитель фамилии Долгоруких — генерал-майор князь Сергей Николаевич. Князь Сергей Николаевич Долгорукий (1770—1829), будущий генерал от инфантерии, оставил заметный след в русской военной истории, ибо именно он составил изданную в Петербурге в 1799 г. «Хронику Российской Императорской Армии»¹⁵¹.

«„Хроника" включала в себя краткие сведения об истории всех полков того времени, описание их мундиров, знамен и штандартов, а также мест расквартирования. Современники высоко оценивали труд автора. „Хроника князя Долгорукова есть почти то же для истории российских полков, что летопись Нестора для истории Российского государства", — писал один из них. Заслуги С. Н. Долгорукова в этом отзыве, безусловно, преувеличены, однако высокая оценка показательна», — отмечают А. М. Валькович и В. А. Рыбин¹⁵². «В хронике встречаются некоторые неточности, но для истории русской армии она очень важна, ввиду того что многие бумаги, служившие автору для ее составления, погибли в 1812 г. во время пожара Москвы»¹⁵³. Таким образом,

С. Н. Долгорукий стал основоположником отечественной полковой историографии. Ну а идея написания этого замечательного труда, как видно из названия книги, принадлежала Государю, так что и его заслуга в этом деле несомненна.

В разнообразии полковых форм немудрено было запутаться — при Павле для различия полков использовалось сукно 48 цветов!¹⁵⁴ Чтобы дать возможность офицерам разобраться в особенностях формы полков, в начале 1797 г. были изданы два справочника — «Описание мундиров инфантерии»¹⁵⁵ и «Описание мундиров кирасирских и драгунских полков»¹⁵⁶. Эти справочники представляли собой брошюры небольшого формата, в которых давалось описание офицерской формы гренадерских, мушкетерских, егерских, кирасирских и драгунских полков, расписанных по дивизиям. Вот как выглядело подобное описание (возьмем мушкетерский полк Архарова): «Генерала от Инфантерии Архарова, Мушкетерский, обшлага, воротник и лацкены светло-розовые, на рукавах по 2 петлицы серебрянные без бити и без кисточек, пуговицы, штаны и камзол белые, шляпа с серебрянным голуном»¹⁵⁷.

В то же самое время офицеры Кексгольмского мушкетерского полка капитан Я. фон Люде и прапорщик Шишмарев создают под руководством С. Н. Долгорукого рукописные таблицы «Изображение сухопутных мундиров Российской Императорской Армии»¹⁵⁸. Один экземпляр этих таблиц хранится ныне в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве, и каталог выставки «Русская армия в конце XVIII века», проходившей в 1990 г. в Звенигороде, является их первой публикацией¹⁵⁹. Второй экземпляр находится сейчас в фондах Государственного музея-заповедника «Гатчина»¹⁶⁰.

Таблицы Я. фон Люде представляют собой схематическое изображение фигур офицера и рядового (в тяжелой пехоте — офицера, гренадера и мушкетера (фузилера)) каждого полка с показанием места расквартирования полка на 1797 г. В экземпляре, хранящемся в ГМЗ «Гатчина», над рисунком обмундирования помещены и рисунки знамен или штандартов. В той же коллекции хранится еще один альбом акваре-

лей с рисунками обмундирования русской армии конца XVIII в., выполненный неизвестным автором, возможно, тоже Я. фон Люде. В этом альбоме фигуры офицеров и нижних чинов изображены в полный рост, а сверху над рисунками помещены изображения знамен или штандартов¹⁶¹.

Венцом всей этой работы стала долгоруковская «Хроника», и по сей день не утратившая своего значения для изучения истории мундиров и полков Русской Императорской армии.

Настало время посмотреть на павловское обмундирование в общем, с точки зрения его удобства и целесообразности.

Начнем с того, что при Павле было значительно улучшено вещевое снабжение. «Ввиду недостатка на рынках сукна, его дороговизны и дурного качества Император Павел I сделал распоряжение о том, чтобы сукна для генералов и офицеров заготавливались при посредстве комиссариата, и эту трудную задачу он выполнил с успехом... Обмундирование и снаряжение войск, по-видимому, находились в хорошем состоянии. Установленные в то время вещевые отпуска нужно признать вообще достаточными. При Павле I войска были лишь недовольны покроем одежды», — отмечали в начале XX в. авторы юбилейного многотомного издания «Столетие Военного министерства»¹⁶². Вместе с тем введенное Павлом обмундирование, особенно в Гвардии, было значительно дешевле, нежели в екатерининскую эпоху: так, если при Екатерине гвардейский офицерский мундир стоил около 120 рублей, то при Павле его стоимость не превышала 22 рублей¹⁶³. Разница весьма существенная!

В литературе постоянно тиражируется тезис о том, что павловская военная форма была крайне неудобна, неуклюжа и непрактична¹⁶⁴. Однако автор предисловия к сборнику «Царевубийство 11 марта...» делает интересное замечание: «Мундирами Павла все возмущались. Александр обрезал полы мундиров по пояс, зато воротники поднял под самые уши, и все не знали, как похвалить явно неудобный наряд!..»¹⁶⁵

Рассматривая сохранившиеся в коллекциях Гатчинского¹⁶⁶ и Павловского¹⁶⁷ дворцов-музеев, Государственного мемориального музея А. В. Суворова¹⁶⁸ и Военно-исторического

музея артиллерии, инженерных войск и войск связи ¹⁶⁹ предметы обмундирования Гатчинских войск и эпохи павловского царствования, можно прийти к выводу, что в целом обмундирование, введенное Павлом, было достаточно удобным. Камзолы и штаны имели множество тесемок и ремешков, позволяющих без проблем подогнуть их по любой фигуре. Шпеньки пряжек шлифов — штиблетных подвязок — были заостренными, и, таким образом, затягивая шлиф под коленом, солдат мог сделать отверстие в шлифе там, где ему удобно, не перетягивая ноги. Кроме того, Павлом были учтены и климатические факторы — введены овчинная безрукавка для ношения под камзолом и мундиром в зимнее время и шинель. Здесь нужно отметить, что до восшествия Павла на престол шинель в русской армии имели только егеря, а солдаты всех остальных родов войск в зимнее время носили весьма неудобную епанчу — широкий плащ без рукавов и пуговиц ¹⁷⁰. Введение шинели и овчинной безрукавки свидетельствует о заботе Павла о здоровье солдат. Кстати, имеющиеся в коллекции музея А. В. Суворова две шинели, сшитые из зеленого сукна, позволяют поспорить с утверждением М. Преснухина о том, что цвет шинелей, введенных в русской армии в 1799 г., «остался по-прежнему белый» ¹⁷¹.

Кроме того, необходимо отметить, что на рубеже XVIII—XIX вв. многие архаичные элементы униформы, такие как пудра, камзолы, кюлоты, штиблеты (гетры), башмаки, присутствовали во всех европейских армиях и сохранялись во многих из них на протяжении всей эпохи Наполеоновских войн ¹⁷². Вспомним хотя бы, что, например, мундиры, введенные в эпоху революции, французская армия носила вплоть до 1813 г., и только после Русского похода она получила мундиры фрачного покроя ¹⁷³. Но при этом европейская униформа, несмотря на обилие устаревших деталей, особой критике не подвергается. Думается, что в основе негативного отношения к павловской военной форме лежит в первую очередь не неудобство последней, а отрицательное отношение к самому Императору.

«Учитывая же возрастающую общественную роль эмблемы, знака, мы можем говорить и о том, что павловская реформа военного костюма была закономерным этапом развития дворянской военной культуры», — отмечали военные историки А. М. Валькович и В. А. Рыбин¹⁷⁴.

Впрочем, павловское обмундирование не было лишено и недостатков. Самым, пожалуй, неудобным предметом формы была шляпа, которая имела, как показывают подлинные образцы, весьма низкую тулью и из-за этого плохо держалась на голове. Дополнительные трудности доставляло вертикально стоящее заднее поле, создававшее эффект «парусности», что было также весьма неудобно, ибо даже при быстром шаге или небольшом ветре шляпу могло легко сорвать с головы. Видимо, неудобными были сочтены и галстуки с застежкой на крючках, употреблявшиеся в Гатчинских войсках, — по восшествии Павла на престол галстуки делались с завязками из тесьмы¹⁷⁵. Но более всего неудобств доставляла солдату, конечно же, пудренная прическа.

В целом можно сказать, что павловская форма была наиболее удачной и удобной формой прусского покроя из применяемых в русской армии в XVIII в. и вполне подходила для господствовавшей тогда линейной тактики. Ряд введенных Императором Павлом новшеств, например, шитье особого рисунка на воротниках и обшлагах офицерских мундиров Преображенского, Семеновского и Измайловского полков, приборное сукно особой расцветки в каждом кавалерийском полку, сохранился до начала XX в., а шинель в измененном виде дошла до наших дней¹⁷⁶.

Глава пятая

ВОЕННЫЕ ГУБЕРНАТОРЫ И КОМЕНДАНТЫ

Теперь скажем несколько слов об органах управления войсками гарнизона.

Понятно, что высшей властью, первым лицом в гарнизоне был сам Государь, лично вникавший во все вопросы жизни и службы войск в столице. Ближайшими же его помощниками были петербургские генерал-губернаторы и комендант.

Должность петербургского генерал-губернатора, не существовавшая официально с 1727 г., была восстановлена Павлом сразу после восшествия на престол. В руках генерал-губернатора сосредоточилась вся военная и гражданская власть в городе, в том числе именно ему подчинялись войска Петербургского гарнизона¹. Интересной особенностью павловской эпохи является наличие в Петербурге одновременно двух генерал-губернаторов².

Первым генерал-губернатором во все время павловского царствования оставался Цесаревич Александр Павлович, главная задача которого в этой должности, по сути, состояла в ежеутренних (в 7 часов утра) и ежевечерних (в 8 часов вечера) докладах Императору о состоянии дел в столице³.

Должность второго генерал-губернатора Петербурга при Павле исполняли четыре человека:

— с ноября 1796 г. по июнь 1797 г. — генерал от инфантерии Николай Петрович Архаров (1740—1814), известный чрезмерно ретивым, до преувеличения, исполнением распоряжений Императора;

— с июня 1797 г. по сентябрь 1798 г. — генерал-лейтенант граф Федор Федорович Буксгевден (1750—1814), храбрый боевой генерал, прославившийся своей резкостью и неуживчивостью;

— с сентября 1798 г. по август 1800 г. и с октября 1800 г. по июнь 1801 г. — генерал от кавалерии граф Петр Алексеевич фон дер Пален (1745—1826), сыгравший ведущую роль в заговоре против Павла;

— с августа по октябрь 1800 г. — генерал-лейтенант Николай Сергеевич Свечин (1759—1850), один из немногих до конца преданных Павлу людей⁴.

Генерал-губернаторы осуществляли непосредственное руководство гарнизонными войсками, совмещая его зачастую с рядом других должностей, как, например, П. А. Пален: «К 1800 году в руках Палена оказывается управление иностранными делами, полицией, финансами, почтой и даже титул великого канцлера Мальтийского ордена»⁵.

Но если должность генерал-губернатора, пусть под другими названиями, существовала в Петербурге на протяжении всего XVIII столетия, то военная комендатура и должность городского коменданта появляются именно при Павле I. До конца XVIII в. в Петербурге существовала только должность коменданта Петропавловской крепости⁶.

Н. П. Архаров

Ф. Ф. Буксгевден

П. А. Пален

«Учреждение должности коменданта в столице надо отнести прежде всего к тому, что Император решил ввести во всей армии порядок службы и военный режим, бывшие в гатчинском отряде, а так как в Гатчине должность коменданта существовала, то естественно, что она с другими реформами перешла и в столицу..

...Цель учреждения должности коменданта вытекает из предназначенного ему круга служебных обязанностей. Император Павел I... хотел знать все, что делается в гарнизоне... При том порядке несения службы, который был установлен воинским уставом 1796 г., комендант знал все, что делается в частях войск, и, являясь ежедневно к Государю с рапортом о состоянии гарнизона, мог отвечать на все предложенные вопросы, касающиеся службы в столице»⁷.

Должность петербургского коменданта была учреждена уже 7 ноября 1796 г., но первоначально не имелось ни штатов, ни положения о комендатуре, именовавшейся тогда Ордонанс-Гаузом. И только 14 февраля 1797 г. было объявлено Высочайше утвержденное «Положение военного губернатора, коменданта и всех чинов, по этим должностям касающимся в петербургском гарнизоне». И именно 14 (25) февраля 1797 г. принято считать днем создания Санкт-Петербургской военной комендатуры⁸.

Обязанности коменданта первоначально были определены Воинским уставом 1796 г., причем, судя по его соответствующим статьям, функции коменданта во многом совпадали с обязанностями губернатора, на что указывает часто встречающаяся в тексте формулировка «губернатор и (или) комендант»⁹. Устав определял следующие обязанности коменданта:

- сбережение денег, отпускаемых «на крепостное строение и Арсенал»;
- осмотр дважды в неделю (губернатором — еженедельно) постов в гарнизоне;
- назначение сборных мест на случай тревоги или чрезвычайных происшествий для вступивших в город частей;
- присутствие на разводах караула и наблюдение за порядком и правильностью их проведения;

- наблюдение за точностью отправления службы в гарнизоне;
- наблюдение за субординацией между офицерами и нижними чинами;
- посылка команд для ловли «разбойников или мошенников»¹⁰.

Командиры полков, квартирующих в городе или крепости, обязаны были подчиняться распоряжениям губернатора или коменданта, «хотя бы полковой командир старше чином был коменданта, равномерно как и генерал старше бы был губернатора или того коменданта»¹¹.

Коменданту (губернатору) обязаны были доносить обо всех наказаниях нижних чинов или офицеров гарнизона, и на него же возлагалось разбирательство конфликтов, возникших между местными жителями и чинами гарнизона. Губернатор или комендант также определяли место и время проведения различных мероприятий в гарнизоне (учений, погребений, экзекуций и т. д.). Без разрешения коменданта или губернатора ни один офицер не имел права ночевать вне гарнизона, и только комендант подписывал отпускные билеты нижним чинам. К коменданту также обязаны были являться все приезжающие в город или уезжающие из него, «выключая низкого народу». Коменданту же подавались ежедневные рапорта о числе людей в частях гарнизона (батальонах и полках) и докладывали обо всех чрезвычайных происшествиях¹².

Из вышеизложенного видно, что комендант был вторым по значению лицом в гарнизоне.

Помощниками коменданта являлись плац-майор и плац-адъютант¹³. По уставу 1796 г. они обязаны были присутствовать на вахтпарадах для подачи ряда строевых команд¹⁴. Окончательно обязанности плац-майора и плац-адъютанта были определены в «Положении военного губернатора и коменданта» от 14 февраля 1797 г.

«Плац-майор имел в своем ведении всех арестантов, как частей войск петербургского гарнизона, так и других воинских частей, расположенных вне столицы. Все рекруты также находились в его распоряжении, и он обязан был отправлять их в назначенные полки, затем он обязан был наряжать караулы в театры и на публичные гулянья»¹⁵.

При учреждении Ордонанс-Гауза при коменданте назначен был один плац-адъютант, а согласно Положению от 14 февраля 1797 г. количество плац-адъютантов возросло до десяти, и каждый из них, помимо участия в разводах, имел свои определенные обязанности.¹⁶ «Это были глаза коменданта: они должны были быть безусловно правдивыми докладчиками всего виденного, т. е. такими, каким и сам комендант ежедневно являлся перед своим монархом».¹⁷

Состоял при Ордонанс-Гаузе и еще ряд чинов.

«Кроме плац-адъютантов, при Ордонанс-Гаузе состояли два бау-адъютанта, причем один находился при губернаторе, а другой — при коменданте, и на обязанность первого возлагалось наблюдение в городе за всеми казенными строениями, мостами, улицами, он отводил также и размерял места для построек. Бау-адъютант, состоявший при коменданте, следил за исправностью караульных домов, шлагбаумов и за всем караульным имуществом.

При Ордонанс-Гаузе состояли также: гарнизонный обер-аудитор, на обязанность которого возлагалось судить арестантов частей войск, расположенных вне Петербурга, и рекрутов, не назначенных еще в полки: гарнизонный лекарь, в ведении которого находился лазарет Ордонанс-Гауза для освидетельствования при разных случаях в гарнизоне. Кроме того, в штате Ордонанс-Гауза состояли 8 унтер-офицеров и 20 рядовых».¹⁸

Первым комендантом Петербурга стал 7 ноября 1796 г. полковник (с 8 ноября — генерал-майор) Алексей Андреевич Аракчеев.¹⁹ Назначение Аракчеева на эту новую должность было не случайным — с начала 1796 г. он являлся губернатором Гатчины, поэтому и обязанности коменданта знал лучше, чем кто-либо другой из окружения Павла.²⁰

«Не зная покоя сам, петербургский комендант Аракчеев не давал покоя никому, — писал В. А. Томсинов. — Днем и ночью разъезжал он по городу, наблюдал за порядком на улицах, проверял исправность караулов, осматривал казармы и госпитали, конюшни и канцелярии...

Полицейские... не спали ночами, а дежурили на улицах, так что петербуржцы могли отныне без всяких опасений

прогуливаться по ночному городу.. Кто-то приводил в порядок дороги, разбитые дневной ездой, кто-то убирал мусор у домов. В столице исчезли вдруг непроезжие улицы...»²¹

1 февраля 1798 г. сурового Аракчеева на посту коменданта сменил автор знаменитой «Хроники» генерал-майор князь С. Н. Долгорукий.²² Заменял его на этой должности в 1803 г. уже известный нам П. Я. Башуцкий.²³

Несомненно, что от А. А. Аракчеева С. Н. Долгорукий получил четко отлаженный механизм работы комендантской службы.

Глава шестая

ПОВСЕДНЕВНАЯ СЛУЖБА

Теперь пришла пора поговорить о повседневной службе войск Петербургского гарнизона.

Общеизвестны отрицательные отзывы Павла о состоянии русской армии в царствование Екатерины II. Злоупотреблений и беспорядков действительно было немало. И главной задачей Императора было навести в армии порядок, за что Государь решительно и взялся, суровыми мерами «подтягивая» войска. Столичный гарнизон, естественно, первым почувствовал на себе строгости нового царствования, и в первую очередь гвардейцы. «Щеголям и сибаритам, манкировавшим своими обязанностями, смотревшим на службу как на приятную синекуру., дано понять (и почувствовать), что служба есть прежде всего служба», — писал А. А. Керсновский¹. Служить должны были все. «И днем Петербург казался заметно пустынное, нежели прежде — все были при деле, те же, кто продолжал бездельничать, старались меньше появляться на улицах»²

«В воспоминаниях можно найти лишь незначительные штрихи к описанию быта и службы офицеров в павловскую эпоху, — пишет К. В. Григорьев, — но практически все мемуаристы начинают рассказ с описания молниеносных перемен, произошедших в облике Петербурга, жизни двора, облике всего военного сословия»³. Вот что писал, например, князь Ф. Н. Голицын: «Все через сутки приняло совсем новый вид: перемена мундиров в полках гвардии, вахтпаралы, новые правила в военном учении... Дворец как будто обратился весь в казармы: внутренние бекеты, беспрестанно входящие и выходящие офицеры с повелениями, особли-

во поутру. Стук их сапог, шпор и тростей — все сие представляло совсем новую картину, к которой мы не привыкли»⁴.

Одним из первых мероприятий нового Императора, весьма всполошившим не только столицу, но и всю империю, был вызов в Петербург всех гвардейских офицеров, числившихся «в отпуску».

«Возвращая Гвардию к действительной службе, Павел не замедлил призвать в полки всех отпускных офицеров. Несмотря на то, что в высочайшем приказе упоминались только офицеры, по усердию, или, как заметил современник А. Т. Болотов, из-за „особливой ошибки Гвардейских майоров“, требованы были в полки и унтер-офицеры. Результаты смотра известны. 25 декабря 1796 года из Гвардии „за малолетством“ исключили тысячи детей, числившихся с пеленок на государевой службе. Конный полк, например, „лишился“ девяти отроков-корнетов и 1532 унтер-офицеров. Так был уничтожен давний и порочный обычай записывать в Гвардейские полки младенцев. Теперь это — привилегия особ императорской фамилии.

Исключались и все камергеры и камер-юнкеры, также состоявшие, но никогда не служившие. Впредь запрещалось совмещать придворные чины с военными или статскими. Таким образом, Павел лишил дворянство возможности получать чины не служа»⁵. Подобная «чистка» принесла Гвардии несомненную пользу.

Судя по всему, в начале царствования Павла проблема строгого выполнения требований службы гвардейскими «недорослями» стояла весьма остро. Так, отданный при пароле Высочайший приказ от 17 ноября 1796 г. гласил: «Гвардии унтер-офицеров из дворян приказывается, если будут не прилежны к службе и не вежливы, также когда усмотрятся во фраках одетыми и делать шалости по городу, то будут выписаны в солдаты в полевые полки»⁶.

29 ноября 1796 г. были введены в действие новые воинские уставы: «Воинский устав о полевой пехотной службе», «Правила о службе кавалерийской» («Воинский устав о полевой гусарской службе») и «Воинский Устав о полевой кавалерийской службе»⁷.

15 декабря 1796 г., согласно Высочайшему приказу, в Зимнем дворце учреждается для штаб- и обер-офицеров Тактический класс, надзирать за которым поручено было А. А. Аракчееву, а преподавать — подполковнику И. Я. Каннабиху, бывшему гатчинскому артиллеристу⁸. Этот класс был создан для разъяснения офицерам гарнизона положений нового устава. Занятия проходили ежедневно в «Знаменной комнате, возле большой церкви», в присутствии Императора и Великих Князей, и продолжались до тех пор, «пока весь устав не был пройден». Из-за плохого знания Каннабихом русского языка толку от таких занятий было немного, и «каждый старался приобрести печатный устав и обучался сам по книге и по указаниям поступивших гатчинских офицеров»⁹. Интересно, что хотя посещать тактический класс было предписано только офицерам, генералы также стали его слушателями¹⁰. Этот факт говорит не столько о страхе перед Императором, сколько об изменившемся отношении к службе — ответственность теперь лежала на каждом офицере, и сурово взыскать за нерадивость могли с любого — от прапорщика до генерала.

«Вновь изданный пехотный устав... обнимал собою все стороны военного быта, за исключением военно-юридической части. В его содержании и характере ярко выразилось стремление установить в войсках самый строгий внутренний порядок... Порядок отправления караульной службы был разработан так обстоятельно и подробно, что все, к нему относящееся, осталось в силе, за малыми исключениями, и до настоящего времени (до начала XX в. — *Е. Ю.*)», — читаем у В. К. Судравского¹¹.

Действительно, при Павле на караульную службу обращалось самое серьезное внимание. Яркий пример тому — знаменитые вахтпарады, на 85 лет ставшие одним из главных символов военного Петербурга¹².

В сознании большинства именно вахтпарад является главным символом царствования Императора Павла, вызывая в воображении мрачные картины жестокой муштры солдат и разносов офицеров, уходящие прямо с этого самого вахтпарада в Сибирь полки и т. д. А в пьесе Д. С. Мереж-

ковского «Павел I» Император даже гоняется с тростью между шеренгами солдат за одним из офицеров¹³. Но что же представлял собой вахтпарад на самом деле?

«Страшный „вахтпарад“, неразрывно связанный в нашем представлении с павловской муштрой, на самом деле был всего лишь разводом караулов (этим словом обозначались и участвующие в разводе отдельные караулы). Правда, правила его, действительно, были довольно сложны, а малейшие погрешности, особенно в присутствии императора или его гатчинских воспитанников, могли привести к несообразным наказаниям»¹⁴.

Вот как описывает вахтпарад в Петербурге один из очевидцев: «Все военнослужащие генералы, штаб- и обер-офицеры, свободные от других должностей, собирались ежедневно к разводу, к 9-ти часам утра, который длился иногда до 12-ти. Государь весьма точно приезжал до прибытия дававшего развод батальона и лично назначал точку правого фланга, по которому расстановивались офицеры для обозначения линии, по которой становился караул. После того приносилось знамя из Зимнего дворца; войско встречало его с отданием чести, барабанным боем и музыкой, причем Император снимал сам шляпу, и за ним все присутствующие. После того он обходил баталион, осматривая каждого солдата лично и обращая строгое внимание на одиночную выправку. Затем Император производил ученье с несколькими эволюциями. Государь лично подавал команду, которую принимал от него штаб-офицер, дежурный по караулам, что продолжалось около часу времени. По окончании ученья пехоты выезжал взвод кавалерии, который исполнял разные построения. Затем Государь принимал рапорты представляющихся и после того, при пароле, отдавал Высочайший приказ. В заключение войска проходили церемониальным маршем; при прохождении знамен Государь и присутствующие снимали шляпы... После церемониала главный караул следовал во дворец, где во внутреннем дворе в присутствии Государя сменялся старый караул, от которого знамя относилось во внутренние покои»¹⁵.

Итак, в разводе принимали участие батальон пехоты и эскадрон кавалерии. Пехотные батальоны назначались от Гвардейских (Преображенского, Семеновского, Измайловского) и Лейб-Гренадерского полков или от Санкт-Петербургского гарнизонного и Кексгольмского мушкетерского полков¹⁶. Из кавалерии участвовали в разводах Лейб-гвардии Конный и Лейб-Гусарский полки. С 1800 г. в разводах участвовали и эскадроны новосформированного Кавалергардского полка¹⁸. Согласно Высочайшему указу от 26 августа 1797 г. инженерные офицеры от обязанности присутствовать на разводах были вообще освобождены¹⁹.

Паролем, как правило, служило название какого-либо города²⁰.

«Вахтпарад в Петербурге производился в теплое время года перед Зимним дворцом или на Царицыном лугу, в холодные же дни — в манеже, носившем название экзерциргауза. Зимой, при морозе свыше 15 градусов, вахтпарад отменялся, и полки заступали в караулы без развода; при морозе выше 10 градусов отменялось только разводное ученье, а развод караулов производился обычным порядком»²¹.

В соответствии с уставом вахтпарад состоял из следующих основных церемоний:

- осмотр личного состава караулов караульными офицерами;
- учение;
- рапорт старшего караульного офицера коменданту или командующему разводом;
- церемониальный марш;
- смена караулов;
- отдача пароля;
- уход с места развода старого караула²²

Разводу, согласно уставу, полагалось быть в 11 часов утра²³. В Петербурге же в это время развод караулов был уже в самом разгаре. Длительность петербургских вахтпарадов была обусловлена прежде всего тем, что они приобрели практически государственное значение в силу уже упомянутых Высочайших приказов, отдаваемых при пароле. 13 ноября 1796 г. Император отдал указ, согласно которому Высочайшие²⁴ приказы, отданные при пароле, почитались именными.

В связи с этим интересно выяснить, что же представляли собой приказы, отдаваемые при пароле. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится «Журнал имянным приказам Его Императорского Величества, отдаваемым при пароле, на 1799 год»²⁵. Для примера процитируем Высочайший приказ, отданный при пароле 14 сентября 1799 г., в тот день, когда суворовские войска штурмовали Чертов мост:

«1-е. Пароль — Смоленск.

2-е. По высочайшему повелению производятся: мушкетерского Родгофа полка из капитанов в майоры Андреевской и Таубе; из штабс-капитанов в капитаны Полозов и Яковлев; из поручиков в штабс-капитаны Бородкин; из подпоручиков в поручики Юматов; из прапорщиков в подпоручики Дайнатович.

Завтрашняго числа развод в 9 часов с ученьем Лейб-Гвардии Преображенского полка полку в 1-е отделение генерал-лейтенанта Талызина баталиона, во 2-е гранодерского генерал-майора князя Гика баталиона, в 3-е гарнизонного генерал-лейтенанта барона Тизенгаузена полку его баталиона, в 4-е сводного гранодерского гарнизонного баталиона, в 5-е от артиллерии и в 6-е генерал-майора князя Долгорукова 2-го полку его баталиона»²⁶.

Таким образом, видно, что в приказе, отдаваемом при пароле, давался сам этот пароль, объявлялись производимые в следующий чин по Высочайшему повелению, т. е. по выслуге, и определялись части, участвующие в завтрашнем вахтпараде. Изучение приказов за 1799 г. показывает, что эти три пункта были основой парольного приказа. Впрочем, изредка объявлений о производстве в следующий чин не делалось. Кроме этих трех основных пунктов в приказ при пароле могли включаться также объявления о производимых в следующий чин за отличие, увольняемых в отпуск, исключаемых со службы, исключенных из списков (как правило, по смерти), принятых вновь на службу, увольняемых в отставку с пенсионом и мундиром или без них, о назначениях на новые должности. Также в парольных приказах довольно часто фигурируют поощрения нижним чинам за

хорошо проведенное учение или развод, «благоволения» офицерам за служебное рвение, выговоры за неудачные развод или учение (таковые были довольно редки и касались в первую очередь офицеров), объявляется состав военно-судных комиссий, определяется конвой для конвоирования арестованных либо для проведения экзекуций. Часто помимо частей, занимающих городские караулы, назначался отдельный караул в городской театр, к качелям у театра и на Исакиевской площади, а в теплое время года назначалась еще и часть (полк или батальон), оркестр от которой направляли для игры в Летнем саду. Интересно, что иногда вместо названия города паролем служило слово «Благодать»²⁷. В приказе от 16 января 1799 г. приведено расписание четырех армий, выступающих за границу в связи с началом кампании против Франции²⁸. Иногда в приказ попадали извлечения из реляций с театра военных действий²⁹, иногда и об изменении штатов некоторых полков, прежде всего Гвардии³⁰.

Таким образом, приказы, отдаваемые при пароле, касались исключительно военных вопросов. Единственный раз за весь год в парольный приказ от 18 февраля попало «невоенное» распоряжение — запрещение танцевать вальс из-за его «неблагопристойности»³¹. Так что парольные приказы играли исключительно важную роль в функционировании не только гарнизона Петербурга, но и всей русской армии в целом, и прежде всего это касалось чиновнопроизводства и служебных перемещений, которые значительно ускорились именно благодаря отсутствию бюрократической волокиты.

«На „плац-параде“ Павел подражает Фридриху, — писал К. Валишевский. — Он отдает приказания, принимает служебные рапорты, велит представлять себе новых офицеров, объявляет награды и наказания и, как и прусский король, но еще подробнее, делает смотры своим полкам»³². «На вахт-параде ... Павел не только проверял степень строевого совершенства той или иной части, учил самолично, муштровал, но каждодневно утверждал идею самодержавия», — отмечает А. Валькович³³.

Укоренилось мнение, что Павел за все время своего царствования не пропустил ни одного вахтпарада³⁴. Между тем

Камер-фурьерский церемониальный журнал фиксирует неявку Государя к разводу 10 раз: 6 и 12 января 1799 г., 31 марта, 20, 24, 26 и 28 июля, 5, 6 и 7 августа 1800 г.³⁵ 6 января 1799 г. Государь не явился к разводу, недовольный сбором войск по ложной тревоге: «Собравшимся перед дворцом чрез учиненные ошибкою пушечных выстрелов сигналы войскам с соизволения Его Величества было отказано, и у развода того утра Его Величество присутствовать не соизволил»³⁶. Второй раз Государь не был у развода «по случаю большой стужи»³⁷. В остальных случаях разводы производил, как правило, 1-й батальон Лейб-Гвардии Преображенского полка, любимцы Павла, в строевой выучке которых он не сомневался и поэтому, видимо, считал возможным отсутствовать.

Относительно «большой стужи» нужно отметить, что зима и начало весны 1799 г. были в Петербурге очень морозными. Так, по воспоминаниям А. Х. Эйлера, при Павле бывшего обер-офицером Лейб-Гвардии Артиллерийского батальона, сильные морозы, такие, что «ртуть ушла в шарики и сделалась ковкою; часовых надо было непрерывно сменять», стояли еще в начале марта, в полках было много обмороженных из тех чинов, кто стоял в караулах³⁸. К морозам прибавилась и эпидемия гриппа, унесшая жизни многих людей. Так, только в 1-й роте Лейб-Гвардии Семеновского полка от гриппа умерли 17 солдат³⁹.

Вахтпарадные эволюции были весьма сложны, поэтому 8 октября 1800 г. Великий Князь Александр Павлович объявляет Военной Коллегии как именной указ Императора «Описание о вахтпараде»⁴⁰, которое предписано «по напечатании онаго, разослать по экземпляру во все полки инфантерии и в гарнизонные, которым предписывается точно по оному поступать, а для сведения сообщить также и полкам кавалерийским, дабы и сии в своем роде службы по пристойности тому сообразовались»⁴¹. «Описание...» было весьма серьезным дополнением к соответствующей части устава и представляло собой брошюру объемом в 20 страниц⁴². Оно подробно регламентировало процедуру развода и смены караулов, четко определяя обязанности буквально для каждого.

Здесь хотелось бы сказать несколько слов и о прочно утвердившемся в нашем сознании мнении, что Император на вахтпарадах давал волю своему гневу и раздражению, беспощадно наказывая, особенно офицеров, за малейшую ошибку и отправляя с парада в ссылку целые полки⁴³.

Большинство подобных рассказов имеет мало общего с действительностью. Да, иногда Павел наказывал офицеров на вахтпарадах, и наказание это могло быть весьма суровым. Так, один из офицеров Лейб-Гренадерского полка «за опоздание к разводу в Высочайшем присутствии был исключен из службы и немедленно „отослан в Шлиссельбургскую крепость, в пример прочим офицерам Лейб-Гренадерского полка"»⁴⁴.

Но столь жестокие наказания назначались редко. Более того. Император неоднократно пытался не наказаниями, но увещаниями призвать офицеров к порядку. Так, в Высочайших приказах от 17 января и 15 марта 1798 г. Государь *рекомендует* офицерам Петербургского гарнизона во время разводов «стоять смирно, не бегать и не шуметь»⁴⁵. Подобные же требования, кстати, записаны и в уставе⁴⁶. Но некоторые из офицеров к увещаниям не прислушивались, что имело для них весьма неприятные последствия. Например, согласно Высочайшему приказу от 15 февраля 1800 г., за постоянное возражение приказам на разводах офицеры Преображенского полка Топорнин и Ладыженский 2-й были арестованы и затем «выписаны» в гарнизонный князя Долгорукова полк⁴⁷. Наказание не слишком суровое (гарнизонный Долгорукова полк — Санкт-Петербургский гарнизонный), но вполне заслуженное, ибо офицеры в данном случае явно нарушали требования устава.

О систематических оскорблениях Павлом офицеров и тем более об избиении их и говорить не приходится. «Я находился на службе в течение всего царствования этого государя, не пропустил ни одного учения или вахтпарада и могу засвидетельствовать, что хотя он очень часто сердился, но я никогда не слышал, чтобы из уст его исходила обидная брань, — писал офицер Лейб-Гвардии Конного полка Н. А. Саблуков. — Однажды, впрочем, на одном параде он так разго-

рячился, что ударил трех офицеров тростью...»⁴⁸ Случай с избиением офицеров, как видим, единичный, едва ли позволяющий делать далеко идущие выводы. Ну а отправленный в Сибирь прямо с вахтпарада полк (сразу вспоминается фрагмент из кинофильма «Суворов») — и вовсе лишь исторический анекдот.

«„Полк, в Сибирь марш!“ — этот знаменитый рассказ о воинской части, шагавшей в ссылку до известия о гибели императора, вероятно, соединяет две разные истории. Прежде всего это опала, которой по разным причинам подвергся конногвардейский полк... Наиболее суровой репрессивной мерой был арест командира полка и шести полковников за „безрассудные их поступки во время маневров“. В этот период полк был „изгнан в Царское Село“... Как утверждает Д. Н. Лонгинов, „во время этой расправы было произнесено... среди неистовых криков слово «Сибирь». В тот же день полк выступил из Петербурга, но еще недоумевали и не знали, куда идут, пока не расположились в Царском Селе“...

...С этим рассказом, вероятно, соединился другой: о казаках, отправленных на завоевание Индии и возвращенных с Востока сразу же после смерти Павла...» — пишет Н. Я. Эй-⁴⁹дельман .

Действительно, 8 сентября 1800 г. за ошибки во время маневров были арестованы командир Лейб-Гвардии Гусарского полка генерал-майор Томич и шесть полковников-конногвардейцев — Якимович, Безобразов, Леонтьев, Саврасов, Саблуков и князь Вяземский⁵⁰. Но сам Лейб-Гвардии Конный полк в Царское Село не «изгоняли». Он был переведен туда не в качестве опалы, а временно, и по совершенно другой, вполне оправданной причине — из-за перестройки его казарм в Петербурге, причем перевод состоялся в середине июня 1800 г. (т. е. еще до маневров и ареста офицеров), а 15 ноября полк снова вернулся в Петербург⁵¹.

Такова подоплека одного из известнейших анекдотов об эпохе Павла, к вахтпарадам, как видно, не имевшая ни малейшего отношения...

За неудачно проведенный вахтпарад полку чаще всего выражалось «Высочайшее неудовольствие»⁵². Вообще же

полковые истории фиксируют очень немного взысканий за вахтпарады, но в то же время⁵³ указывают на значительное количество поощрений.

С вахтпарада караулы расходились по своим местам. Для несения караула город был разделен на пять отделений, «применяясь к числу и месту квартирования частей»⁵⁴. То есть за каждым из полков гарнизона закреплялся свой район несения караула.

«Каждый караул имел в своем ведении несколько улиц, по которым посылались унтер-офицерские патрули от 8 до 11 часов вечера; они должны были заходить во все трактиры и прочие вольные места и высылать оттуда всех военнослужащих, а в случае сопротивления таковых брать под караул»⁵⁵.

Наиболее ответственными являлись караулы, занимаемые Гвардией. Ведь именно она несла охрану императорских резиденций.

«Внешний, или главный, караул при императорской резиденции в составе роты со знаменем во главе с капитаном и двумя офицерами выставлялся поочередно от полков гвардейской пехоты. При смене знамя старого караула относилось в императорские покои, а знамя нового ставилось в стойку в офицерской комнате главной дворцовой гауптвахты. Внутренние караулы в Зимнем дворце в 1797—1799 годах занимал Л.-Гв. Конный полк. В эти годы конногвардейцы, подобно екатерининским кавалергардам, несли службу и во время торжественных выходов... Караульный наряд в такие дни... мог насчитывать от пятидесяти до двухсот человек с литаврами, штандартом и трубачами»⁵⁶.

Вот перечень караулов, занимаемых ежедневно чинами Лейб-Гвардии Конного полка:

«1) Два внутренних караула во дворце, один к Государю Императору, при 2 обер-офицерах, а другой к Государыне Императрице, при 1 офицере...

2) В Таврическом дворце, с 7 августа 1797 года, очередуюсь с гусарами, караул этот был в числе: 2 обер-офицеров, 4 унтер-офицеров, 2 трубачей и 62 рядовых.

3) В Новодевичьем монастыре, при 1 обер-офицере, 1 трубаче и 56 рядовых, очередуюсь с артиллериею.

4) В Мраморном дворце, с 22 февраля 1798 года, при 1 обер-офицере.

5) и наконец, в полковой гаубтвахте, при 1 обер-офицере»⁵⁷.

«В Михайловском замке после переезда туда Императора главный караул размещался направо от главных ворот — на гауптвахте, выходящей на внутренний двор. Этот караул выставлял все внешние посты и внутренний пост в Овальном салоне в восточной части замка. Внутренние караулы от одних и тех же частей размещались в бельэтаже. В левом аванзале находился караул от Лейб-батальона Преображенского полка в тридцать человек, при обер-офицере, выставлявший главный пост по соседству на верхней площадке лестницы. Кавалергардский полк содержал караул в Мраморном зале рядом с Овальным салоном. Караул от Л.-Гв. Конного полка находился в аванзале Длинного зала»⁵⁸.

Гвардейцы несли караульную службу и в загородных резиденциях Императора во время пребывания там Павла — с весны до осени⁵⁹. В этот период «все гвардейские полки... в отбывании караульной службы сменялись через известный промежуток времени, причем Император лично встречал и провожал каждую часть»⁶⁰.

Кроме несения караульной службы в императорских резиденциях лейб-гусары и лейб-казаки содержали пикеты и разъезды в окрестностях Петербурга.⁶¹ «Эти пикеты не были чьей-то прихотью. В питерских окрестностях пошаливали разбойничьи шайки, а у полиции не хватало сил, чтобы защитить от них российского обывателя».⁶² Так что служба гвардейцев была не только придворной...

41 пост занимали в Петербурге артиллеристы: 19 — в арсенале, 7 — в артиллерийском лазарете, 12 — в Артиллерийском и Инженерном Шляхетном кадетском корпусе и 3 — при конюшнях конной артиллерии⁶³.

Инструкция, в которой четко регламентировался порядок смены и несения караулов, названная «Инструкция караульному офицеру», подписанная (и, вероятно, составленная) А. А. Аракчеевым, была утверждена уже 1 декабря 1796 г.⁶⁴

Огромное внимание обращалось на строевое обучение войск, которое до восшествия Павла на престол находилось в запущенном состоянии, а одиночного обучения солдат вообще не велось⁶⁵.

В Воинском уставе 1796 г. впервые были даны четкие указания по обучению рекрутов⁶⁶. Устав требовал также гуманного, без излишней жестокости, отношения к солдатам и особенно к рекрутам: «Офицерам и унтер-офицерам всегда замечать солдат, которые под ружьем или в должности ошибались, и таковых после парада или учения, или когда с караула сменяются, учить; а естли солдат то, что надлежит, точно знает, а ошибся, такового наказать...

Когда рекруты или новые люди причисляются к ротам, то капитанам заставлять оных учить офицерам; а когда и унтер-офицер их учит, то и тогда быть офицеру; а особливо такового (рекрута. — *Е. Ю.*) определить к хорошему товарищу на квартиру, который бы иногда его учить и его почти воспитать мог; и дабы рекрута не отвратить от своей должности и охоты ко оной... то сперва за учение его не бранить и не ругать, но добрыми словами его приучать, и не вдруг учением его отягощать, а еще менее его бить за учение»⁶⁷.

За жестокое обращение с нижними чинами офицеры подвергались взысканиям, причем довольно суровым⁶⁸.

Весьма обоснованными и полезными были и требования, касающиеся одиночного обучения нижних чинов.

«Новых солдат, которые во время учения в роты определяются, учить... одних, и не прежде ставить к учению в роты, пока не совершенно все уметь будут делать; ибо в противном случае новых с старыми напрасно мучить. Таковому ж солдату сперва одному часто стрелять, дабы пороху не боялся, и тем научился как ружьем владеть, так и патронами заряжать»⁶⁹.

«Настойчивым и строгим требованием правильного одиночного обучения Император Павел Петрович в самое непродолжительное время сумел привести в отличное состояние всю армию, и в особенности кавалерию...» — писал К. Манзей⁷⁰. Служивший при Павле в Уфимском пехотном полку в далекой от Петербурга Уфе Л. Н. Энгельгардт писал

о строевом обучении по новому уставу, что «эволюции были просты, требовались только одна точность и мелочи удобопонятные»⁷¹. Эта положительная оценка устава чрезвычайно интересна — здесь мы слышим мнение простого армейского офицера, далекого от петербургских интриг и привычного служить с полной отдачей.

Ротные и батальонные учения производились в полках «непременно по два раза в неделю»⁷².

Судя по данным Камер-фурьерского церемониального журнала, учения — батальонные или полковые — проходили в Петербурге практически в течение всего года либо на Дворцовой площади, либо на Царицыном лугу. Такие учения продолжались обычно 2—3 дня в среднем 2—3 раза в месяц. Таким образом, полк «учился» по 6—8 дней в месяц. Часто батальонные учения, иногда даже с небольшими маневрами «с пальбою», происходили перед разводом караулов⁷³. Иногда учения батальонов или эскадронов Гвардии проводились под непосредственным командованием Павла или Великих Князей⁷⁴.

Наиболее активно учения велись в Гвардейских полках в начале 1797 г., что понятно — Гвардию готовили к коронационным торжествам в Москве.

Нередко Павла упрекают в том, что при строевом обучении солдат, утомляя бесконечной «шагистикой», не учили «цельно» стрелять.⁷⁵ Этот вопрос хотелось бы рассмотреть подробнее, так как меткая стрельба является одной из главных целей обучения солдата. Оставим пока в стороне утверждения ряда авторов о том, что солдат при Павле не учили стрелять, и постараемся ответить на вопрос, что же представляли собой ружья конца XVIII в.

«Дальность стрельбы из ружей не превышала 250—300 шагов (178—213 м)... Уже на дальностях в 300 шагов... рассеивание пуль характеризовалось величиной... около 1,6 м. Вероятность попадания в ростовую фигуру не превышала 10%. При этих условиях стрельба оказывалась эффективной только при залповом огне, а также по сомкнутому строю на небольшие дальности»⁷⁶. «При большой неточности каждого отдельного выстрела с самого начала отказались от

прицеливания и даже от обучения ему и искали достижения эффекта в возможно скоро производимом, залп за залпом, массовом огне по команде. Если Фридрих еще и указывал, чтобы не слишком торопились с огнем — „человеку надо сперва увидеть, куда он стреляет“, — то впоследствии было даже прямо запрещено целиться. Зато особенное значение придавали тому, чтобы залп выпаливался дружно и звучал как один выстрел. Предполагалось, что одновременное попадание такого большого количества пуль усилит деморализующее действие огня», — писал Г. Дельбрюк⁷⁷

Таким образом, кремневое ружье отнюдь не отличалось меткостью; это, кстати, одна из главных причин появления линейной тактики — тактика в первую очередь зависела от оружия. Так что учить «цельно» стрелять из ружья, в силу своего устройства на «цельную» стрельбу не рассчитанного, не имело смысла, и в этом отношении знаменитое суворовское «пуля — дура» было в XVIII в., да и позже, не столько метафорой, сколько вполне очевидным фактом.

Устав 1796 г. достаточно подробно описывает порядок прицеливания: «Прикладываясь, солдатам ровняться на право, первой шеренге прямо, а задним немного ниже прикладываться; при чем солдатам смотреть по дулу на мишень и смело в огонь, и знать ему, куда выстрелить, не в верх или в землю; приклад приставить к плечу, голову опустить и глядеть, куда стреляет»⁷⁸. Кстати, как видно из текста, речь идет о стрельбе по мишени, т. е. о стрельбе учебной. Так что стрелять солдат при Павле учили вполне серьезно. Весьма критически настроенный по отношению к павловским военным реформам А. К. Баиов отмечал в Уставе 1796 г. «сильное развитие правил для наступательной, отступной и плутоножной стрельбы»⁷⁹.

Следует отметить, что написанное выше касалось тяжелой пехоты — мушкетеров и гренадеров, вооруженных гладкоствольными ружьями. От них «цельной» стрельбы, как видно из положений устава, не требовалось. Но умение метко поражать цель было обязательным для егерей, вооруженных нарезными штуцерами, обладающими большой дальностью и точностью стрельбы⁸⁰. Так что требования к обу-

чению солдат стрельбе предъявлялись в павловское время вполне разумные.

Отдельно следует сказать об учениях артиллеристов. Не требуя от них особой строевой выучки, Павел главное внимание уделял скорости открытия огня, меткой стрельбе и четким и слаженным действиям орудийных расчетов⁸¹. В 1797, 1798 и 1800 гг., в августе, Государь лично приезжал на Выборгскую сторону, где находился артиллерийский полигон, на артиллерийские учения «для разбития городка», аналогичные тем, которые проводились в Гатчине и Павловске в бытность Павла наследником⁸².

Учения 17 августа 1798 г. были отмечены щедрыми наградами Императора. Около полудня, после развода, в Зимнем дворце «собрались в Галерее Артиллерийского полка генералитет, майоры, штаб- и обер-офицеры.

Пред полуднем, в двадцать минут 1-го часа, Его Величество из внутренних комнат выдти соизволил в Галерею и означенного полка Высочайше изволил жаловать орденами Святой Анны, часами и табакерками»⁸³.

Учения 2 августа 1800 г. также закончились награждением офицеров, включая инспектора артиллерии генерала Корсакова⁸⁴.

«На этих ученьях все движения производились на фушштатских лошадях, и действовали не только из полевых орудий, но также из осадных мортир 2- и 5-пудовых. Приказом по артиллерии 21 августа 1800 г. объявлена Высочайшая воля, чтобы на будущее время, как в С.-Петербурге, так равно и в прочих местах, где расположены артиллерийские полки, „практиковать оные стрельянием из пушек ядрами в мишени, также из оных и единорогов картечью в щиты и рикошетными выстрелами, а из мортир и единорогов бросанием бомб и гранат"»⁸⁵

В целом можно сказать, что Павел был одним из лучших артиллеристов своего времени, а реформы в области артиллерии являются наиболее выдающимися из всех его военных преобразований⁸⁶.

Не оставлял Павел без внимания и военно-учебные заведения: «Оба кадетские корпуса, как рассадник офицеров,

Государь взял под свое личное покровительство и требовал, чтобы директора по всем делам, касающимся этих заведений, относились прямо к нему».⁸⁷

14 января 1798 г. главноначальствующим 1-м Кадетским корпусом Павел назначил Великого Князя Константина Павловича, который оставался в этой должности на протяжении 33 лет.⁸⁸

При Павле в кадетских корпусах вновь введена военная организация с разделением кадет на роты.⁸⁹

«В учебной части особенных перемен в царствование Императора Павла I произведено не было. Лишь в подражание распоряжению Фридриха Великого отменены были послеобеденные уроки по средам, замененные танцклассом».⁹⁰

В 1800 г., например, во 2-м Кадетском корпусе распорядок занятий был таков: «Кадеты занимались в классах поутру от 8 до 12 час. и после обеда — от 2 до 5 часов вечера. Обедали в 12 1/2 часов, ужинали летом в 8 часов, а зимою в 7 часов».⁹¹

С марта 1800 г. обучение кадет 1 и 2-го Кадетских корпусов осуществляется по единой программе.⁹²

В январе 1797 г. Императором было повелено принимать в корпуса и выпускать кадет ежегодно (ранее прием в корпуса осуществлялся раз в три года).⁹³

Произошли некоторые изменения и в составе Пажеского корпуса.

В конце 1796 г. в Пажеский корпус переведены 25 кадет из 1-го Кадетского корпуса и 17 рейт-пажей и 6 яхт-пажей из придворного штата.⁹⁴ 18 сентября 1800 г. Высочайше повелено пятерых камер-пажей, выбранных для дежурства при особе Императора, именовать лейб-пажами, а 5 октября последовало Высочайшее повеление о производстве лейб-пажей Гвардии поручиками и флигель-адъютантами, камер-пажей — Гвардии прапорщиками и корнетами, а пажей — армии прапорщиками и корнетами.⁹⁵

Императорский Военно-сиротский дом по положению от 23 декабря 1798 г. разделялся на два отделения — благородное, для дворянских детей, и разночинное — для детей нижних чинов. Принимались на оба отделения как мальчики.

так и девочки. Мальчики, воспитывавшиеся на благородном отделении, назывались кадетами, на разночинном — воспитанниками .

Программа обучения на благородном отделении была близка к программе кадетских корпусов, а на разночинном преподавались закон Божий, русский язык и арифметика. Кроме этих предметов воспитанники изучали различные ремесла, необходимые в армии (сапожное, портновское, седельное, ружейное и др.), а музыкально одаренных обучали музыке для дальнейшей службы в военных оркестрах. Таким образом, разночинное отделение выпускало в армию мастеровых и музыкантов. Пятьдесят наиболее способных воспитанников по результатам экзаменов переводились на кадетское отделение.

Кадеты, окончившие Военно-сиротский дом с отличием, выпускались в армию офицерами, а остальные — портупей-прапорщиками или юнкерами ⁹⁶.

Более строгими стали при Павле выпускные экзамены, особенно для будущих артиллерийских и инженерных офицеров. Вместо публичных экзаменов, проводившихся в самом корпусе, кадеты направлялись или в Артиллерийскую экспедицию Государственной Военной Коллегии, или сдавали экзамены самому инспектору артиллерии. Только «не способные к службе в артиллерии, но достойные к производству в офицеры» кадеты выпускались в пехоту. Все остальные выходили в артиллерию или инженеры ⁹⁷.

Вообще Павел с большой любовью относился к кадетам. Здесь уместно будет привести воспоминания Ф. В. Булгарина, при Павле — кадета 1-го Кадетского корпуса: «Император Павел Петрович несколько раз посещал корпус и был чрезвычайно ласков с кадетами, особенно с малолетними, позволяя им многие вольности в своем присутствии. — „Чем ты хочешь быть?“ — спросил Государь одного кадета в малолетнем отделении. — „Гусаром!“ — отвечал кадет. — „Хорошо, будешь! А ты чем хочешь быть?“ — промолвил Государь, обращаясь к другому малолетнему кадету. — „Государем!“ — отвечал кадет, смотря смело ему в глаза. — „Не советую, брат“, — сказал Государь, смеясь: „Тяжелое ремесло! Ступай

лучше в гусары!" — „Нет, я хочу быть Государем", — повторил кадет. — „Зачем?" — спросил Государь. — „Чтоб привезти в Петербург папеньку и маменьку". — „Л где же твой папенька?" — „Он служит майором (не помню в каком) в гарнизоне!" — "Это мы и без того сделаем!" — сказал Государь ласково, потрепав по щеке кадета, и велел бывшему с ним генерал-адъютанту записать фамилию и место служения отца кадета. Через месяц отец кадета явился в корпус к сыну и от него узнал о причине милости Государя, который перевел его в сенатский полк и велел выдать несколько тысяч рублей на подъем и обмундировку.. В другой раз Государь, проходя по галерее, уронил трость. Толпа кадетов бросилась поднимать ее, некоторые падали и, вырывая трость друг у друга, стали толкаться и чуть не драться между собой. Офицеры были в страхе, не зная, как примет это Государь, но он был чрезвычайно доволен. „Вижу, что вы будете усердно служить мне", — сказал Государь, поцеловав того кадета, которому удалось схватить трость и предоставить ему, а всему корпусу велел раздать фрукты и распустить всех на три дня со двора»⁹⁸.

Скажем несколько слов и о службе военных музыкантов — ведь на них при Павле, как, впрочем, и всегда, лежала весьма ответственная задача музыкального сопровождения учений, вахтпарадов и других воинских ритуалов.

При Павле Петровиче численность полковых оркестров была сокращена вдвое". Так, согласно Уставу 1796 г., в мушкетерском и гренадерском полках полагалось быть 6 музыкантам (они, собственно, и составляли полковой оркестр), 37 барабанщикам (один из них, числящийся в первой роте 2-го батальона, — полковой) и 4 флейтщикам (по два при каждой гренадерской роте)¹⁰⁰. Фактически же в пехотных полковых оркестрах велено было иметь по 5 музыкантов¹⁰¹. В кирасирских полках полагался 1 литаврщик, 1 штаб-трубач и 5 трубачей (по одному на эскадрон)¹⁰². В гусарских полках полагалось иметь 1 штаб-трубача (трубы ему не полагалось) и 10 эскадронных трубачей (по одному на эскадрон)¹⁰³. Столь бедный на первый взгляд состав кавалерийских оркестров (только трубы) был обусловлен тем, что му-

зыканты-кавалеристы должны были в строю в левой руке держать конские поводья, а в правой — инструмент и в таком положении играть. На трубах это вполне удавалось, играть же на деревянных духовых инструментах одной рукой было бы просто физически невозможно¹⁰⁴.

Однако штаты оркестров тяжелой пехоты дважды увеличивались. По штату 1798 г. в полковом оркестре полагалось иметь 7, а по штату 1800 г. — 10 музыкантов. Из инструментов в оркестрах остались валторны, кларнеты, гобои, фаготы и флейтраверы. В егерских полках музыка была представлена только валторнистами (1 полковой и 20 ротных). Лейб-Гвардии в Егерском батальоне¹⁰⁵ полагались по штату 1798 г. 1 штаб-валторнист и 9 валторнистов¹⁰⁶.

А работать военным музыкантам приходилось ежедневно. День солдата начинался и кончался торжественным церемониалом — «зарей». Приказом определялось: «Зорю же бить во всех местах в такое время, когда по утрам рассветет так, что читать уже можно, по примеру сего и ввечеру, когда разбирать еще можно»¹⁰⁷. Особенно торжественным, с молитвой, был ритуал «Вечерней зари». Оформление его произошло именно при Павле благодаря выдающемуся русскому композитору Дмитрию Степановичу Бортнянскому (1751—1825), много лет работавшему при «малом» дворе Цесаревича Павла Петровича. Д. С. Бортнянским были написаны «Заря», а также духовный гимн «Коль славен наш Господь в Сионе» (на слова М. М. Хераскова), который также вошел в ритуал «Вечерней зари». Интересно, что этот ритуал произвел столь неизгладимое впечатление на прусского короля Фридриха Вильгельма III, что он испросил у Александра I разрешение использовать его в прусской армии. И 101 год — с августа 1813 г. и до Первой мировой войны — музыка русской «Вечерней зари» исполнялась в прусской армии¹⁰⁸.

Еще в 1787 г., вероятно, по заказу Павла, Д. С. Бортнянский написал «Гатчинский марш», оставивший заметный след в истории русской военной музыки¹⁰⁹. Позднее он приобрел широкую популярность в русской армии¹¹⁰.

С царствованием Павла связано и появление марша Лейб-Гвардии Семеновского полка, сочиненного командиром полка генерал-майором А. М. Римским-Корсаковым. «Командир полка генерал Римский-Корсаков, слывший за большого любителя и знатока музыки, в 1796 году написал тихий марш и посвятил его одной из фрейлин. Император Павел Петрович, услыхав, полюбил его, часто заставлял играть и наконец приказал переложить для военного оркестра. Впоследствии, когда в полку был вновь сформирован музыкальный хор (увеличен состав оркестра. — *Е. Ю.*), марш Римского-Корсакова играли особенно часто, и он сделался сначала от привычки, а потом вследствие того, что Гвардейским полкам были присвоены каждому свои особые марши — полковым, и под этим названием известен и до сих пор», — писал историограф Семеновского полка П. Н. Дирин¹¹¹. Вероятно, в павловскую же эпоху был написан и марш Лейб-Гвардии Измайловского полка¹¹².

Таким образом, именно к царствованию Императора Павла можно с достаточной уверенностью отнести зарождение традиции создания полковых маршей¹¹³.

При Павле впервые в русской военной истории полкам за отличия стали жаловаться специальные мелодии. Такой мелодией был заимствованный у пруссаков «гренадерский бой», которым с 1797 по 1801 г. пожалованы 8 мушкетерских и 3 егерских полка. А первым получил «гренадерский бой» в 1797 г. за отличные маневры Елецкий мушкетерский полк¹¹⁴. Полк этот, как помнит читатель, в 1798—1799 гг. входил в состав гарнизона столицы.

Глава седьмая

СМОТРЫ, МАНЕВРЫ, ПАРАДЫ

Выучка войск проверялась на смотрах и маневрах.

Первый «генеральный смотр» Преображенского, Семеновского, Измайловского, Лейб-Гвардии Конного и Лейб-Казачьего полков прошел в Гатчине 25 августа 1798 г. На смотре, помимо Государя с Великими Князьями и свитой, присутствовала Императрица с дочерьми

В 1798 г. смотры полков Петербургского гарнизона проводились Павлом также и в октябре, уже в столице².

В 1799 г. Император «в первый раз смотрел гвардию по бригадно, что сильно способствовало возбуждению соревнования между полками»³. Точного времени смотров 1799 г. Камер-фурьерский журнал не фиксирует. Имеются лишь данные о «примерном сражении» с пушечной и ружейной пальбой гренадерских батальонов Преображенского и Измайловского полков, гвардейской артиллерии и части Лейб-Гвардии Егерского батальона 18 августа⁴.

Смотры 1800 г. прошли в мае. 7 мая Павел на Царицыном лугу провел смотр Преображенского полка, 8 мая — Семеновского и Измайловского полков, 12 мая — Лейб-Гвардии Конного, Лейб-Гусарского и Лейб-Казачьего полков и Уральской сотни, а 30 мая, уже в Петергофе, был смотр Лейб-Гвардии Егерского батальона. На всех смотрах присутствовала Императрица с дочерьми⁵.

Маневры при Павле проходили обычно в начале сентября в окрестностях Гатчины. Так было в 1797, 1798 и 1800 гг.⁶ Кроме того, в 1797 г. маневры частей Гвардии проходили в окрестностях Павловска 7 августа⁷.

В 1799 г. маневры не проводились из-за стоявшей в сентябре «весьма дурной погоды, которая такова, что даже находящимся здесь пехотным батальонам уже около двух недель не позволяет учиться на Дворцовой площади (на плацу Гатчинского дворца. — *Е. Ю.*), от безмерной грязи и беспрерывных дождей, то тем еще более невозможно делать конный строй в поле», — писал Павел генералу от кавалерии П. А. фон дер Палену 13 сентября 1799 г.⁸

Маневры 1800 г. были крупнейшими в царствование Павла. Если в предыдущие годы в маневрах участвовали только Гвардия и Лейб-Гренадерский и Павловский гренадерский полки, то в 1800 г. помимо гвардейцев в маневрах принимали участие армейские полки Лифляндской дивизии и ряд других: мушкетерские Горчакова 2-го, Костылева, Алексеева, Маркловского, Седморацкого, Мишутина, Эриксона, Кербица, Ефимовича, Лейб-Гренадерский и Павловский гренадерский, егерские Гвоздева и Михельсона, Лейб-Кирасирский Его Величества, артиллерийский Бегичева — всего более 20 полков⁹.

Маневры проходили 4, 6 и 8 сентября на пространстве от Гатчины до Колпина¹⁰. Войска были разделены на 2 дивизии под командованием генерала от инфантерии М. И. Кутузова и генерала от кавалерии П. А. фон дер Палена¹¹. Дивизия Кутузова наступала, Пален оборонялся¹². 6 и 8 сентября

М. И. Голенищев-Кутузов

смотреть маневры выезжала Императрица с дочерьми в сопровождении статс-дам и фрейлин¹³. Император на маневрах был даже «взят в плен». Вот как это произошло: «Павел I был при штабе Палена. Заметив в подзорную трубу, что Кутузов стоит вдалеке от войск, почти без охраны, Павел I ре-

шил взять его „в плен”. Во главе эскадрона гусар Император скрытно подступил к тому месту, где стоял Кутузов, как вдруг был сам окружен со всех сторон и принужден „сдаться”. Оказалось, что Кутузов заметил маневр Павла и, вызвав „огонь” на себя, приготовил ему засаду. Император был и расстроен, и восхищен. После маневров он обнял Кутузова со словами: „Обнимаю одного из величайших полководцев нашего времени”¹⁴.

Павел остался весьма доволен маневрами, удостоив их участников щедрых наград. М. И. Кутузов был награжден орденом Св. Андрея Первозванного, П. А. фон дер Пален — орденом Св. Иоанна большого креста, князь П. И. Багратион — бриллиантовым перстнем с портретом Императора, а все офицеры — орденом Св. Иоанна меньшого креста¹⁵. Эти маневры стали важной вехой в дальнейшей карьере их главных участников, прежде всего М. И. Кутузова и П. А. фон дер Палена.

Именно сентябрьские маневры 1800 г. под Гатчиной изображены на картинах немецкого живописца Г. Шварца «Маневры в Гатчине при Павле I» (1845) и «Парад в Гатчине при Павле I» (1847), находящихся в экспозиции Гатчинского дворца-музея. На первой картине изображены маневры 4 сентября, на второй представлен завершивший маневры церемониальный марш войск на плацу Гатчинского дворца 8 сентября¹⁶.

Летних лагерей как таковых при Павле не было¹⁷, но их роль, по сути, выполняли выходы батальонов и эскадронов частей Петербургского гарнизона для охраны загородных резиденций, а также маневры, когда войска располагались лагерем и несли лагерную службу в строгом соответствии с требованиями устава¹⁸.

«Перед выступлением в Павловск офицерам предписывалось брать с собою непременно два мундира, две шляпы, два шарфа, две пары башмаков и на две недели белья. Придя на место, баталион располагался развернутым фронтом, роты разбивали палатки в две линии; на каждую роту приходилось 22 палатки. Посредине роты ставились две пирамиды для ружей и по обеим их сторонам унтер-офицеры втыкали

свои алебарды. Перед серединой баталиона стояли все пять ротных знамен, а по сторонам их — офицерские эспонтонны — в таком же порядке, как алебарды. Расположенным у флангов баталиона часовым вменялось в обязанность никого вдоль по шеренгам или сквозь ротные улицы не пропускать... за исключением „генералитета”. Лагерь окружался цепью часовых от двух караулов: полевого — при офицере и равного ему по числительности палочного (заднего) — при унтер-офицере. Стоявшие впереди лагеря часовые были парные; им предписывалось непременно чрез каждые четверть часа кричать: „Кто идет?” и спрашивать у подходящих лозунг. У палочного караула производилось наказание шпицрутенами. В лагере зорю били так, как и в настоящее время (в 80-х гг. XIX в. — *Е. Ю.*), но переклички производились по 4 раза в день.

Во время пребывания полка в Павловске всякий день был вахтпарад с ученьем на дворе дворца, а затем баталионное ученье на поле перед дворцом. Каждый день г. штаб- и обер-офицеры гвардейских баталионов, расположенных в Павловске, имели счастье быть приглашенными к обеду и ужину во дворец, по очереди, 5 или 6 человек с баталиона, для чего специально и требовалось от офицеров, чтобы они брали с собой в лагери башмаки. Эти обеды были единственным развлечением офицеров, потому что не только постоянные ученья и приготовления к вахтпарадам не допускали отлучек, но вообще отпуска были крайне ограничены. О поездках в Петербург и речи быть не могло. Офицеров мог увольнять шеф только на 4 часа времени; если кому-нибудь необходимо было ночевать вне лагеря, то следовало просить на то позволения Государя или командующего войсками», — так описывает П. Н. Дирин стоянку 1-го батальона Лейб-Гвардии Семеновского полка в Павловске летом 1797 г.¹⁹

Кавалерийские полки гарнизона выходили в весенне-летний период в окрестности Петербурга также для травяного довольствия лошадей²⁰.

Парадов с участием большого количества войск при Павле в Петербурге проводилось немного.

6 января 1797, 1798 и 1799 гг. в столице проходил традиционный Крещенский парад. Причем парад 1799 г. совпал

с освящением новых знамен и штандартов полков Гвардии и Лейб-Гренадерского полка²¹. В 1800 г. 5 января на Дворцовой площади прошла репетиция Крещенского парада, но на следующий день, по причине мороза, парад не состоялся: «Сего числа морозу было 8 градусов (по Реомюру. — *Е. Ю.*), и потому как уже оно более 5 есть три градуса, то по случаю сего и войска перед Дворцом расставлены не были»²².

Еще один большой парад, также церковный, прошел 1 августа 1797 г., в день Происхождения Честных Древ, в Петергофе в присутствии Императрицы Марии Федоровны и польского короля Станислава Понятовского²³. В этот день парад также проводился ежегодно, за исключением 1800 г. (траур по кончине Великой Княжны Марии Александровны). В этом параде принимали участие лишь войска, несшие караулы в резиденции, где находился Павел²⁴.

Более камер-фурьерские журналы не отмечают больших парадов (упоминаются только церковные парады в полках), но войскам приходилось участвовать в различных торжественных церемониях. Наибольшая нагрузка в этом плане выпадала на долю Лейб-Гвардии Конного полка. Конногвардейцы «в богатом уборе», со штандартами и литаврами, расставлялись в почетном карауле в помещениях Зимнего дворца или загородных резиденций в дни празднования Нового года, Пасхи, орденских праздников, аудиенций для послов, именин, дней рождения, крещения, бракосочетания, панихид и погребений особ императорской фамилии²⁵. С мая 1799 г. вместе с конногвардейцами в придворных церемониях принимают участие и кавалергарды²⁶.

Важнейшими полковыми торжествами были прибавка и освящение новых знамен. В Петербурге они происходили достаточно часто: полки гвардейской пехоты в царствование Павла получили новые знамена четырежды, армейские полки — дважды (обр. 1797 и 1800 гг.)²⁷.

Были мероприятия, в которых принимала участие большая часть войск Петербургского гарнизона, прежде всего Гвардия. Это коронование и перенесение из Александроневской лавры в Зимний дворец останков Петра III (25 ноября и 2 декабря 1796 г.), погребение Петра III и Екатерины II

(5 декабря 1796 г.), закладка Михайловского замка (26 февраля 1797 г.), вынос тела и погребение скончавшегося в Петербурге польского короля Станислава Понятовского (25 февраля 1798 г.), освящение Михайловского замка (8 ноября 1800 г.)²⁸.

Особенно богатым на торжественные церемонии был 1799 г. С марта по начало сентября в Павловске, а с конца сентября по конец октября в Гатчине еженедельно, зачастую по 2—3 раза в неделю, служились благодарственные молебны с участием войск, часто с пушечной пальбой, по случаю побед русских, австрийских и английских войск над французами в Италии, Швейцарии и Голландии²⁹. Кульминацией этих торжеств стала панихида по убиенным на войне на плацу Гатчинского дворца 4 ноября 1799 г. Вокруг всего плаца были расставлены «Лейб-Гвардии Преображенского, Семеновского, Измайловского полков, по четыре от каждого, гренадерских батальона, из коих были построены первые с правой, а вторые с левой стороны, третьи же против самого, близ батареи, дворца»³⁰.

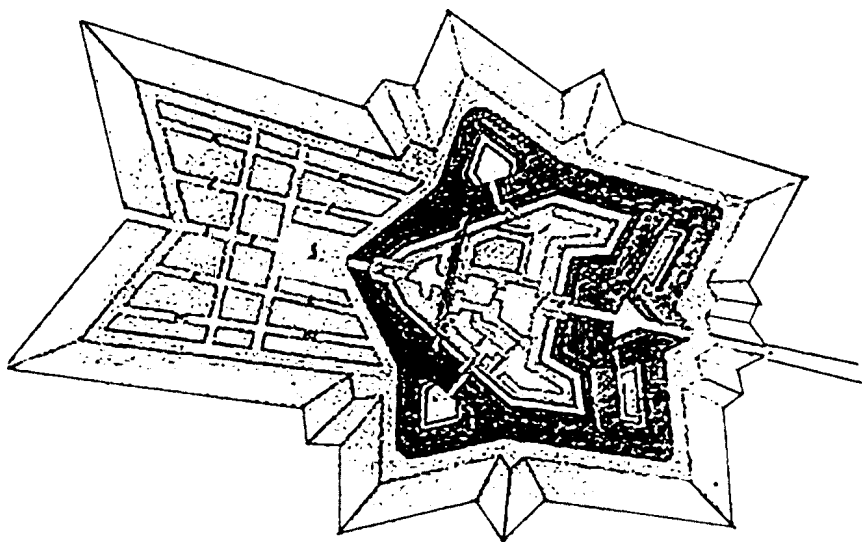
24 июня 1799 г., накануне Иванова дня, в Павловске по древней традиции рыцарей ордена Св. Иоанна Иерусалимского прошла церемония жжения костров в память о том, что раньше в этот день в госпиталях иоаннитов сжигали старые простыни больных, заменяя их затем новыми.

В Павловск в этот день прибыли все бывшие в столице кавалеры ордена Св. Иоанна, а также были привезены в сопровождении полуэскадрона кавалергардов в особых экипажах орденские регалии: гроссмейстерская корона, знамя, кинжал веры и печать. На плацу Павловского дворца, окруженном войсками, было разложено девять костров, которые три раза обошла процессия мальтийских кавалеров во главе с Павлом. Кавалергарды — Гвардия Великого Магистра и конногвардейцы присутствовали на этом торжестве, как всегда, «в богатом уборе»³¹.

Глава восьмая

КАЗАРМЫ, ПЛАЦЫ, ХРАМЫ

Военный Петербург павловской эпохи характеризуется не только вахтпарадами, смотрами и маневрами, но и ширококомасштабным военным строительством. Впрочем, Павел активно занимался возведением различных зданий и сооружений военного назначения в своих резиденциях, прежде всего в Гатчине, еще будучи Великим Князем. Так, в 1793—1796 гг. при въезде в Гатчину со стороны Петербурга была построена маленькая крепость Ингербург (авторами ее проекта были архитектор В. Бренна и сам Павел), возводившаяся

План крепости Ингербург

под руководством известного русского военного инженера Ф. И. Герарда. Первоначально планировалось обнести крепость валом и рвом, но в окончательном проекте от этого отказались. Интересно, что план Ингербурга точно повторял план знаменитой Королевской мануфактуры Гобеленов в Париже. В архитектуре крепости сочетались влияния средневековой европейской фортификации и французской архитектуры конца XVII—1-й половины XVIII в. К концу царствования Павла Ингербург представлял собой законченный архитектурный комплекс, включавший в себя казармы, школу, ратушу и дома многих приближенных Павла. Увы, крепость не сохранилась (ныне на ее месте находятся бывшие казармы 23-й артиллерийской бригады), и памятью о ней служат лишь Ингербургские ворота (1830—1832 гг., арх. В. А. Глинка), находящиеся на месте главных ворот крепости и охраняющие въезд в Гатчину с севера. В 1793—1795 гг. неподалеку от дворца, вдоль Большой Пороховской дороги (Большой улицы. Большого проспекта; ныне — проспект Императора Павла I², главная магистраль Гатчины), вероятно, по проекту В. Бренны, возводится госпиталь для чинов Гатчинских войск, придворных и обывателей (сейчас в этом здании, перестроенном в 1820-х гг. А. Е. Штаубертом, находится городская администрация)³. В начале 1790-х гг. в Мариенбурге, неподалеку от реки Колпанки, было построено 7 казарм, а в 1794 г. — здание Военно-сиротского дома. В 1792-1796 гг. по проекту В. Бренны на Большой улице, в месте поворота с нее к дворцу, создается площадь Коннетабля, представляющая собой миниатюрное четырехлучевое укрепление, состоящее из невысокой каменной бастионной стенки с амбразурами, окруженное валом и сухим рвом. В центре площади возвышается 33-метровый обелиск Коннетабля. В амбразурах бастионной стенки при Павле располагались шесть небольших артиллерийских орудий⁴.

В Павловске в 1795 г., вероятно, также по проекту В. Бренны, хотя документальных подтверждений его авторства нет, на месте шведского укрепления начала XVIII в. начинается строительство маленькой крепости Бип (Мариенталь)⁵. К сентябрю 1796 г. в Павловске было завершено строитель-

ство четырех офицерских и четырех солдатских казарм. Деньги на их сооружение были выделены Адмиралтейств-Коллегией, а само строительство производили по договору казенные крестьяне ⁶.

Бесспорно, главным архитектурным сооружением столицы павловской эпохи стал возведенный по проекту В. Бренны при активном участии самого Павла в 1797—1801 гг. Михайловский замок ⁷. Но Павел Петрович жил не только заботами о строительстве своего любимого детища. С восшествием на престол он активно и в возрастающих масштабах продолжил военное строительство.

Именно при Павле для размещения войск стали строить каменные казармы во многих городах России, и прежде всего, конечно, в столице. К концу XVIII в. в своих слободах в Петербурге жили только гвардейские полки, армейские же полки столичного гарнизона размещались постоем на квартирах городских обывателей, что было для последних весьма тяжелой повинностью ⁸.

В 1760-е гг. началась перестройка деревянных гвардейских слобод в каменные, но к моменту восшествия Павла на престол полностью строительство каменных зданий было завершено только в слободе Лейб-Гвардии Конного полка ⁹. Таким образом, вопрос размещения войск к концу XVIII в. стоял весьма остро. И Павел со свойственной ему решительностью взялся за дело.

«Он не только считал безусловно вредным для боевого развития солдата вызываемое постоем у обывателей постоянное участие его в домашней жизни мирных граждан, но даже и помещение в слободских домах, не отрешавшее вполне от хозяйственных забот и предприятий, казалось Павлу непригодным для образования надлежащей боевой армии. Император Павел понимал, что организация воинских помещений имеет своей задачей не только обеспечение солдату жилища, но и приспособление его к назначению и условиям жизни солдата. Только концентрированное в более или менее значительных массах казарменное сожителство являлось Павлу единственно целесообразным для развития и поддержания воинского духа и дисциплины, для изучения

личности и свойств солдата, для удобства обучения и воинских экзерциций. Казарма есть не только жилище солдата, но и школа, где он воспитывается. Эту идею Павел усвоил всецело, и создание для армии повсеместно казарм сделалось главной его задачей, к выполнению которой он приложил все свои силы, всю энергию», — писал Н. Ляпидевский¹⁰.

Уже 14 декабря 1796 г. последовало Высочайшее повеление о размещении пехотных полков только в городах и лишь «в крайней невозможности» — в ближайших к городам селениях. На постое в деревнях разрешалось оставить только кавалерию¹¹.

Главной трудностью являлось отсутствие денег на казарменное строительство, но Павел сумел решить эту проблему в самый короткий срок довольно простым и логичным способом: «Чтобы образовать сумму, необходимую для такого крупного расхода, Император привлек к делу постройки казарм население всего государства и учредил единовременный поземельный налог по количеству земли, находящейся во владении каждого обывателя. Налог этот не был обязательным, но каждый уплативший его навсегда освобождался от военного постоя. Результаты этой меры были блестящи, и вскоре военное ведомство получило полную возможность перейти к казарменному расположению»¹².

До введения в действие в 1798 г. «Устава столичного города Петербурга» всеми вопросами строительства казарм ведал генерал-губернатор, а с введением в действие устава за постройку казарм в столице стала отвечать Контора городских строений, подчиненная Комиссии о снабжении резиденции припасами, которая представила Императору 12 сентября 1798 г. свои соображения, касающиеся военного строительства в Петербурге. Комиссией было предложено взимать «казарменный» налог со всех частей города кроме Петербургской и Выборгской, жители которых из-за бедности налога заплатить не могли, почему для них сохранена была постоянная повинность. По мере поступления средств комиссия предлагала постепенно вести строительство. В первую очередь намеревались построить казармы для Лейб-Гренадерского, Кексгольмского, Лейб-Казачьего пол-

ков, Сенатского батальона, осадного и полевого артиллерийских батальонов, рекрутских партий и двух морских команд. Павел предложения комиссии утвердил, и к весне 1799 г. в Петербурге началось активное строительство.

Здесь нужно отметить, что из-за нехватки средств (поземельный налог, естественно, полностью проблему не решил) речь шла прежде всего не о строительстве новых казарм, а о перестройке под казармы старых зданий — фабрик и даже частных домов, купленных у горожан¹³. Иногда, в связи с недовольством владельцами ценами за дома, предложенными государством, возникали довольно серьезные конфликты, в улаживании которых приходилось принимать участие даже Павлу¹⁴.

Для наблюдения за производством работ учреждался особый комитет из бау-инспектора и 6 членов, который должен был докладывать о ходе строительства генерал-губернатору¹⁵.

К концу 1800 г. были построены казармы для Лейб-Гренадерского, Кексгольмского, Кавалергардского и генерал-майора Ушакова (Сенатского) полков, артиллерийские и для морских команд¹⁶.

Первостепенное значение, конечно, имело строительство казарм для Гвардии.

Раньше всех в Петербурге, еще в 1797 г., благодаря заботам шефа полка, Великого Князя Александра Павловича, началось строительство казарм Лейб-Гвардии Семеновского полка.

«Еще в первый год царствования Императора Павла I Великий Князь Александр Павлович... ходатайствовал у Государя о разрешении построить новые каменные казармы и представил на Высочайшее утверждение планы и чертежи предполагаемых зданий. Весь 1797 год прошел в переписке по этому предмету, тянувшейся так долго потому, что Его Величество предоставил Великому Князю изыскать средства на постройку, не обременяя... казны расходами. Это обстоятельство побудило прибегнуть к продаже последней полковой земли в Москве... Несмотря... на недостаточность сумм, в том же году приступлено было к постройке офицерского флигеля...

Видя, что казна долго не ассигнует сумм на возведение казарм. Великий Князь... испросил позволение Государя выстроить казармы для 1-го баталиона... на собственные деньги. По получении Высочайшего разрешения, в начале 1798 года, заложено было 6 каменных одноэтажных домов по линии Загородной улицы ...

...Весной 1798 года место, отведенное под казармы, было очищено...

К концу 1798 года казармы 1-го баталиона и офицерские флигеля были совершенно готовы, и роты перешли в них ко дню полкового праздника. Вскоре оказалось, что поспешность, с которою производилась постройка, и недостаток сумм были причиною, что выстроенные дома далеко не соответствовали ожиданиям. Сырость и холод оказали вредное влияние на здоровье людей... Узнав об этом, Государь пожелал лично посетить казармы, которыми остался до такой степени недоволен, что приказал срыть все, исключая офицерского флигеля, до основания, и построить вновь по новому плану двухэтажные, и постройку окончить непременно в течение двух лет. Для исполнения этого составлена особая строительная комиссия...

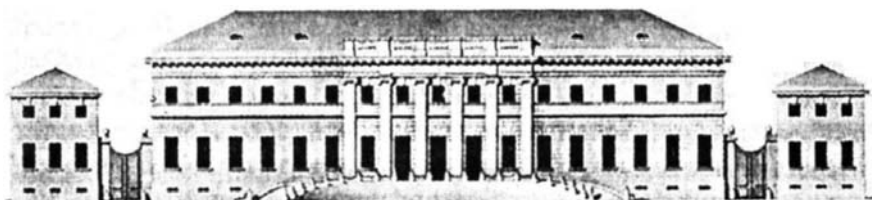
С переходом 1-го баталиона в казармы слобода начала терять прежнее значение для полка... Только дома, занятые не переведенными в казармы частями и принадлежавшие чинам полка... сохранили прежнюю наружность... Последние части полка перешли в казармы перед походом 1805 года...»¹⁷.

«Казармы строились по проекту Ф. И. Волкова под руководством архитектора Ф. И. Демерцова... К 1801 году были построены здания Первого батальона, а к 1803 году — остальных батальонов...

Застройка велась вокруг полкового плаца, который был устроен в 1790-е годы на месте современной Пионерской площади, по трем сторонам (нынешние Загородный проспект и Рузовская и Звенигородская улицы). Перед Обводным каналом был устроен земляной вал и организован тир под открытым небом. В комплекс вошли 12 солдатских казарм, два офицерских дома, дом командира, фуражный двор, госпиталь»¹⁸.

а

б

Ф. И. Волков. Проекты а) Солдатских казарм и б) Офицерского корпуса Лейб-Гвардии Семеновского полка. 1796 г.

Казармы полка строились частью на земле полковой слободы, частью на прилегающих к ней землях городских обывателей, которые были переселены в другие места¹⁹.

Первые шесть каменных казарм Лейб-Гвардии Измайловского полка начали строить под руководством полкового командира генерал-лейтенанта С. С. Борщова в 1800 г., а полностью строительство казарменного комплекса было закончено уже в 1810-х гг. Роты полка начали переводить в новые казармы в 1804 г. Строительство каменных казарм шло также на землях полковой слободы, вдоль Измайловского проспекта, «а пустые места, образовавшиеся от этого, были раздаваемы частным лицам и офицерам полка для постройки частных домов»²⁰.

Казармы Лейб-Гвардии Преображенского полка также были возведены на месте деревянных светлиц Преображенской слободы, но при Павле там успели только начать подготовительные работы для перестройки, само же строительство началось уже при Александре I. Но сменить квартиры преображенцам пришлось еще в павловское царствование.

В августе 1797 г. Лейб-батальон Преображенского полка был помещен в специально перестроенном для этого Старом Зимнем дворце — «Лейб-Кампанском доме» (ныне — дом № 33 по Миллионной улице), где и находился до 1917 г. 2-й и 3-й батальоны полка оставались в слободе до 1799 г., когда были переведены в здание старого ломбарда на Царицыном лугу, на месте будущих казарм Лейб-Гвардии Павловского полка (ныне — здание Ленэнерго)²¹.

Лейб-Гвардии Егерский батальон в первые годы своего существования размещался в так называемых Староегерских казармах (ныне — дом № 5 по Звенигородской улице). К моменту формирования полка на этом месте стояли «небольшие деревянные связи» (избы. — *Е. Ю.*). Несколько лет спустя на месте связей были построены три небольшие казармы (по числу рот в батальоне), похожие на стоящие неподалеку семеновские. Позднее егерские казармы перестроили, объединив их в одно здание²².

Конногвардейцы располагались в своей слободе, недавно перестроенной в камне, но 11 апреля 1799 г. последовал Высочайший указ, многих шокировавший: «Таврический дворец всемилостивейше повелеваем отдать Лейб-Гвардии Конному полку под казармы, который и принять онаго полка командиру генерал-лейтенанту князю Голицыну»²³. В этом решении Павла можно усмотреть как проявление неприязни к бывшему владельцу дворца. Светлейшему Князю Г. А. Потемкину-Таврическому, так и одну из попыток решения казарменного вопроса. Старая слобода, даже каменная, Павла явно не удовлетворяла.

И полк перешел в один из самых роскошных дворцов Петербурга. «В пятнадцати комнатах дворца разместили пять эскадронов солдат — и холостых, и женатых. Большой зал переоборудовали в манеж, а Овальный зал — в конюшню»²⁴.

Впрочем, препровождая в полк этот указ, Гоф-интендантская контора присовокупила, что «Государь указать изволил, чтобы сад Таврического дворца, оранжереи и огород оставались в своем виде, а полку не передавались, для чего и подтвердить всем служащим онаго полка, чтобы они в том

саду ничего не портили, гулять же ходить не запрещается, кроме огорода, в который никому входа нет»²⁵.

В декабре 1799 г. полк перешел в Таврический дворец, а спустя полгода началась распродажа конногвардейской слободы. «11 июня 1800 г. Великий Князь Константин Павлович объявил петербургскому военному губернатору... повеление Государя: все здания и земли, составлявшие слободу Конной Гвардии, распродать в пользу полка. Тотчас было приступлено к оценке слободских домов, и скоро большая часть слободы перешла в руки частных владельцев. Сорок четыре так называемых рейтарских дома по Воскресенскому проспекту были переданы казарменному комитету для расширения артиллерийских казарм, а каменный полковой дом продан в городское ведомство за 5000 р.»²⁶.

Но Таврический дворец плохо подходил под казармы, и полк решено было разместить в доме осужденного за различные махинации М. Гарновского (ныне — дом № 102/2 на углу набережной Фонтанки и Измайловского проспекта). Пока дом перестраивали под казармы, полк вывели в Царское Село (об этом было сказано выше), а 15 ноября, вернувшись в Петербург, он разместился в своих новых казармах, где и простоял до 1807 г. Причем квартиры офицеров также располагались в доме Гарновского, снимать «вольное» жилье им было запрещено. «Конный лазарет» полка разместился в доме, ранее принадлежавшем одному из екатерининских генерал-прокуроров, известному взяточнику А. И. Глебову, а потом перестроенном под сукожную фабрику (ныне — дом № 90 по набережной Фонтанки)²⁷.

Кавалергардскому корпусу, вновь учрежденному Павлом вскоре после восшествия на престол, был определен для квартирования так называемый Боуровский дом (ныне на его месте находится дом № 2-а по Конногвардейскому переулку), в котором с 1770-х гг. размещался Генеральный Штаб. Поскольку все кавалергарды, особенно после увеличения численности корпуса, а затем и сформирования полка, в этом здании разместиться не могли, им были выделены под казармы «два дома, перешедшие в казну, находившиеся поблизости замка (Боуровского дома. — Е. Ю.)». Но и этих

зданий не хватало, и часть кавалергардов поселили по обывательским домам «в Коломне, по Вознесенской и Офицерской и прилегающим к последним улицам», а часть чинов полка поместили даже в доме Глебова — казармах Лейб-Гренадерского полка. По расформировании Кавалергардского корпуса в декабре 1797 г. Боуровский дом был определен для размещения Сенатского батальона, но при сформировании в 1800 г. Кавалергардского полка кавалергарды вновь вернулись в свои старые казармы, где простояли до 1807 г.²⁸

Весьма разбросанными по городу оказались квартиры Лейб-Гусарского полка.

«Лейб-Гусарский полк при сформировании своем был расположен за Невским монастырем, в так называемых Кирасирских казармах и конюшнях, где и квартировал до 1798 года, когда вследствие переформирования полка в двух-баталионный, т. е. десятиэскадронный состав, помещение всему полку... оказалось недостаточным. Поэтому был куплен на Фонтанке у полковника Гарновского дом и Высочайше пожалован в неперемные квартиры Лейб-Гусарскому полку. В этом доме помещалась часть Лейб-баталиона (1-го батальона. — *Е. Ю.*), а именно: 2 эскадрона, полковой госпиталь, полковой цейхгауз и полковой караул; 3 эскадрона были расположены у Калинкина моста, в казармах Лейб-Гвардии Гренадерского (Лейб-Гренадерского. — *Е. Ю.*) полка, а оставшаяся часть Лейб-баталиона и все его офицеры помещались поблизости полкового дома (дома Гарновского. — *Е. Ю.*), на вольных квартирах, по отводу полицеймейстера. Второй баталион квартировал в казармах за Невским монастырем и в близлежащей деревне Смоленской-Ямской.

Для обучения рекрут и выездки молодых лошадей отводился полку манеж в 3-й Адмиралтейской части, в доме статского советника Демидова (в Новом переулке)»²⁹.

Постройка казарм для Лейб-Казачьего полка была намечена, но отложена, и весь период царствования Павла лейб-казаки простояли постоем по обывательским квартирам в Московско-Ямской части Петербурга (ныне — район улицы Достоевского)³⁰.

Гвардейские артиллеристы также не имели еще каменных казарм.

«Нижние чины роты Его Высочества (Михаила Павловича. — *Е. Ю.*), конной (роты. — *Е. Ю.*), пионерной команды и мастеровые были расположены в казенных связях на Литейной, где ныне Главный корпус казарм Л.-Гв. 1-й Артиллерийской бригады (ныне — район дома № 26 по Литейному проспекту. — *Е. Ю.*), а 2-я и 3-я роты на квартирах, городской конторой строений определенных, в Литейной части»³¹.

Лейб-Гренадерский полк с 18 марта 1797 г. по начало ноября 1798 г. располагался постоем в домах обывателей 2-й и 3-й Адмиралтейской частей, не пожелавших платить по-земельный казарменный сбор, «причем штаб полка и полковой двор были помещены на Фонтанке, за Калинкиным мостом. Сборное место полку было назначено на Царицыном лугу»³². В ноябре 1798 г. полк был размещен постоем в домах обывателей на Васильевском острове³³.

Под казармы Лейб-Гренадерского полка был отведен дом Глебова. Но из-за ремонта и отсутствия полка в Петербурге с февраля 1799 по апрель 1800 г., в связи с нахождением его в армии графа Ласси в Белоруссии, казармы на Фонтанке лейб-гренадеры заняли только по возвращении из похода³⁴. «Ко дню прибытия Лейб-Гренадер в Петербург дом Глебова... был уже окончательно перестроен. Полк разместился в новых казармах... и только полковой обоз и подъемные лошади, за недостатком места, были помещены в сараях на Фонтанке у Калинкина моста»³⁵.

Кексгольмский мушкетерский полк в сентябре 1797 г. разместился в здании бывшей «Бронзовой фабрики при строительстве Исаакиевского собора», расположенной по набережной Невы между нынешними 19-й и 20-й линиями Васильевского острова, где и простоял до 1802 г.³⁶

Казармы для армейских артиллерийских батальонов были построены на Выборгской стороне «на землях, издавна находившихся во владении артиллерийского ведомства и отчасти на землях Конного полка (бывшей полковой слободы. — *Е. Ю.*)»³⁷.

Для остальных частей Петербургского гарнизона казармы при Павле построить не успели³⁸.

Из полков, стоявших в пригородах, в казармах располагались только один батальон Павловского полка, занимавший

в Гатчине казармы, «где прежде помещались кирасиры полка Его Величества» (имеется в виду Жандармский полк Гатчинских войск. — *Е. Ю.*), и часть чинов Лейб-Гвардии Гарнизонного батальона, стоявшего в Ораниенбауме «частью в казармах, частью на обывательских квартирах»³⁹. Причем, судя по полковым документам, чины батальона Павловского полка, стоявшего в Павловске на квартирах, находились даже в лучшем положении, чем их однополчане, стоявшие в Гатчине в казармах, ибо «стоянка по квартирам и чистый воздух много влияли на здоровье солдат. Судя по месячным отчетам за 1796, 7 и 8 года, количество больных и умерших в этом батальоне было незначительно.

Несколько в других условиях находился батальон в Гатчине...

Требование чистоты в казармах доходило до того, что гренадеры, проводя большую часть дня на ученьях, по ночам мыли полы, стены, окна, чистили улицы посыпали ходы песком...

Но... это дурно повлияло на здоровье солдат. Число больных увеличивалось в батальоне... частью от строгостей и продолжительных учений, а частью от постоянной трудной гарнизонной службы»⁴⁰.

По Высочайшему повелению от 27 июня 1797 г. Павловский полк был переведен в столицу, на Петербургскую сторону, и разместился в недавно построенных по инициативе Великого Князя Александра Павловича казармах, предназначавшихся для Белозерского полка⁴¹. Казармы эти располагались вдоль набережной Большой Невки и по берегу Карповки, напротив Ботанического сада, и в историю Петербурга вошли как Петровские — по названию размещавшегося в них с 1803 г. Петровского мушкетерского полка⁴². Однако, как мы уже упоминали, после возвращения из Голландии полк вновь отправился на старые квартиры в Павловск и Гатчину.

Из вышеизложенного видно, что строительство казарм и размещение войск было связано с большими трудностями, вызванными в первую очередь недостатком средств. В некоторых казармах (в «Глебовом доме», доме Гарновского) зачастую размещались части нескольких полков. Нередко

полки занимали казармы в разных частях города. Но, несмотря на трудности, свою задачу по казарменному размещению войск в столице Павел мог считать в основном выполненной — большая часть войск гарнизона встречала новый век в новых казармах.

Одновременно с созданием казарменных комплексов начинают оформляться и полковые плацы. «Их возникновение было связано с важнейшим градостроительным начинанием царствований Павла I и Александра I — возведением каменных казарм для расквартированных в столице гвардейских полков. Плацы становились обязательным атрибутом казарменных комплексов. Они занимали разное место на полковых территориях (центральное или периферийное) и, соответственно, отличались по роли в ансамблях военных городков»⁴³.

Плацы возникли в первую очередь при казарменных комплексах, построенных на месте полковых слобод.

Старейшим полковым плацем столицы является плац Лейб-Гвардии Семеновского полка (ныне — Пионерская площадь), созданный по разработанному еще в 1796 г. проекту Ф. И. Волкова, дополненному Ф. И. Демерцовым⁴⁴.

При Павле возник и плац Лейб-Гвардии Измайловского полка, также созданный по проекту Ф. И. Волкова. «В отличие от последнего (Семеновского. — Е. Ю.) он не являлся центром военной слободы, а занимал периферийное положение, находясь западнее Измайловских провиантских складов, обращенных к Обводному каналу, и огорода Измайловского полка, южнее корпусов Экспедиции заготовления государственных бумаг»⁴⁵.

Но главным плацем Петербурга по-прежнему оставался Царицын луг. «Преобразование Царицына луга в главный плац-парад столицы, предназначенный для смотра войск в присутствии Высочайших особ, началось в царствование Павла I. Образно это назначение площади было закреплено установкой Г-умянцевского обелиска (1799) и установкой памятника А. В. Суворову (1800)»⁴⁶. С передислокацией Лейб-Гвардии Преображенского полка в казармы на Миллионной улице и в здание старого ломбарда Царицын луг фактически стал и Преображенским полковым плацем.

В. Бренна. Проектный вариант эзерциргауза Михайловского замка. Главный фасад. Конец 1790-х гг.

У полковых казарм начинают возводиться эзерциргаузы — помещения для учений в холодное время года. В 1796—1797 гг. на средства, выделенные Великим Князем Константином Павловичем, по проекту Дж. Кваренги строят деревянный эзерциргауз у Измайловского моста, в 1798 г. возводится эзерциргауз Лейб-Гвардии Артиллерийского батальона. В мае 1797 г. у строящегося Михайловского замка начинается сооружение замкового эзерциргауза (арх. В. Бренна)⁴⁷. Но самый большой эзерциргауз в Петербурге был построен в 1797 г. по проекту Бренны у Зимнего дворца. Он имел длину 252 и ширину 35,7 м. В нем, по воспоминаниям современников, мог обучаться целый батальон. В 1838—1843 гг. на его месте было построено здание Штаба Гвардейского корпуса⁴⁸.

Но строительство не ограничивается только казарменными комплексами.

Полным ходом продолжается начатое еще в 1795 г. по проекту Ф. И. Демерцова строительство зданий 2-го Кадетского корпуса на Петровском острове, на Ждановской улице: в 1796-1798 гг. на набережной Невы (ныне — набережная Лейтенанта Шмидта) между 11 и 12-й линиями Васильевского острова, на месте дворца фельдмаршала Б.-Х. Миниха, по проекту Ф. И. Волкова возводится здание Морского Кадетского корпуса⁴⁹.

Армейская семинария разместилась в здании Тверского подворья на Васильевском острове. Перестройки здания для нужд семинарии не производилось⁵⁰.

В 1798 г. на Литейном проспекте, напротив Старого, или Орловского, арсенала (ныне — участок дома № 4 по Литейному проспекту), на месте старых цейхгаузов — по проекту Ф. И. Демерцова начинают строительство⁵¹ здания Нового арсенала, которое будет завершено в 1809 г.

Зимой 1800/01 г. в связи со слиянием Санкт-Петербургского порохового завода, располагавшегося на Петербургской стороне, с Охтинским на Охте начинаются работы по расширению завода⁵².

Большие строительные работы велись в конце XVIII в. в Петропавловской крепости, в первую очередь — в Кронверке: «В 1797 г. восстановительные работы в Санкт-Петербургской крепости и Кронверке берет под свое покровительство император Павел I. Он поручает разработать проект строительства действительному статскому советнику Ф. И. Герарду.

8 июня 1797 г. Павел I утвердил проект и его финансирование в размере 157153 рублей. Из них „на возобновление старого Кронверка" — 134065 рублей»⁵³.

«Во времена царствования Павла I в 1796 г. в Кронверке был построен артиллерийский парк, состоявший из дощатого сарая и двора, обнесенного палисадным забором, а также деревянный инженерный дом на каменном фундаменте. В 1799 г. кронверкские укрепления были приведены „в должный вид". К этому году здесь находились артиллерийские казармы и склады, гауптвахта, сараи, верфи, инженерный дом. 9 января 1800 г. крепость посетил Павел I.

В 1801 г. началось сооружение каменной гауптвахты и порохового погреба. Для сообщения с крепостью через Кронверкский пролив был устроен мост на плашкоутах...»⁵⁴.

В 1797 г. по проекту архитектора П. Патона была перестроена в камне столь знаменитая позже тюрьма Алексеевского рavelина крепости⁵⁵.

Велось строительство и военно-медицинских объектов. Среди них в первую очередь необходимо упомянуть госпиталь Лейб-Гвардии Семеновского полка (ныне — дом № 2 по Лазаретному переулку, в котором располагается Военно-медицинский музей), возведенный по проекту Ф. И. Демерцова в 1797—1799 гг. и признанный лучшим творением этого архитектора⁵⁶. Интересна история его строительства.

«Госпиталь в полку существовал еще со времен Императрицы Анны Иоанновны; в царствование Императрицы Екатерины II он в 1774 году был совершенно заново отстроен,

но к 1791 году пришел уже в ветхость и совершенную негодность. Поэтому первую мысль Великого Князя Александра Павловича по принятии полка было устроить новый госпиталь. Для этой цели Великий Князь ассигновал на постройку все бывшие в полку экономические деньги; но вскоре Его Высочество увидел, что оне далеко не покроют издержек, и потому определил добавить недостаток из собственных своих сумм. Но без разрешения Государя сделать это было невозможно; входить же с формальным представлением Великий Князь не решался, а положил для доклада об этом Государю выждать благоприятную минуту. В непродолжительном времени случай представился: полк давал развод с ученьем; Государь остался им чрезвычайно доволен и, благодаря Великого Князя, сказал: „Это до того хорошо, что я не знаю, как вас всех благодарить и наградить“. Его Высочество воспользовался этим случаем и тогда же объяснил Государю свое намерение о постройке госпиталя, прося разрешения употребить на это часть собственных сумм...»⁵⁷ Разрешение было дано, и в память об этом в вестибюле госпиталя до 1918 г. находилась мраморная доска с надписью: «Построен иждивением Великого Князя Александра Павловича в знак признательности Императора Павла I в 1799 году»⁵⁸.

18 декабря 1798 г. на имя директора Медицинской коллегии тайного советника барона А. И. Васильева был дан следующий Высочайший указ: «Соизволяя на представление Ваше об устройении здесь при главных госпиталях (Сухопутном и Морском. — *Е. Ю.*) особого здания для врачебного училища и учебных театров в таком виде и расположении, как оные на поднесенных Нам от Вас планах означены, с занятием под врачебное училище того самого места, которое по сношению Вашему с Адмиралтейской Коллегией найдено к тому удобным, а под учебные театры недоконченной между госпиталями и давно уже без употребления оставленной церкви, повелеваем: все оное произвести в настоящее положение, употребляя как на постройку указанного здания, так и на покупку обывательских домов, состоящих теперь на предполагаемом для врачебного училища месте, потреб-

Сергиевский собор

ное число денег из сумм, присвоенных Медицинской Коллегии, для чего расположить строение сие в сроки, как позволят остатки медицинских сумм за годовыми расходами, по рассмотрению Вашему»⁵⁹.

В соответствии с указом в 1798 г. на Выборгской стороне, поблизости от Сухопутного и Морского госпиталей, начинается строительство комплекса зданий Медико-хирургической (будущей Военно-медицинской) академии, среди которых выделяется Главный корпус (ныне — дом № 6 по улице Лебедева), возведенный в 1798—1803 гг. по проекту архитектора А. Порто⁶⁰.

Строились при Павле и военные храмы. В 1796 г. началась перестройка по проекту Ф. И. Демерцова храма Преподобного Сергия Радонежского на углу Литейного проспекта и Сергиевской (ныне — Чайковского) улицы, существовавшего

при Литейном дворе еще с 30-х гг. XVIII в. Работы шли быстро: уже 25 сентября 1798 г. в храме был освящен придел во имя Св. Николая, а 5 июля 1800 г. митрополитом Амвросием — главный придел. В 1803 г. храм становится собором и получает статус собора всей артиллерии ⁶¹.

Не забывал Государь и свои любимые пригородные резиденции. В 1796—1797 гг. в Мариенбурге, на месте нынешней Егерской слободы, строятся деревянные казармы с конюшнями. В 1796-1801 гг. было разработано несколько проектов казарменных комплексов (по сути, военных городков в современном понимании) на территории Екатеринвердера, рядом с Кухонным каре Гатчинского дворца. Ни один из проектов не был осуществлен, и единственным напоминанием о них служит Екатеринвердерская башня, возвышающаяся ныне рядом с Кухонным каре ⁶².

В Павловске к началу 1798 г. было завершено строительство крепости Бип (Мариенталь), и повелением Императора от 19 апреля 1798 г. она была включена в число штатных крепостей. Военной крепостью со своим гарнизоном, подчиненной Инженерному департаменту, Мариенталь оставался до 1811 г., когда был передан Павловскому дворцовому правлению ⁶³. Шло также строительство казарм, офицерских флигелей, гауптвахт ⁶⁴.

Таким образом, в царствование Павла архитектура Петербурга обогатилась многими замечательными произведениями, созданными такими выдающимися мастерами, как Ф. И. Волков, Ф. И. Демерцов, В. Бренна и др.

Глава девятая ВОЕННЫЕ ГРОЗЫ

Вторая половина царствования Императора Павла была омрачена военными столкновениями.

«Конец царствования Императрицы Екатерины совпал с великими потрясениями, вызванными в Европе французской революцией. С 1792 года почти все монархические государства Европы во главе с Англией, Австрией и Пруссией находились в войне с молодой Республикой... В 1796 году начаты сборы 50-тысячной экспедиционной армии, которую предполагалось двинуть под начальством Суворова в 1797 году в Западную Европу. Смерть Государыни помешала этому предприятию. Император Павел отменил поход и отказался от участия в коалиции.

Вскоре, однако, происки Австрии и захват французами Мальты побудили Павла I ввязаться в войну с Францией», — писал А. А. Керсновский

В 1799 г. Россия вступила во 2-ю антифранцузскую коалицию и, выполняя союзнические обязательства, направила экспедиционные корпуса в Италию, Швейцарию, на Ионические острова и в Голландию.

В Италию для совместных действий с австрийцами были направлены корпуса генерала от инфантерии А. Г. Розенберга и генерал-лейтенанта В. Ф. Ребиндера под общим командованием Генерал-Фельдмаршала А. В. Суворова.

В Швейцарию, также для совместных действий с австрийцами, был направлен корпус генерал-лейтенанта А. М. Римского-Корсакова.

В Голландию для действий совместно с английскими войсками направлялся корпус генерал-лейтенанта И. И. Германа.

П. П. Ласси

Первая армия, под командованием генерала от инфантерии П. П. Ласси, имевшая главную квартиру в Гродно и состоявшая из войск Лифляндской, Литовской и Смоленской инспекций, располагалась на всем протяжении границ России от побережья Балтики до Брест-Литовска.

И. В. Гудович

В составе эскадры Ф. Ф. Ушакова, призванной действовать совместно с англо-турецким флотом, в качестве гарнизона крепости Корфу направлялся к Ионическим островам отряд под командованием генерал-майора М. М. Бороздина².

В связи с войной, помимо корпусов, отправленных за границу, в боевую готовность были приведены войска, расположенные вдоль западной границы Российской империи. Из этих войск были образованы две армии.

Первая армия, под командованием генерала от инфантерии П. П. Ласси, имевшая главную квартиру в Гродно и состоявшая из войск Лифляндской, Литовской и Смоленской инспекций, располагалась на всем протяжении границ России от побережья Балтики до Брест-Литовска.

Вторая армия, под командованием генерала от инфантерии графа И. В. Гудовича, с главной квартирой в Каменце-Подольском, состоявшая из войск Украинской и Днестровской инспекций, располагалась от Брест-Литовска до Днестра. Кроме того, вдоль Днестра был сосредоточен отдельный корпус генерал-лейтенанта барона Шюца³.

«Армия Ласси имела назначением подкреплять в случае нужды выступившие за границу корпуса или идти на помощь

союзным державам; армии Гудовича предназначалось, смотря по обстоятельствам, или действовать в связи с первой, или перейти через Днестр и вместе с корпусом Шюца идти на помощь туркам для усмирения восстания Виддинского паши Пасван-Оглу»⁴.

Войска Московской инспекции составили Третью резервную армию под командованием Генерал-Фельдмаршала графа И. П. Салтыкова, а войска Санкт-Петербургской инспекции и Гвардия составили Четвертую резервную армию под командованием Великого Князя Александра Павловича. В состоянии боевой готовности находились располагавшиеся вдоль шведской границы полки Финляндской инспекции, соответствующие распоряжения получили войска Таврической и Кавказской инспекций⁵.

«Таким образом, Император Павел, решившись поднять оружие против Франции, поставил на военное положение почти все свои сухопутные силы, — писал Д. А. Милютин. — Кроме гарнизонных полков, кроме войск Оренбургской и Сибирской инспекций, все прочие войска Российской армии были в полной готовности к выступлению в поход по первому повелению»⁶.

Выступила в поход и часть полков гарнизона столицы.

В Голландии сражался с французами Павловский гренадерский (гренадерский Эмме) полк. Он принимал участие в боях у деревни Схорл 21 сентября, отличился при взятии Бергена 25 сентября и 2 октября 1799 г., в боях у мыса Гельгупфе и у деревни Бакум.

Дрались с французами в Голландии и некоторые Гвардейские части. В составе корпуса генерала Германа приняли боевое крещение Лейб-эскадрон Лейб-Гусарского полка, полусотня (60 казаков) Уральской сотни, до того охранявшей побережье Балтики в составе отряда генерал-майора Орлова, 32 казака при 2 офицерах Лейб-Казачьего полка⁸. 3-й эскадрон Лейб-Казачьего полка в 1799 г. был направлен в Онежский порт для наблюдения за побережьем Белого моря⁹.

В Швейцарии, в корпусе Римского-Корсакова, находился Лейб-Кирасирский Ее Величества полк. 26 сентября 1799 г.

три эскадрона полка приняли участие в бою с французами у деревни Шлатте. Более полк в боях участия не принимал¹⁰.

Поход до Гродно пришлось совершить в 1799 г. Лейб-Гренадерскому полку, включенному в состав армии графа Ласси¹¹.

Кексгольмский мушкетерский полк, входивший в 3-ю армию графа Салтыкова, почти весь 1799 и начало 1800 г. провел в Литве, располагаясь постоем в местечке Высокослитовск¹².

К началу сентября 1800 г. все ушедшие в поход полки, кроме, как говорилось выше, кирасир Ее Величества, вернулись в Петербург¹³.

К тому времени внешнеполитическая обстановка резко изменилась.

«Коалиция государств, каждое из которых руководствовалось своими интересами, распалась. Павел не мог простить бывшим союзникам их предательства и преждевременного вывода войск эрцгерцога Карла из Швейцарии...

Вступая в коалицию, Павел Г увлекался рыцарской целью восстановления „потрясенных тронов“. А на деле освобожденная от французов Италия оказалась под властью Австрии, а остров Мальта — захвачен Англией.

Поведение союзников, в руках которых он был только орудием для достижения ими собственных целей, глубоко разочаровало Императора. Восстановление же во Франции сильной власти в лице первого консула Бонапарта давало повод для изменения российской внешней политики», — писал Г. Л. Оболенский¹⁴.

Действительно, Павел одним из первых сумел предвидеть в Первом Консуле будущего Великого Императора французов.

С декабря 1800 г. начинается активное сближение Франции и России, которое Е. В. Тарле назвал «одним из самых крупных дипломатических достижений Наполеона»¹⁵.

«Необычайно быстрое развитие дружественных отношений с Бонапартом у императора Павла шло параллельно и в тесной связи с усилением столь же внезапной ненависти к Англии...», — отмечал он¹⁶.

«В мае 1800 г. Павел I разорвал мирные отношения с Англией и стал создавать против нее коалицию, в которую, кроме России, должны были войти Дания, Швеция и Пруссия...

Английское правительство, в свою очередь, намеревалось действовать против России своим флотом. В Балтийское море была введена эскадра под командованием адмирала Нельсона. Она прибыла в Ревельскую гавань с задачей бомбардировать Кронштадт»¹⁷.

Россия стояла на пороге новой войны.

«В России снова снаряжались эскадры, только что возвратившиеся из похода; на западной границе Империи готовились к походу до 120000 войска. Свыше 60000 собрано было под начальством Генерала от Кавалерии фон дер Палена для охранения берегов Балтийского моря: из этого числа 24000 расположены по берегам Курляндии, Лифляндии и Эстляндии; 12000 — от Нарвы до Петербурга; 15000 — по северному берегу Финского залива; наконец, резервный корпус Генерала от Инфантерии Голенищева-Кутузова, состоявший из большей части гвардии, в числе 11000 человек, находился в Ораниенбауме, частью в Петергофе, Царском Селе и Павловске. Вдоль всего берега строились маяки и батареи»¹⁸.

Командующие войсками, прикрывавшими Петербург, были «апробированы» на сентябрьских маневрах 1800 г.¹⁹

Большая часть полков Петербургского гарнизона входила в корпус М. И. Кутузова.

В Ораниенбауме, где находилась главная квартира корпуса, располагались Лейб-Гвардии Преображенский, Семеновский, Измайловский и Кавалергардский полки, Лейб-Гвардии Егерский батальон, 1 батальон (5 эскадронов) Лейб-Гусарского полка, Лейб-Гвардии Артиллерийский батальон.

В Павловске был расположен Лейб-Гвардии Конный полк, в Сестербеке — 3 эскадрона лейб-казаков.

2-й батальон Лейб-Гусарского полка остался в Петербурге.

Ряд полков гарнизона входил в состав отрядов корпуса П. А. фон дер Палена.

В отряд генерал-майора Седморацкого, прикрывавший устье Луги, входил Лейб-Кирасирский Ее Величества полк.

Лейб-Кирасирский Его Величества и гренадерский Кербица (Павловский) полки были включены в отряд генерал-майора Кербица, занимавший позиции у Красной Горки и Толбухиной Косы до Петергофа. Кордон от Красной Горки до Петергофа занимали лейб-уральцы, а на Толбухиной Косе располагался Лейб-Гренадерский полк²⁰.

Но в разгар подготовки к военным действиям Император Павел был убит. Войну удалось предотвратить. Англия торжествовала. «...23 июня 1801 г. М. И. Кутузов доносил новому Императору, что, согласно полученному им указанию, он отдал предписание, чтобы войска, занимавшие кордон по берегам Финского залива, „возвратились в прежние свои квартиры“»²¹. Так закончилась, не начавшись, русско-английская война...

Глава десятая

ПАВЕЛ И СУВОРОВ

Суворов и Павел... Едва ли можно представить себе двух более непримиримых антагонистов во взгляде на военное дело в России конца XVIII в.! Здесь мы постараемся кратко рассмотреть взаимоотношения Павла Петровича и полководца и глубину возникшего между ними конфликта.

Первая встреча А. В. Суворова и Цесаревича произошла в марте 1765 г., когда командир Суздальского пехотного полка полковник Суворов был представлен Великому Князю во время очередного приезда в столицу из Новой Ладogi. Следующая встреча произошла летом того же года, во время маневров в Красном Селе. Но тогда Павел был еще ребенком. Наибольший интерес представляет развитие отношений Павла Петровича и Суворова в последующие годы, когда Александр Васильевич не раз бывал в Петербурге. Кстати, во время таких приездов он, бывая в Гатчине, видел и Гатчинские войска, но особого восторга они у него не вызвали.

«Отношения между Цесаревичем Павлом Петровичем и Суворовым были постоянно удовлетворительные, — писал А. Ф. Петрушевский. — Приезжая в Петербург и представляясь Императрице Екатерине, Суворов непременно являлся на поклон и к Цесаревичу и неизменно оказывал ему знаки почтительной преданности, как наследнику престола. Правда, он не удерживал своих странностей и причуд в присутствии Павла Петровича, особенно в последние годы, когда сделался чудаком по преимуществу, и это было неприятно Павлу, который не любил вообще никаких отклонений от общепринятой колеи обычаев, приличий и проч. Но он не имел причины видеть в дурачествах Суворова что-нибудь

А. В. Суворов

ность Суворова Екатерине и сочувствие его многим нововведениям Потемкина. Павел Петрович ненавидел их сплошь, не признавал в них ничего хорошего и всех, кто был на их стороне, считал сообщниками Потемкина, своими противниками и людьми вредными для общего блага. Стало быть, к числу таких лиц Павел Петрович относил отчасти и Суворова, который расходился с ним еще и в том, что был творцом своеобразного военного искусства, по мнению Павла — дикого, беспорядочного, противоречащего единственно верным принципам великого прусского короля.

Таким образом, не имея против Суворова ничего прямо неприязненного, Государь, однако, не чувствовал к нему расположения. Почти то же самое, по рефлексии, происходило и в Суворове, помимо преданности верноподданного Государю. Но, живя почти всегда в провинции... Суворов не представлял себе Павла Петровича таким, каким его олицетворяли другие, стоявшие ближе к центру дел и закулисных тайн. Оттого первое время по вступлении Павла на престол Суворов находил в новом царствовании даже немало хорошего, и лишь по прошествии нескольких недель вся новизна получила настоящее освещение»³.

Но рассмотрим взаимоотношения Павла и Суворова подробнее.

Вот что писал Император полководцу 15 декабря 1796 г.: «Что было прежде, того не воротишь...; кто старое помянет, тому глаз вон... Поздравляю с Новым годом и зову приехать к Москве, к коронации, если тебе можно. Прощай, не забывай старых⁴ друзей. *Павел*. Приводи своих в мой порядок пожалуй» .

Обратим здесь внимание на последнюю фразу. Император не приказывает, а *дружески просит* Суворова привести вверенные ему войска в соответствие с новыми требованиями службы. Мало к кому строгий Павел обращался подобным образом! И эта дружеская просьба не есть ли знак симпатии Павла к Суворову? Г. И. Меерович и Ф. В. Буданов⁵ усмотрели в тоне письма лишь проявление фамильярности⁶, но Павел фамильярности не терпел⁶, и это утверждение можно оставить на совести авторов.

Но что же Суворов? В написанном 29 декабря 1796 г. ответе на письмо Павла он обещает Императору «самопоспешнейше» реорганизовать по новым правилам вверенную ему Екатеринославскую дивизию⁷. Но тут же допускает несколько нарушений вновь установленных правил службы (присылка в Петербург с частной корреспонденцией капитана вместо фельдъегеря, оставление при себе в прежнем виде штаба, который приказано было распустить, и т. д.), за что несколько раз Император выражал ему свое неудовольствие⁸. Впрочем, фельдмаршал, несмотря на данное Императору обещание, оставляет в своей дивизии все по-старому, за исключением переобмундирования войск и введения предусмотренного новым уставом аршинного шага. 14 января 1797 г. Павел прямо пишет ему: «Вообще же рекомендую поступать во всем по уставу»⁹.

Суворов, явно обиженный, просится в годичный отпуск, на что получает отказ, а чуть позднее — повеление прибыть в Петербург. 3 февраля Суворов отправляет Павлу прошение об отставке, мотивируя ее тем, что поскольку войны нет, то ему в армии делать нечего. 6 февраля отставка была дана¹⁰.

«Отставка была Суворовым получена перед половиной февраля, но не вследствие его прошения, а по инициативе Государя», — писал А. Ф. Петрушевский¹¹. Но здесь автор

явно лукавит. Вслед за вышеприведенной фразой он цитирует Высочайший приказ, отданный при пароле 6 февраля 1797 г.: «Фельдмаршал граф Суворов, отнесясь Его Императорскому Величеству, что так как войны нет и ему делать нечего, за подобный отзыв оставляется от службы»¹².

«Высочайшие приказы Императора Павла отличались редкой точностью формулировок. То, что говорилось в них, обыкновенно соответствовало истине — все называлось своими именами», — писал В. А. Томсинов, кстати, в качестве примера подобной точности приведший прошение Суворова и Высочайший указ Павла от 6 февраля¹³. Так что, как следует из текста Высочайшего указа, инициатором отставки выступил именно Суворов, а не Павел, который, наоборот, стремился оставить фельдмаршала на службе.

«Новый Император Павел I... никогда не был предубежден по отношению к Суворову. Вопреки утверждениям позднейших авторов, он относился к полководцу с уважением, но оставлял за собой право преобразовывать армию согласно новым ее задачам. Государь хотел соединить таланты преуспевшего в польских и турецких войнах Суворова с лучшими уставами Западной Европы... Но старый фельдмаршал, привыкший к большой свободе действий, упорно поступал вопреки субординации, несмотря на просьбы, а затем и приказания Монарха, посему и оставлен был от службы... Великий Суворов, но как человек — со слабостями", по выражению поэта Г. Р. Державина, он, обладавший немалым честолюбием и раздраженный ограничением привилегий фельдмаршалов, фактически сам оказался виновником своей размолвки со справедливым, хотя и вспыльчивым Императором Павлом», — отмечали В. А. Локтющенко и А. Ю. Егоров.¹⁴ И это утверждение, на наш взгляд, справедливо. Ведь Александр Васильевич, пусть и в силу объективного неприятия военных реформ Павла, но тем не менее фактически саботировал распоряжение Императора, с чем тот в конце концов не захотел мириться.

Год спустя Павел вновь пригласил Суворова в Петербург, желая помириться с фельдмаршалом и вновь призвать его на службу. Государь с величайшим нетерпением ждал при-

езда прославленного полководца. После первой аудиенции Император и фельдмаршал отбыли на вахтпарад, который специально для Суворова был проведен не по обычному сценарию: солдаты на разводе ходили скорым шагом в атаку. Несмотря на радушный прием и внимание Павла, Суворов лишь дурачился и капризничал. Своему племяннику А. И. Горчакову, флигель-адъютанту Павла, он говорил, что согласен вернуться на службу лишь в случае предоставления ему ¹⁵ тех полномочий, какие он имел в екатерининское время .

«...Государь не раз приглашал Суворова к своему столу и на развод, обращался с ним милостиво, наводил разговор на прежнюю тему о поступлении на службу, но получал в ответ уклончивые заявления о старости и болезнях, — писал А. Ф. Петрушевский. — Мало того, Суворов не переставал „блажить“, не упуская случая подшутить и осмеять новые правила службы, обмундирование, снаряжение не только в отсутствие, но и в присутствии Государя... Между проходившими церемониальным маршем взводами Суворов бегал и суетился, что считалось крайним нарушением порядка и строевого благочиния... Через несколько дней последовал приказ о благочинии на разводах, которым строго подтверждались правила порядка, нарушенные Суворовым, но имя его в приказе не упоминалось.

Государь переламывал себя и оказывал Суворову необыкновенную снисходительность и сдержанность, но вместе с тем недоумевал о причинах упорства старого военачальника» ¹⁶ . Вскоре Суворов, испросив разрешения Павла, вновь уехал в деревню ¹⁷ .

Обратим внимание: и в 1797, и в 1798 гг. Павел первым протягивает Суворову руку, желает видеть его на службе. Но тот категорически не соглашается на сближение, выдвигая для возвращения на службу условия, для Павла абсолютно неприемлемые.

Безусловно, военные реформы Павла имели ряд негативных моментов. Столь же бесспорно, что Суворов крайне отрицательно оценивал эти реформы. Но здесь есть одна интересная деталь: Суворов фактически не пытался объяснить

Павлу Петровичу негативные моменты его преобразований в военной сфере, не пытался помочь Императору направить реформы в русло продолжения традиций русского национального военного искусства, гениальнейшим представителем которого являлся. Вместо этого он встал на путь откровенного дурачества и простого поношения действий Государя, иногда, как в случае с Екатеринославской дивизией, даже обманывая его. В письмах полководца этого периода — беспощадная критика павловских нововведений и откровенная обида за себя, доходящая порой до по-детски наивного сравнения себя с пруссаками и с самим Фридрихом Великим, с подчеркиванием своего превосходства над ними ¹⁸.

Обида и беспокойство Суворова — не только за себя, но в первую очередь за судьбу русской армии — понятны. Но, критикуя павловские порядки в армии в письмах к родственникам и сослуживцам, с самим Павлом в переписку на эту тему полководец не вступил. А Император, возможно, ждал от него таких писем и вряд ли оставил бы их без внимания... Вероятно, он разговаривал с Суворовым о военных реформах с глазу на глаз, но, увы, содержание их бесед нам не суждено узнать...

Вообще следует признать, что в большинстве случаев полководец вел себя с Императором просто-напросто некорректно. никоим образом не хочется осуждать здесь Александра Васильевича, но при всем восхищении суворовским военным гением необходимо отметить его крайне нелегкий характер — те самые «слабости», о которых писал Г. Р. Державин и которые отмечали другие современники ¹⁹.

6 февраля 1799 г. Суворов получил от Государя следующий рескрипт: «Граф Александр Васильевич! Теперь нам не время рассчитывать. Виноватого Бог простит. Римский Император требует вас в начальники своей армии и вручает вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а ваше спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы вашей времени, а у меня удовольствия вас видеть. Павел» ²⁰. 9 февраля 1799 г. фельдмаршал вновь прибыл в Петербург — на сей раз для того, чтобы встать во главе русско-австрийских войск в Италии. Теперь фельдмарша-

ла будто подменили — никаких чудачеств. При встрече Император и полководец обнялись. Несколько дней спустя, 13 февраля, Павел возложил на колени преклоненного Суворова знаки большого креста ордена Св. Иоанна Иерусалимского. И напоследок сказал ему знаменательную фразу: «Веди войну по-своему, как умеешь»²¹. Таким образом, Павел предоставлял Суворову полную свободу действий. Кстати, встречающееся во многих изданиях о Суворове утверждение о том, что, не доверяя полностью полководцу, Император отправил к нему в качестве своего соглядатая генерал-лейтенанта И. И. Германа, как показал Б. В. Галенко, не имеет оснований²².

Не будем здесь описывать Итало-швейцарский поход А. В. Суворова — это увело бы нас далеко от исследуемой темы. Отметим лишь, что из-за предательства австрийцев и англичан политические результаты кампании 1799 г. для России свелись к нулю²³. Но это нисколько не отнимает лавров и славы у русских солдат и у гениального их предводителя!

«Лейтенская кампания Фридриха II красива, Итальянская кампания Бонапарта блестяща. Швейцарский поход Суворова бессмертен. Такой яркой, торжествующей победы духа над материей не выпадало на долю ни одного народа, ни одной армии в мире», — писал А. А. Керсновский²⁴.

Гремели на весь мир суворовские победы, и Император жаловал полководца все новыми наградами. 14 мая 1799 г. Суворов награжден перстнем с портретом Павла, 13 июля — его портретом для ношения на груди, 8 августа возведен в княжеское достоинство Российской империи с титулом князя Итальянского, 24 августа приказал отдавать Суворову воинские почести «подобно отдаваемым особе Его Императорского Величества», 29 октября он произведен

Большой крест
ордена Св. Иоанна
Иерусалимского

Памятник А. В. Суворову и российским солдатам у Чертова моста в Швейцарии

в Генералиссимусы всех российских войск, 1 ноября Военной Коллегии повелено вести переписку с Суворовым не указами, а сообщениями, и, наконец, 4 ноября Павел повелевает изготовить статую Суворова²⁵. Список внушительный, и это без учета иностранных наград. После пожалования полководца в Генералиссимусы Павел сказал графу Ф. В. Ростопчину: «Это много для другого, а Суворову мало: ему быть Ангелом»²⁶.

Весьма интересна история с княжеским титулом А. В. Суворова. Впервые в России княжеский титул, пожалованный за заслуги, передавался по наследству. Но многие ставили в вину Павлу то, что, даровав Суворову княжеский титул. Император велел именовать его не «светлостью», как обычно в России именовали князей, а лишь «сиятельством» — как баронов и графов. Но серьезно исследовавший вопрос о княжеском титуле Суворова К. Л. Козюренко отметил, что в России до конца XVIII в. не существовало четкой регламентации в вопросе княжеского титулования, впервые она была четко оговорена лишь при Павле. До того же именование «светлость» в России бытовало лишь по примеру Священной Римской империи. При возведении в княжеское достоинство А. А. Безбородко в 1797 г. было специально оговорено, что он жалуется с титулом «светлости»: пожалованный князем в 1799 г. П. В. Лопухин получил право пользоваться титулом «светлости» лишь через месяц после пожалования, а последний из пожалованных Павлом в князья, Иосиф Аргутинский-Долгорукий, разрешения титуловаться «светлостью» так и не получил. К. Л. Козюренко приходит к обоснованному выводу о том, что Павел рассматривал титул «светлости» как следующую ступень после

пожалования в князя Российской империи, а автоматически этой формой титулования могли пользоваться лишь князья Священной Римской империи (А. В. Суворов был лишь имперским графом, а Сардиния, князем которой являлся полководец, в состав империи не входила, и этот титул права на «светлость» не давал). Исследователь также высказывает не лишнее оснований предположение о том, что пожалование титула «светлости» готовилось Суворову в Петербурге в качестве составной части триумфальных мероприятий, ожидавших его в столице²⁷.

Суворов действительно возвращался в Россию с триумфом. «Русское общество гордилось своим героем и восторженно ему поклонялось. Император Павел был настоящим представителем национального настроения; все свои рескрипты он сопровождал изъявлениями самого милостивого расположения к Генералиссимусу, говорил о своем с ним единомыслии, спрашивал советов, извинялся, что сам дает наставления», — писал А. Ф. Петрушевский²⁸. Суворова в столице ожидала чрезвычайно пышная и торжественная триумфальная встреча²⁹.

Но на пути в Отечество фельдмаршала постигла новая опала. 20 марта 1800 г. Суворов получил от Императора рескрипт с выговором: «Господин генералиссимус, князь Итальянский, граф Суворов Рымникский. Дошло до сведения моего, что во время командования войсками моими за границей имели вы при себе генерала, коего называли дежурным, вопреки всех моих установлений и Высочайшего устава; то и удивляясь оному, повелеваю вам уведомить меня, что вас понудило сие сделать»³⁰. По единодушному мнению исследователей биографии А. В. Суворова, этот рескрипт был для полководца тяжелым ударом³¹.

Что же послужило причиной этой опалы и, как следствие, отмены триумфальных торжеств в Петербурге? Исчерпывающего ответа на этот вопрос нет до сих пор, эта тема нуждается в серьезном и глубоком исследовании. Мы здесь выскажем лишь некоторые соображения, на наш взгляд обоснованные и могущие хотя бы отчасти прояснить этот вопрос.

К. Л. Козюренко, специально и подробно изучавший причины последней опалы А. В. Суворова, писал, что «в начале 1800 г... Суворов совершил ряд шагов, которые вполне могли раздражить Павла... Как известно, в декабре 1799 — январе 1800 г. Россия совершила резкий поворот в своей внешней политике, выйдя из войны и второй коалиции против Франции. В период с января по апрель 1800 г. Император фактически разорвал отношения с бывшими союзниками. Более того, уже в январе Павел говорил о своей готовности откликнуться на мирные предложения Бонапарта. Однако Суворов в это же время вел в Чехии переговоры с английским посланником в Вене Минто и австрийским представителем Бельгардом, а также неаполитанским дипломатом Гало, которые пытались предотвратить выход России из коалиции. Хотя Генералиссимус, судя по всему, держался в рамках данных ему из Петербурга инструкций, не было тайной, что он ждал возобновления войны и, возможно, „был против выхода России из коалиции“...

Еще одной характерной чертой Павла являлось то, что „лица, уличенные в отступлении от установленного порядка, сурово наказывались, вне зависимости от тяжести проступка и прошлых заслуг“. В этой связи мы бы не рискнули считать „вздорными“ возможные причины недовольства Императора Суворовым из-за состояния российских войск, возвращавшихся на родину. Кроме того, Генералиссимус в половине марта 1800 г. „отказался выполнить переданное ему пожелание Павла I сложить с себя звание австрийского фельдмаршала“ и даже высказывал желание появляться в Петербурге в этом мундире. Это последнее тоже могло быть расценено Императором как nepозволительная дерзость и открытая демонстрация против его политики»³².

Из вышеприведенной большой цитаты видно, что причины для недовольства Суворовым у Павла все-таки были. И за границей полководец продолжал своевольничать, причем вплоть до дипломатических сфер...

Еще один важный аспект изменения отношения Павла к Генералиссимусу, который нельзя сбрасывать со счетов, — действия петербургских недоброжелателей Суворова. Более

всего в этих интригах старался и преуспел печально известный граф П. А. фон дер Пален. Именно он, вероятнее всего, распространяя перед Павлом клеветнические слухи о Генералиссимусе, добился отмены торжественных мероприятий по случаю возвращения Суворова в столицу³³.

И еще один важный момент. Не следует забывать, что к моменту прибытия в Петербург Александр Васильевич был уже тяжело болен. «Отправился в столицу не Суворов, а скорее его призрак или тень; ехал он в дормезе, лежал на перине, заблаговременно сообщив по пути вперед, чтобы не было никаких торжественных встреч и проводов», — писал А. Ф. Петрушевский³⁴. Едва ли умирающему полководцу было до триумфальных встреч. Вечером 20 апреля 1800 г. Суворов прибыл в Петербург, а во втором часу пополудни 6 мая его не стало³⁵.

Пожалуй, самой известной церемонией павловского царствования, вызвавшей массу нареканий в адрес Императора, стали похороны Суворова 12 мая 1800 г.

«Со смертью и погребением А. В. Суворова связано множество легенд и выдумок, — писал А. Н. Лукирский. — В историографии распространено мнение о попытках Павла I унижить полководца и у порога могилы, которые нашли отражение в церемониале похорон»³⁶.

Упреки в адрес Павла касаются назначения церемониала похорон, караула, наряженного на погребение, и отсутствия на похоронах придворных и высших должностных лиц³⁷. Но А. Н. Лукирский на основе изучения документов той эпохи пришел к следующим выводам.

Похороны А. В. Суворова как Генерал-Фельдмаршала, а не как Генералиссимуса были вызваны не желанием Павла унижить полководца, а отсутствием в номенклатуре воинских чинов русской армии чина Генералиссимуса и, соответственно, отсутствием регламента его похорон. Таким образом, А. В. Суворова хоронили по церемониалу, предусмотренному именно для Генерал-Фельдмаршала как высшего воинского чина русской армии.

В караул на погребение были выделены не чины гарнизонных батальонов, как писали некоторые мемуаристы.

а чины армейских полков Петербургского гарнизона. Кавалерия не участвовала в погребении по той причине, что армейские кавалерийские полки в состав Петербургского гарнизона не входили. В целом же в похоронах А. В. Суворова участвовало то количество войск, которое (исключая кавалерию) было предусмотрено для похорон Генерал-Фельдмаршала уставом. Гвардия также формально не входила в состав столичного гарнизона, подчиняясь непосредственно Императору, и, кроме того, в уставе не оговаривается участие Гвардии в церемонии похорон Генерал-Фельдмаршалов. Однако Д. П. Рунич (правда, с чужих слов) упоминает об участии Гвардии в церемонии погребения. Об участии преобразенцев в похоронах Суворова упоминается и в одной из историй Преображенского полка.

Что же касается придворных и сановников, то их на похоронах полководца было немало — около 150 человек, среди них — президент Военной Коллегии граф Н. И. Салтыков, вице-президент Адмиралтейств-Коллегий граф Г. Г. Кушелев, обер-шталмейстер граф И. П. Кутайсов, граф Ф. В. Ростопчин, граф П. А. Пален и др. Об этом свидетельствуют как сохранившийся список лиц, участвовавших в погребении, так и ряд мемуаров³⁸.

А что же Павел, как он повел себя в этот печальный для всей России день?

«12 мая тело почившего героя перевезено было в Невскую лавру... По словам биографа Суворова,³⁹ в числе поджидавших печальную процессию находился и государь с небольшой свитой, на углу Невского и Садовой. По приближении гроба Павел I снял шляпу; в это время за спиной его раздавалось громкое рыдание, он оглянулся и увидел, что генерал-майор Зайцев, бывший в итальянскую войну бригад-майором, плачет навзрыд, не в состоянии будучи удержаться. Гроза могла грянуть, но все обошлось благополучно; государь не мог пересилить самого себя, и у него из глаз капали слезы.

Он похвалил Зайцева за искренность чувств; пропустив процессию, тихо возвратился во дворец, весь день был не весел, всю ночь не спал и беспрестанно повторял слово „жаль“»⁴⁰.

Здесь хотелось бы сказать несколько слов об упомянутом выше Алексее Дмитриевиче Зайцеве. В 1800 г. он был лишь капитаном (генералом стал только в 1828 г.). Должность бригад-майора приблизительно соответствовала должности начальника штаба бригады, а в более широком смысле — офицера штаба армии. В должности бригад-майора А. Д. Зайцев принял участие в Итало-швейцарском походе (в капитаны произведен за боевые отличия). На момент погребения А. В. Суворова он состоял лично при особе Императора, а позднее был назначен комендантом Выборгской крепости⁴¹. «Итак, вместо образа пожилого суворовского ветерана, чуть ли не под угрозой неминуемого наказания рыдающего в толпе по опальному полководцу, перед нами тридцатилетний офицер из той самой свиты, с которой Павел выехал прощаться с А. В. Суворовым. Уже само постоянное пребывание „при особе Государя“ подобного человека много значит для понимания истинного отношения Императора к своему Генералиссимусу... Для того времени карьера просто феерическая, и объяснить ее можно только искренним желанием Павла I постоянно иметь при себе офицера с богатым практическим опытом штабной службы в Итало-швейцарском походе у А. В. Суворова. Не удивительно, что именно А. Д. Зайцева Император взял с собой провожать в последний путь Генералиссимуса. Как тут не вспомнить бытующее в историографии мнение о якобы неприязни Павла к участникам Итало-швейцарского похода!», — пишет К. Л. Козюренко⁴².

В своем исследовании он поднял и еще один важный вопрос, и здесь уместно будет вновь предоставить ему слово: «С конца XIX в. в литературе широко распространено мнение, что Павел „всего лишь“ выехал навстречу печальному кортежу, чтобы проститься с покойным. Очевидно, подразумевается, что Государь должен был сопровождать процессию либо же присутствовать на церемонии погребения Суворова. Не сделав этого, он принизил значение события и продемонстрировал свое негативное отношение к усопшему. Но следует заметить, что во время предшествующих женских правлений XVIII в. о личном прощании самодержицы

с самыми выдающимися из скончавшихся государственных деятелей речь даже не заходила... Во всяком случае, в начале царствования Павла организованные по Высочайшим распоряжениям пышные церемонии погребения даже весьма знатных персон современники фиксировали как нечто необычное. Таким образом, поступок, совершенный Императором 12 мая 1800 г., противоречил сложившейся традиции именно в том смысле, что был невиданным до тех пор знаком высочайшего уважения Государя к скончавшемуся полководцу»⁴³.

Как мы видим, факты говорят о том, что А. В. Суворов был погребен со всеми подобающими почестями, и смерть его была для Павла тяжелым ударом.

Еще одним свидетельством уважительного отношения Императора к полководцу является распоряжение Государя от 1 ноября 1799 г. об установке прижизненного памятника А. В. Суворову. До Александра Васильевича никто в России не удостоивался такой чести! Не останавливаясь подробно на истории самого памятника, ибо она достаточно известна, скажем лишь, что Павел ни в коем случае не запрещал его устанавливать, а задержка работ, возникшая летом 1800 г., связана прежде всего с тем, что все силы были брошены на достройку Михайловского замка. Но как только замок достроили, создание суворовской статуи возобновилось, и 17 декабря 1800 г. в Академию художеств было направлено распоряжение об установке памятника Генералиссимусу весной 1801 г., до отъезда Павла в Гатчину. А виной очередной задержки с установкой монумента стала, увы, гибель самого Императора»⁴⁴.

Вообще, что касается «неприязни» между Павлом и Суворовым, тут невольно приходит на ум описанная выше история «неприязненных» взаимоотношений Павла Петровича и графа В. П. Мусина-Пушкина, которого Павел по восшествии на престол (уж не из чувства ли неприязни?) произвел в фельдмаршалы.

«Отношение Генералиссимуса к Павлу выразилось в его знаменитой фразе: „Возлюбленный Государь — неумолимый деспот!“, — пишет Ю. А. Сорокин. — Суворов — убежденный

монархист — не просто почитал Павла как своего Государя, но любил его, хотя и не одобрял многие Павловские реформы... Павел Петрович вообще умел ладить с людьми, не разделявшими его убеждения и даже смеявшимися говорить об этом»⁴⁵.

Бесспорно, между Императором Павлом и А. В. Суворовым существовал конфликт, и конфликт весьма серьезный. Каждый из них отстаивал свой взгляд на развитие и судьбу русской армии. Но это был конфликт не только двух военных людей, но и конфликт двух сильных и незаурядных личностей, обладавших весьма непростыми характерами. И, надо сказать, в этом противостоянии на уступки шел не Суворов, а именно Павел, что лишний раз доказывает уважительное отношение Императора к полководцу. И, несмотря на то что в этом чрезвычайно остром конфликте обе стороны нередко «перегибали палку», несомненно, что Государь и Генералиссимус относились друг к другу с величайшим уважением, и ни о какой ненависти или зависти Павла по отношению к полководцу речи быть не может.

Глава одиннадцатая

ИМПЕРАТОР И СОЛДАТ

Безусловно, на жизнь Петербурга вообще и военного Петербурга в частности огромное влияние оказывала личность самого Императора Павла. Чрезвычайно ярко это проявлялось во взаимоотношениях между Павлом и офицерами и солдатами гарнизона.

«Многие современники отмечают молниеносные переходы настроения Павла I от гнева к великодушию: ссыльный офицер, попавший под горячую руку и наказанный несправедливо, мог быть возвращен на следующий день в полк с повышением или с подарком, — пишет К. В. Григорьев. — Экцентричность Государя, частая его смена гнева на милость, а иногда и наоборот, были причиной тому, что по количеству анекдотов и историй царствование Павла I может сравниться с царствованием Петра Великого. Эти анекдоты не всегда имеют под собой реальные события, но определенным образом характеризуют настроение общества. Можно отметить, что большинство историй имеют счастливый конец, и не беспочвенно будет предположить, что и в жизни часто торжествовало правосудие»¹.

Офицеров, ревностно относящихся к исполнению своих обязанностей, Государь всегда отмечал. А. Х. Эйлер вспоминал: «...я, робкий в обществах, бывал во фронте перед строгим Императором как дома, никогда не был штрафован и получил от Государя в 1798 году хорошие английские золотые часы, в 1799 году — бриллиантовый перстень и в 1800 году — из собственных рук Императора орден Св. Иоанна Иерусалимского...»²

«Император Павел I, несмотря на всю свою строгость и требовательность по службе, относился к гвардейским

офицерам чрезвычайно милостиво, — отмечал П. Н. Дирин. — Если небрежность и незнание службы вызвали его гнев, то... имевший случай вызвать удовольствие Государя мог всегда рассчитывать на его благорасположение и щедрые награды»³.

Одной из милостей Павла по отношению к офицерам Гвардии являлось его присутствие на их свадьбах, проходивших либо в Зимнем дворце, либо в пригородных резиденциях⁴. О прочих наградах — чинах, орденах, табакерках и т. д., — жалуемых за успехи в службе, уже упоминалось выше.

Впрочем, чтобы не впадать в крайность, нужно отметить, что служба была при Павле действительно трудной, и офицеры нередко подвергались взысканиям.

«Проступки офицеров заключались, по-видимому, исключительно: 1) в несоблюдении установленной формы; 2) в манкировке службою (главным образом, в опаздывании на вахт-парад)», — писал С. А. Панчулидзе⁵.

Наиболее строго Император относился к проступкам, порочащим честь и достоинство офицеров.

«Красноречивым доказательством, насколько были суровы в то время наказания для гг. офицеров, является дело двух офицеров Лейб-Гренадерского полка, преданных военному суду за игру в карты и за драку, произведенную в пьяном виде. Военный суд, приговорив одного из офицеров к аресту на шесть месяцев, а другого к разжалованию в рядовые на один год, повергнул свое решение через генерал-аудитора на благоусмотрение Государя Императора.

Император Павел, подробно ознакомившись с представленным делом и видя в нем одно из проявлений распущенности минувшего царствования, приказал виновных офицеров лишить чинов, дворянского достоинства и, преломив шпаги над головой, отослать с фельдъегерем „на работу в Екатеринбург“»⁶.

Лишен чинов и посажен в крепость за карточную игру был поручик Преображенского полка Сокорев, а штабс-ротмистр Конной Гвардии Бороздин был заключен в крепость «на хлеб и воду на шесть недель за хвастовство, что он будет пожалован к⁷ Его Императорскому Величеству во флигель-адъютанты».

«Самые суровые приговоры павловских судов — по делам чести...

Честь была любимой темой бесед, приказов, приговоров Павла I. Многие наблюдатели (например, Ланжерон) отмечали стремление царя уменьшить в армии пьянство, разврат, карточную игру», — писал Н. Я. Эйдельман⁸.

Впрочем, Павел карал не только простых офицеров. Во имя торжества справедливости не щадил он и своих любимцев. Яркий тому пример — случай, произошедший в Петербурге осенью 1799 г.

В ночь с 23 на 24 сентября неизвестный злоумышленник проник в здание Санкт-Петербургского арсенала и похитил две медные позолоченные трубы и литавренные заветы, а также обрезал галуны с кистями, находившиеся на парадной литавренной колеснице 1-го Артиллерийского полка, пожалованной полку за отличие в Семилетней войне⁹. Случилось так, что в ночь кражи караул в арсенале несли чины артиллерийского батальона, которым командовал брат генерал-инспектора артиллерии А. А. Аракчеева генерал-майор Андрей Андреевич Аракчеев¹⁰.

«Из сохранившихся документов неясно, то ли Алексей Андреевич (Аракчеев. — *Е. Ю.*) сознательно направил следствие по ложному пути, желая выгородить брата, то ли офицеры, которым поручено было провести расследование происшествия, сами стали на сей путь, но фактом остается, что в результате принятых к отысканию виновных мер было установлено: кража в арсенале могла быть совершена „и не в ту ночь, а прежде“. А в этом случае виновным оказывался генерал-лейтенант Вильде, от полка (батальона. — *Е. Ю.*) которого стоял тогда караул.

Получив от следователей такой рапорт... Аракчеев передал его со своим донесением Государю. Павел Высочайшим приказом от 29 сентября отставил Вильде от службы. Чувствуя себя пострадавшим невинно, отставленный генерал обратился за помощью к Ивану Павловичу Кутайсову. Тот не упустил случая навредить высокомерному Аракчееву и немедленно доложил Его Величеству о том, как все было на самом деле», — писал В. А. Томсинов¹¹.

Генерал-майор Д. П. Струков излагает этот эпизод более подробно: «На карауле при Арсенале в день обнаружения кражи стояла команда от батальона брата графа, генерал-майора Андрея Аракчеева; последнему, а равно и управляющему Арсеналом полковнику Апрелеву граф Аракчеев приказал принять „всевозможные меры к отысканию... виновных помянутой кражи“. Оба донесли, что ими ведется самое энергичное расследование, причем Андрей Аракчеев в рапорте представил: „Со стороны моей употреблены всевозможные средства к отысканию виновных между бывшими в тот день в карауле на арсенальной гауптвахте, но все оные и каждый собственно единодушно и утвердительно отозвались тем, что об оной покраже ничего не знают и что они вверенное им по наружности, как то: замки, печати, окна и двери — все сохранили, а внутренность видеть и за оную отвечать не могли. Находящийся же при приеме осадной артиллерии подпоручик Миллер показывает, что в окнах того магазейна, где начальники арсенала полагают будто бы и сделано похищение чрез попорченные решетки, что оные изломаны были прежде, что самое дает причину всякому думать, что, может быть, и покража оная сделана была не ту самую ночь, а прежде“.

Накануне стоял караул от баталиона генерал-лейтенанта Вильде. Спасая брата или же сам уверовав в показание Миллера, граф Аракчеев донес Государю о случившемся в духе приведенного рапорта. Быстрый в решениях. Император Павел тотчас уволил от службы генерала Вильде. Истина, однако, восторжествовала; злоумышленники были пойманы, ими оказались трое нижних чинов лейб-гвардии артиллерийского баталиона и двое арсенальных мастеровых, которые при первом же следствии показали, что кража совершена ими в ночь содержания караула именно командою баталиона Аракчеева.

Оба Аракчеева - и инспектор всей артиллерии, и шеф баталиона - были отставлены от службы»¹².

1 октября 1799 г. был объявлен следующий Высочайший приказ: «Генерал-лейтенант Аракчеев 1-й за ложное донесение и что в противность устава нарядил дежурным штаб-

офицера из другого батальона, а не от того, который стоял тогда в карауле, отставляется от службы»¹³.

«Существует мнение, что опала Аракчеева в 1799 году была организована участниками заговора против Императора, которые не имели бы шансов на успех в случае, если бы он оставался в столице», — писал А. Н. Сахаров¹⁴. Судя по многим факторам, с этим мнением вполне можно согласиться.

А колесница, сыгравшая столь печальную роль в судьбе А. А. Аракчеева, да, пожалуй, и самого Павла, и, по сути, повлиявшая на ход русской истории, до сих пор является одним из самых замечательных экспонатов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи¹⁵.

Строгость Павла по отношению к офицерам заставила многих из них оставить службу, что имело и положительные последствия — в связи с большим количеством освободившихся вакансий значительно ускорило чиновничество¹⁶.

Кстати, постоянно встречающиеся в мемуарах и оттуда перекочевавшие в историческую литературу рассказы о страшных репрессиях в отношении офицеров — разжалованиях за малейшую оплошность, ссылки и т. д. — имеют мало общего с действительностью. По последним подсчетам, подвергнуто тюремному заключению, отправлено на каторгу и в ссылку не более 300 офицеров, причем случаи ссылки в Сибирь — единичные, и почти все они — по делам чести. Чаще же всего офицер ссылался в свое имение или переводился в более отдаленный полк. Впрочем, даже суровые взыскания в случае исправления виновного редко отражались на его карьере — Император наказывал не человека, а проступок, и многие исключенные вскоре вновь возвращались на службу¹⁷.

Но если столь трудной была офицерская служба, то каково же было служить солдату, тем более что в литературе общим местом стали рассказы о чрезвычайно суровом отношении Павла к нижним чинам, о беспощадных наказаниях солдат за малейшую провинность?¹⁸

Как ни парадоксально это прозвучит, но практически все мемуаристы единодушны в признании того факта, что сол-

даты любили Павла¹⁹. «Их по-прежнему били, секли, но они были избавлены от произвола начальников, значительно улучшилось содержание рядовых, наверное, впервые получавших все, что им было „должно“, — писал А. М. Валькович. — Срок службы для всех без исключения податных сословий был определен в 25 лет. Но теперь никто не мог использовать солдат для частных, „собственных работ“; ничто не мешало им в свободное от службы время отправляться на вольные работы и помимо жалованья иметь дополнительный доход.

Удачный развод или учение, доставившие „отменное удовольствие" Императору, довольно часто и щедро вознаграждались: сыпались рубли или наливались чарки, дымились артельные котлы с мясом...»²⁰.

Павел много внимания уделял медицинскому обеспечению военнослужащих, прежде всего нижних чинов. Он часто и охотно посещал госпитали, проявлял заботу об их благоустройстве. Состояние медицины в армии было предметом его постоянного внимания²¹.

Выше уже говорилось об улучшении при Павле вещевого довольствия нижних чинов. Улучшено было и питание солдат, хотя по ряду причин здесь оставались сложности, прежде всего из-за отсутствия соответствующего санитарного надзора и нерациональности самой системы обеспечения войск продовольствием, которую Павел изменить не смог. Но именно он возложил на военных врачей функции санитарного надзора как за продуктами, так и за состоянием нижних чинов в целом²².

Было увеличено жалованье нижних чинов и офицеров.²³

Любовь и уважение Павла к солдату проявились и в учреждении для них специальной награды - Знака отличия ордена Св. Анны, или Аннинской медали. Эта медаль, учрежденная 12 ноября 1796 г., жаловалась нижним чинам за 20 лет «беспорочной» службы, а затем, до учреждения в 1807 г. Знака отличия Военного Ордена, и за храбрость на поле боя. Медаль изготавливалась из позолоченного серебра, диаметр ее составлял 24,5 мм. На лицевой стороне под императорской короной помещался залитый красной эмалью

равноконечный крест с уширенными концами, вокруг креста, перекрываемое короной, шло красное эмалевое кольцо. На оборотной стороне медали имелось такое же кольцо, а в центре выбивался порядковый номер. Медаль носили на груди на ленте ордена Св. Анны — красной с золотой каймой по краям. Награжденные Аннинской медалью освобождались от телесных наказаний, исключались из подушного оклада и получали добавочное жалованье. Аннинская медаль стала первой в России «выслужной» медалью для нижних чинов. Ее разрешалось носить и после производства в офицеры. Всего при Павле²⁴ ею было награждено более 36 тысяч человек.

В 1798 г. Павел вместе с орденом Св. Иоанна Иерусалимского учреждает к нему donat (знак отличия) для награждения нижних чинов также за «беспорочную» службу. С 10 октября 1800 г. и до смерти Императора donat жаловали вместо Аннинской медали. Он представлял собой золотой мальтийский (с раздвоенными концами) крест диаметром 24,4 мм, между концами которого располагались украшения в виде золотых лилий. Нижний и поперечные концы креста с обеих сторон покрывались белой эмалью. На оборотной стороне верхнего луча креста, не покрытой эмалью, выбивался порядковый номер. Donat носился на груди на черной ленте ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Всего им было награждено 1127 человек²⁵.

Забота Павла касалась не только служащих солдат, но и инвалидов. Создание Лейб-Гвардии Гарнизонного батальона — не единственный тому пример.

14 января 1797 г. был объявлен следующий именной указ Императора: «Его Императорское Величество Государь Император Высочайше повелеть соизволил: следуемое Его Величеству из Адмиралтейской Коллегии по званию Генерала-Адмирала жалованье и провиант обратить на содержание инвалидов, находящихся ныне на Каменном Острове, а равно и впредь имеющих определяться по Высочайшему Его повелению...»²⁶.

Примером истинно отеческого отношения Павла к солдатам может служить и тот факт, что Император стал крест-

ным отцом более тридцати детей нижних чинов Лейб-Гвардии Преображенского полка и Лейб-Гвардии Артиллерийского батальона²⁷. А трем преображенцам — рядовым Ивану Яковлеву и Власу Давыдову и унтер-офицеру Андрею Манцуру — выпала честь «по соизволению Государя» сыграть свадьбы в Большой церкви Зимнего дворца²⁸.

Особенно ярко преданность солдат Павлу проявилась после его убийства. Так, Лейб-Гвардии Конный полк, по воспоминаниям Н. А. Саблукова, отказался присягать Александру, пока нескольким специально отряженным солдатам не было показано тело покойного Государя²⁹.

«Император Павел, несмотря на всю свою строгость и вспыльчивость, любил солдата, и тот чувствовал это и платил ему тем же, — писал А. А. Керсновский. — Безмолвные шеренги плачущих гренадер, молча колеблющиеся линии штыков в роковое утро 11 марта 1801 года являются одной из самых сильных по своему трагизму картин в истории русской армии»³⁰.

«Кадеты любили покойного Государя, и многие из нас заплакали», — вспоминал Ф. В. Булгарин о получении в 1-м Кадетском корпусе известия о смерти Императора³¹. Он же писал и об особой чести, предоставленной кадетам 1-го Кадетского корпуса — содержать караул у гроба Павла Петровича в Михайловском замке, а во время похоронной процессии следовать впереди и позади погребальной колесницы под ружьем и со знаменами (кадеты 2-го Кадетского корпуса шли по бокам колесницы всего лишь с факелами). И только кадеты 1-го корпуса вошли во время церемонии погребения под ружьем внутрь Петропавловской крепости, в то время как остальные части гарнизона выстраивались за ее гласисом³².

В мемуарах современников царствование Павла характеризуется зачастую огромным количеством нелепых распоряжений, в том числе и касающихся военной службы³³. Но нелепыми эти распоряжения выглядели чаще всего вопреки воле монарха.

«Тяжесть службы еще увеличивалась тем обстоятельством, что высшие начальники, исполняя Высочайшие

повеления, проводили их в жизнь со своими дополнениями, — писал В. К. Судравский. — Очень часто эти дополнения носили весьма курьезный характер и вторгались в область, имевшую мало общего с военной службой. Так, например. Император Павел приказал исключить из ученого словаря несколько русских слов и, заменив их немецкими, приказал не употреблять ни в разговоре, ни в письмоводстве. По этому повелению слова „стража“, „отряд“, „исполнение“, „объявление“ были заменены „караулом“, „деташементом“, „экзекуцией“ и „публикацией“. Получив Высочайшее повеление, командир Лейб-Гренадерского полка приказал, по рассказам современников, полковому священнику петь на заутрени ирмос вместо „на божественной страже богоглаголивый Аввакум“ — „на божественном карауле“. Другой командир полка запретил офицерам отлучаться из квартир и приказал им при каждом выходе просить разрешения у батальонного командира; этот же командир полка запретил нижним чинам ездить на извозчиках и приказал им обязательно ходить пешком. После Высочайшего повеления, чтобы гренадеры носили усы и бакенбарды, некоторые командиры полков Петербургского гарнизона приказали нижним чинам, не имевшим своих усов и бакенбард, наклеивать искусственные»³⁴.

Чрезмерная ретивость начальников становилась порой причиной весьма неприятных инцидентов. Так, в 1800 г., после повеления Павла изъять из полков и сжечь знамена обр. 1786 г., многие полковые командиры взялись за дело столь рьяно, что оказалось сожжено и множество знамен более ранних образцов.³⁵

Но далеко не всегда распоряжения Павла искажались по недомыслию или от излишнего усердия. Нередко это делалось и специально, и более всего преуспел в этом уже знакомый нам граф П. А. Пален.

«Как военный губернатор, имея в своем распоряжении Гвардию, полицию, заставы, и как министр внутренних дел, заведующая внешними сношениями и перлюстрацией почты, причем вообще все повеления Государя шли через его руки. Пален систематически пользовался всякой вспышкой Пав-

ла и так грубо безжалостно проводил немедленно в исполнение его приказы, чтобы создавать недовольство всюду и размножать врагов Павла, — писал автор предисловия к сборнику «Цареубийство 11 марта 1801 года». — Эта адская махинация тем легче могла быть приведена в действие, когда Павел заперся в Михайловском замке. Именем государя правил Пален, и правил так, что, действительно, и за границей, и внутри России создавалось впечатление, что правит сумасшедший деспот. Но когда Павел узнавал о том, как жестоко исполнялось его приказание, он делал все, чтобы исправить причиненное зло. Не в расчетах Палена, однако, было давать эту возможность государю. Постоянно повторяемые обвинения Павла в том, что он запрещал круглые шляпы, жилеты и фраки, усматривая в них „якобинство“, требовал, чтобы при встрече с ним дамы останавливали кареты и выходили, — конечно, справедливы. Но особенно потому, что Паленом делалось все, чтобы требования государя выполнялись с бессмысленной жестокостью, последовательностью, крайностью. Сколько раз Павел Петрович, подъезжая к карете, просил даму не беспокоиться.

Собрав все причины недовольства, должно признать, что, при всех недостатках характера Павла, без коварной провокации графа Палена это недовольство не разрослось бы в такой степени. Крутая муштровка, регламентация обывательской жизни, придирки и стеснения были и после Павла. А все терпели.

Замечательно, что самое спокойное время в 1800 г. в Петербурге было в сентябре и в октябре, когда граф Пален был назначен командовать армией на русской границе, а должность петербургского военного губернатора с 14 августа исполнял генерал от инфантерии Свечин»³⁶.

А вот приказ, отданный в феврале 1800 г. комендантом Михайловского замка генерал-лейтенантом Н. О. Котлубицким начальнику замкового караула в связи с якобы имеющимся распоряжением Павла о том, чтобы все, кто проходит перед императорскими резиденциями, снимали головные уборы: «Чтобы часовые отнюдь не приказывали скидать

шляп и шапок проходящим, а оставляли на их волю (а когда будет поведено, то об оном будет и особо предписано)».³⁷

Впрочем, понятно, что Пален действовал в интересах антипавловского заговора.

Заговор и убийство Императора Павла являются, бесспорно, одной из самых черных и позорных страниц в истории русской Гвардии. Заговорщики действовали отнюдь не в интересах России и народа, как заявляли потом, пытались оправдаться. «На этот раз заговорщиками руководила не столько забота о благе государства, сколько своекорыстные интересы...» — писал А. М. Валькович³⁸.

Едва ли во имя государственной пользы убийцы изуродовали тело Павла так, что его трудно было узнать. «Уборка тела, гримировка, бальзамирование и облачение в мундир длились более 30 часов, и только на другой день после смерти, поздно вечером, Павла показали убитой горем Императрице», — вспоминал полковник Н. А. Саблуков³⁹.

Г. Шварц. Открытие памятника Павлу I в Гатчине. 1851 г.

Убийство этого Государя, главной виной которого было желание навести в России и армии порядок, не может быть оправдано никакими аргументами.

«11-е марта останется навсегда позорной страницей в Русской истории, — справедливо отмечал С. А. Панчулидзев. — Цареубийство всегда наносит тяжкую рану государству, т. е. тому, для кого существуют и Государя, и подданные»⁴⁰. Кратко, но верно охарактеризовали убийство Павла современные исследователи Д. В. Калюжный и Я. А. Кеслер, написавшие, что в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. «... пьяные клятвопреступники и их слуги убили необыкновенного человека, помазанника Божия. Убили за иностранное золото и ради сохранения вольготной сытой жизни. Убили, ссылаясь на „мнение нации“, но побоялись привлечь к перевороту даже рядовых гвардейцев, поскольку солдаты, без сомнений, не позволили бы убить Императора»⁴¹.

«Офицерские парики и парадный лоск были известны и до Павла, и после него, — писал В. Голубин. — Но именно решимость монарха проводить преобразования, несмотря ни на какие препятствия, сделала невозможной ситуацию, когда в отполированных до зеркального блеска ножнах могло не оказаться клинка. Суворовские победы, война 1812 года со всей очевидностью обнаружили своевременность мер, предпринятых Павлом Петровичем — Императором и слугой своего государства»⁴².

При Павле военный Петербург, безусловно, «подтянулся», потеряв оттенок гвардейского сибаритства. И именно тогда, пожалуй, впервые стал ярко проявляться в облике города «военный» дух, столь хорошо знакомый по литературным произведениям и мемуарам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Император Павел... «Страшный в гневе, расточительный в милостях». Аскетичный, благочестивый и набожный, как монах, простой, суровый, подтянутый, как солдат, тонкий ценитель искусств и красоты, как истинный сын эпохи Просвещения. Человек загадочный, романтический, ранимый... Сколько страданий пришлось ему перенести — и душа его, несмотря на припадки гнева и ярости, осталась чистой, светлой и благородной, лишь окрепшей, пройдя через многие испытания. Жизнь Императора Павла — это постоянная борьба с угнетавшими его последствиями многих лет одиночества, бездействия, отчуждения — гневливостью, подозрительностью, придирчивостью... Эта борьба — показатель его истинно христианского духа — страждущего и величественного.

Почти не имевший друзей, Павел мало с кем чувствовал себя спокойным и счастливым. Пожалуй, по-настоящему счастлив был Император лишь в кругу своей семьи и на плацу — в окружении войск. И можно без преувеличения сказать, что армия была для него второй семьей.

Военные реформы Императора Павла изучены, к сожалению, недостаточно. Но их объективное значение и своевременность, несмотря на всю противоречивость как личности самого монарха, так и предпринимаемых им мер, несомненны. И в первую очередь это касается Петербурга — не только государственной, но и военной столицы Российской империи, своего рода эталона, на который равнялась вся русская армия. Безусловно, в формировании облика военного Петербурга эпоха Павла I занимает особое место как период, когда произошло зарождение многих его черт, столь близких не только военному человеку, но и каждому истинному петербуржцу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Условные сокращения, принятые в примечаниях

АВИМАИВиВС — Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГДМ — фонды Гатчинского дворца-музея.

ДКМ — Дела Командные.

КФЦЖ — Камер-фурьерский церемониальный журнал.

МС — фонды Государственного мемориального музея

А. В. Суворова.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской Империи.

ЦХ — Центральное хранилище музейных фондов (Павловский дворец-музей).

ШГФ — Штаб Генерал-Фельдцейхмейстера.

Эрм. — Эрмитажное собрание.

Введение

¹ Шенкман Г. С. Генерал Багратион. СПб., 2003. С. 45.

² Пожалуй, наибольшее количество небылиц об эпохе Императора Павла собрано в фильме В. Мельникова «Бедный, бедный Павел» («Ленфильм», 2003).

³ См.: Ратч В. Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. СПб., 1851; *Он же*. Практические занятия Гвардейской артиллерии в царствование Государя Императора Павла Петровича // Артиллерийский журнал. 1853. № 4. С. 313-339; *Он же*. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве. I: По 1798 год. СПб., 1864.

⁴ *Панчулидзева С. А.* История Кавалергардов: 1724-1799-1899: По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка. Т. 2. СПб., 1901. С. 203-245.

⁵ *Панчулидзева С. А.* Значение военных реформ Павла I // Император и Генералиссимус: Сборник статей к 250-летию со дня рождения Императора Павла I и 275-летию со дня рождения А. В. Суворова. СПб., 2004. С. 5-22.

Глава 1

¹ См.: *Лебедев П. С.* Преобразователи русской армии в царствование Императора Павла Петровича: 1796-1801 // Русская старина. 1877. Т. XVIII. С. 227-228; *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый: Историко-библиографический очерк. М., 1996. С. 61-70; *Валишевский К. Ф.* Сын Великой Екатерины: Император Павел I: Его жизнь, царствование и смерть: 1754-1801. М., 1993. С. 38-39; *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович. 1754-1796: Историческое исследование. СПб., 2001. С. 47-48; *Чиж В. Ф.* Психология злодея, властелина, фанатика: Записки психиатра. М., 2001. С. 134-135, 269-271.

² *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 61.

³ *Туган-Мирза-Барановский А.* История Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка. СПб., 1872. С. 41; *Он же.* Приложения к «Истории Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка». СПб., 1872. С. 24.

⁴ ПСЗРИ. Т. XVI. СПб., 1830. № 11729. С. 133-134.

⁵ *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 43.

⁶ *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович. С. 47.

⁷ Там же. С. 21; *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 46-47; *Чайковская О. Г.* «Как любопытный скиф»: Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. М., 1990. С. 242-254; *Сорокин Ю. А.* Павел I: Личность и судьба. Омск, 1996. С. 10-14; *Оболенский Г. Л.* Император Павел I. М., 2001. С. 24-25.

⁸ *Порошин С. А.* Записки, служащие к истории Великого Князя Павла Петровича // Русский Гамлет / Сост. А. В. Ско-робогатов. М., 2004. С. 27.

⁹ Там же. С. 28-30, 34-35, 282, 283.

¹⁰ Там же. С. 110.

¹¹ Там же. С. 112.

¹² Там же. С. 173, 185.

¹³ Там же. С. 185.

¹⁴ Там же. С. 189.

¹⁵ Там же. С. 25, 43

¹⁶ Там же. С. 85, 130, 154, 182, 183, 213, 215, 238, 336.

¹⁷ Там же. С. 128, 214.

¹⁸ Там же. С. 151-152, 191, 196, 235, 238, 242, 334, 335, 368.

¹⁹ Там же. С. 114.

²⁰ Там же. С. 184, 207.

²¹ Там же. С. 217.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 217-222.

²⁵ Там же. С. 222.

²⁶ Там же. С. 223, 228, 292.

²⁷ Там же. С. 36, 37.

²⁸ Там же. С. 149.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 37, 39, 42, 165.

³¹ История отечественной артиллерии. Т. 1: Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн. 2: Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). М., 1960. С. 179.

³² Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722-1762) // Безвременье и временщики: воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов»: 1720-е-1760-е годы / Сост. Е. В. Анисимов. Л., 1991. С. 325.

³³ Суханов И. П. Артиллерийская батарея Великого Князя Павла Петровича // Забытый Император: Материалы научной конференции «Ораниенбаумские чтения»: Сб. ст. Вып. 3. СПб., 2002. С. 117-121.

³⁴ Порошин С. А. Записки... С. 150, 152, 172, 173, 197, 219, 226, 232, 233, 239, 243, 247, 255, 262, 264, 268.

- ³⁵ Там же. С. 74, 94, 98, 171, 236, 270-271, 313, 329, 333, 341, 351-352, 356, 360.
- ³⁶ *Фенор В.* Фридрих Вильгельм I. М., 2004. С. 56; *Кони Ф.* История Фридриха Великого. М., 1997. С. 26.
- ³⁷ *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 70.
- ³⁸ *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович. С. 48.
- ³⁹ *Порошин С. А.* Записки... С. 151, 200, 203, 204, 297, 305, 312, 348, 361, 365.
- ⁴⁰ Там же. С. 147.
- ⁴¹ *Скоробогатов А. В.* Цесаревич Павел Петрович: Политический дискурс и социальная практика. М., 2005. С. 180-187.
- ⁴² См.: *Выборжанин В.* Российский флот в царствование Павла I // Павловск: Историко-краеведческий альманах. 1996. № 2. С. 21-22; *Тальберг Н. Д.* Павел I: Очерки истории императорской России. [М.], 2001. С. 19-20; *Белик А. К.* Павел I — Генерал-Адмирал российского флота // Император Павел I: Каталог выставки. СПб., 2004. С. 31-38.
- ⁴³ *Туган-Мирза-Барановский А.* История Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка. С. 110; *Он же.* Приложения к «Истории Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка». С. 83-101.
- ⁴⁴ ОР РНБ. Ф. Эрм. № 187а, б.
- ⁴⁵ ОР РНБ. Ф. Эрм. № 187а. Л. 5 об.-б.
- ⁴⁶ *Скоробогатов А. В.* Цесаревич Павел Петрович. С. 53.
- ⁴⁷ *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 64; *Гаврюшкин А. В.* Граф Никита Панин: Из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989. С. 42; *Русский биографический словарь: Павел — преподобный Петр (Илейка).* СПб., 1902. С. 212, 217, 219, 221-233.
- ⁴⁸ *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 64.
- ⁴⁹ *Бантыш-Каменский Д. М.* Биографии российских Генералиссимусов и Генерал-Фельдмаршалов с 48 портретами. Ч. II. СПб., 1840. С. 256.
- ⁵⁰ *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 65, 66.
- ⁵¹ См.: *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 64-65; *Барское Я. Л.* Проекты военных реформ Цесаревича Пав-

ла // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 3-4. С. 105; *Валишевский К. Ф.* Сын Великой Екатерины... С. 17, 19; *Гаврюшкин А. В.* Граф Никита Панин. С. 151.

⁵² *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович. С. 49.

⁵³ *Потоцкий П. П.* История Гвардейской артиллерии. СПб., 1896. С. 11.

⁵⁴ *Хрещатицкий Б. Р.* История Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка: 1775-1813-1875-1913. Ч. I. СПб., 1913. С. 127.

⁵⁵ *Туган-Мирза-Барановский А.* История Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка. С. 111.

⁵⁶ *Гаврюшкин А. В.* Граф Никита Панин. С. 151.

⁵⁷ *Роголин Н. Г.* Использование А. В. Суворовым прусского пехотного устава 1743 года при разработке «Полкового учреждения» // Суворовские чтения: Материалы конференции. СПб., 1999. С. 85-86.

⁵⁸ *Ненахов Ю. Ю.* Войны и кампании Фридриха Великого / Под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск, 2002. С. 743, 748.

⁵⁹ См.: *Фенор В.* Фридрих Вильгельм Г. С. 148-176.

⁶⁰ Великий Князь Павел Петрович: Переписка в. к. Павла Петровича с гр. Петром Паниным // Русская старина. 1882. Т. XXXGI. Февраль. С. 412.

⁶¹ *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 100-102.

⁶² *Лебедев П. С.* Опыт разработки новейшей русской истории по неизданным источникам. I: Графы Никита и Петр Панины. СПб., 1863.

⁶³ *Барсков Я. Л.* Проекты военных реформ Цесаревича Павла. С. 106-107.

⁶⁴ Там же. С. 106.

⁶⁵ Там же. С. 118.

⁶⁶ Там же. С. 111.

⁶⁷ Там же. С. 121.

⁶⁸ Там же. С. 135.

⁶⁹ Там же. С. 126-127, 129-138.

⁷⁰ См.: Великий Князь Павел Петрович: Переписка в. к. Павла Петровича с гр. Петром Паниным // Русская старина. 1882. Т. XXXIII. Февраль. С. 403-418; Там же. Март.

С. 739-764; Барсков Я. Л. Проекты военных реформ Цесаревича Павла. С. 104-145; Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович. С.128-134.

⁷¹ Барсков Я. Л. Проекты военных реформ Цесаревича Павла. С. 129.

⁷² См.: Юркевич Е. И. Неизвестное рассуждение об артиллерии Великого Князя Павла Петровича // Бомбардир. 2005. № 18. С. 7-11.

⁷³ См.: Скоробогатов А. В. Цесаревич Павел Петрович. С.309-310.

⁷⁴ Там же. С. 155-159.

⁷⁵ Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович. С. 79; Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 103, 223; Лебедев П. С. Преобразователи русской армии в царствование Императора Павла Петровича. С. 228.

⁷⁶ Скоробогатов А. В. Цесаревич Павел Петрович. С. 212.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ См.: Сафонов М. М. Завещание Екатерины II: Роман-исследование. СПб., 2002.

⁷⁹ Скоробогатов А. В. Цесаревич Павел Петрович. С. 172.

⁸⁰ Керсновский А. А. История русской армии. М., 1992. Т. 1: От Нарвы до Парижа. 1700-1814 гг. С. 172; Оболенский Г. Л. Император Павел I. С. 135-136.

⁸¹ Лебедев П. С. Преобразователи русской армии в царствование Императора Павла Петровича. С. 227-228; Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович. С. 128; Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 122-123.

⁸² Кони Ф. История Фридриха Великого. С. 449.

⁸³ Лебедев П. С. Преобразователи русской армии в царствование Императора Павла Петровича. С. 228.

⁸⁴ Там же. С. 228; Тальберг Н. Д. Павел I. С. 17-18.

⁸⁵ Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 189.

⁸⁶ Записки Н. А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб., 1907. С. 16.

⁸⁷ Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1698-1801. СПб., 1995. С. 193.

⁸⁸ Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 217.

Глава 2

¹ *Леонов О.* «Потешные» идут на войну...: Гатчинские войска цесаревича Павла в русско-шведскую кампанию 1788-1790 // Военная иллюстрация: Российский военно-исторический альманах. 1998. № 1. С. 18.

² Сведения о Гатчинских войсках. СПб., 1835. С. 1, 3-8; *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович. С. 192, 239.

³ Сведения о Гатчинских войсках. С. 85-86.

⁴ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению. Ч. VI. СПб., 1847. С. 132-133.

⁵ Сведения о Гатчинских войсках. С. 10; *Ратч В. Ф.* Сведения об артиллерии Гатчинских войск. СПб., 1851. С. 17.

⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2399. Л. 1-8, 11, 14, 16-17.

⁷ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. VI. С. 133-135; *Ратч В. Ф.* Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 18, 26, 28, 31, 37.

⁸ Сведения о Гатчинских войсках. С. 15; АВИМАИВиВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 884. Л. 518 об.-519 об.

⁹ *Бранденбург Н. Е.* 500-летие Русской Артиллерии. СПб., 1889. С. 59.

¹⁰ *Козловский Д. Е.* История материальной части артиллерии. М., 1946. С. 89.

¹¹ *Юркевич Е. И.* Артиллерия Гатчинских войск Великого Князя Павла Петровича (1783-1796) и ее влияние на развитие русской полевой артиллерии конца XVIII— 1-й четверти XIX века: Автореф. дис. канд. истор. наук. СПб., 2003. С. 25-26.

¹² *Ратч В. Ф.* Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 24.

¹³ Там же; Публичные лекции, читанные при Гвардейской артиллерии полковником Ратчем в 1859 году // Артиллерийский журнал. 1860. № 5 (далее — *Ратч В. Ф.* Публичные лекции...). С. 334-335.

¹⁴ Там же. С. 335.

¹⁵ *Ратч В. Ф.* Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 24.

¹⁶ *Он же.* Публичные лекции... С. 319.

- ¹⁷ Он же. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 10-12.
- ¹⁸ Ключарианц Д. А., Раскин А. Г. Гатчина: Художественные памятники. Л., 1990. С. 107.
- ¹⁹ Томсинов В. А. Временщик: А. А. Аракчеев. М., 1996. С. 38.
- ²⁰ Рескрипты и записки Государя Императора Павла I к графу Аракчееву. [СПб.], [Б. г.]. С. 3.
- ²¹ Там же. С. 2, 4.
- ²² Ратч В. Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 93.
- ²³ Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского Военно-сиротского дома: 1798-1898. СПб., 1898. С. 1-3.
- ²⁴ Рескрипты и записки Государя Императора Павла I к графу Аракчееву. С. 29.
- ²⁵ Сведения о Гатчинских войсках. С. 2.
- ²⁶ Гатчина: Страницы истории / Сост. Т. Ф. Родионова. М.: СПб., 2001. С. 27.
- ²⁷ Сведения о Гатчинских войсках. С. 107-108.
- ²⁸ Орлов Н. А. Гвардейские егеря при Павле Петровиче: К столетию Л.-Гв. Егерского полка. СПб., 1896. С. 11.
- ²⁹ См.: Юркевич Е. И. «Желание имел определиться в строевую службу к Его Императорскому Высочеству..»: Побег нижних чинов артиллерии Санкт-Петербургского гарнизона в Гатчинские войска. 1794-1796 гг. // Университетские Петербургские чтения / Под ред. Ю. В. Кривошеева, М. В. Ходякова. СПб., 2003. С. 31-37.
- ³⁰ Скоробогатов А. А. Цесаревич Павел Петрович. С. 216-217.
- ³¹ Ратч В. Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве. С. 100.
- ³² Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 225.
- ³³ Мелентьев В. Д. Кутузов в Петербурге. Л., 1986. С. 87.
- ³⁴ Грибанов В. К. Багратион в Петербурге. Л., 1979. С. 34.
- ³⁵ Лебедев П. С. Преобразователи русской армии в царствование Императора Павла Петровича. С. 603.

³⁶ См.: *Комаровский Е. Ф.* Записки // Державный сфинкс / Сост. А. Либерман. В. Наумов. С. Шокарев. М., 1999. С. 40; Записки Н. А. Саблукова. С. 24; *Энгельгардт Л. Н.* Записки. М., 1997. С. 148.

³⁷ *Орлов Н. А.* Гвардейские егеря при Павле Петровиче. С. 12.

³⁸ *Лукирский А. Н.* И. Х. Сиверс — участник Итало-Швейцарского похода 1799 года и войн начала XIX века // Эпоха Наполеоновских войн: Люди, события, идеи: Материалы научной конференции, Москва, 24 апреля 1998 г. М., 1999. С. 79.

³⁹ Там же. С. 80.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 79-80.

⁴² Рассказы генерала Кутлубицкого о временах Павла I-го // Русский архив. 1912. Вып. 8. С. 512.

⁴³ *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 1: От Нарвы до Парижа. 1700-1814 гг. М., 1992. С. 218.

⁴⁴ Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия: Именные списки 1769-1920: Биобиблиографический справочник / Отв. сост. В. М. Шабанов. М., 2004. С. 205-207.

⁴⁵ *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 1. С. 204, 208-268; *Сахаров А. Н.* Александр I. М., 1998. С. 217-219.

⁴⁶ *Михневич Н. П.* Отечественная война 1812 г. // История русской армии 1812-1864 гг. СПб., 2003. С. 68.

⁴⁷ *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 2: От взятия Парижа до покорения Средней Азии. 1814-1881 гг. М., 1993. С. 11-12.

⁴⁸ *Капустина Т. А.* Александр I и Заграничные походы русской армии 1813-1814 гг. // Эпоха Наполеоновских войн: Люди, события, идеи: Материалы научной конференции, Москва, 24 апреля 1998 г. М., 1999. С. 29-30.

⁴⁹ *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 1. С. 274.

⁵⁰ *Капустина Т. А.* Александр I и Заграничные походы русской армии 1813-1814 гг. С. 31.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 32.

⁵³ Там же. С. 33.

⁵⁴ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 1. С. 286.

⁵⁵ Там же. С. 293.

⁵⁶ Там же. С. 284.

⁵⁷ Там же. С. 35.

⁵⁸ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной Энциклопедии» Сытина. Т. III. СПб., 1996. С. 14; Кучерская М. А. Константин Павлович. М., 2005. С. 68-74.

⁵⁹ Обатурова М. И. Константин Павлович в Стрельне // Цесаревич Константин Павлович: Каталог выставки. СПб.; Петергоф, 2000. С. 34.

⁶⁰ Полководцы, военачальники и военные деятели России... Т. III. С. 16; Обатурова М. И. Цесаревич Константин Павлович // Цесаревич Константин Павлович: Каталог выставки. СПб.; Петергоф, 2000. С. 17; Обатурова М. И. Константин Павлович в Стрельне. С. 34; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия... С. 132; Кучерская М. А. Константин Павлович. С. 97-101.

⁶¹ Русская армия 1812-1814. М., 2000. С. 20; Полководцы, военачальники и военные деятели России... Т. III. С. 16.

⁶² Там же; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия... С. 119; Кучерская М. А. Константин Павлович. С. 112-114.

⁶³ Денисом Дж. История конницы. Кн. I. М., 2001. С. 349.

⁶⁴ Гуляев Ю. И., Шемуратов Л. В. Сыны Отечества // Артиллерия и время: Сборник статей и материалов, посвященных 610-летию отечественной артиллерии и 130-летию ГАУ—ГРАУ. СПб., 1993. С. 176-177; Полководцы, военачальники и военные деятели России... Т. II. СПб., 1995. С. 246; Штутман С. М. Герои Отечественной войны 1812 года во главе Внутренней стражи // Внутренняя и Конвойная стража России: 1811-1917: Документы и материалы. М., 2002. С. 498-500; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия... С. 119, 141.

⁶⁵ Лукирский А. Н. И. Х. Сиверс — участник Итало-Швейцарского похода 1799 года и войн начала XIX века. С. 79-80.

⁶⁶ *Длуголенский Я. Н.* Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга. 1703-1917. СПб., 2001. С. 112-114; *Берсенева В. В.* Петр Кириллович Эссен — петербургский военный генерал-губернатор // *Фамилия Эссен в Санкт-Петербурге: Материалы научной конференции 23-24 ноября 1999 г.* СПб., 1999. С. 110-115; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия... С. 133; *Михайловский-Данилевский А. И.* Император Александр I и его сподвижники в Отечественной войне // *Михайловский-Данилевский А. И.* Отечественная война 1812 г.: Воспоминания. М., 2004. С. 308.

⁶⁷ *Длуголенский Я. Н.* Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга... С. 305-308; *Судравский В. К.* История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. 1756-1906. Т. 1: 1-й Гренадерский полк. Лейб-Гренадерский полк. СПб., 1906. С. 284-285; *Русская армия. 1812-1814.* С. 33; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия... С. 141; *Михайловский-Данилевский А. И.* Император Александр I и его сподвижники в Отечественной войне... С. 320-321.

⁶⁸ *Полководцы, военачальники и военные деятели России...* Т. II. С. 284; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия... С. 136.

⁶⁹ *Зноско-Боровский Н.* История Лейб-Гвардии Измайловского полка. СПб., 1882. С. 283; *Манзей К.* История Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка: 1775-1857. Ч. II. СПб., 1859. С. 3, 27; *Русский биографический словарь: Маак—Мятлева.* М., 1999. С. 64; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия... С. 136.

⁷⁰ *Военная музыка в Санкт-Петербурге: 1703-2003.* СПб., 2004. С. 9.

⁷¹ *Зноско-Боровский Н.* История Лейб-Гвардии Измайловского полка. С. 283; *Сведения о Гатчинских войсках.* С. 109; *Русский биографический словарь. Т. II: Алексинский—Бестужев-Рюмин.* СПб., 1900. С. 622; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия... С. 137.

⁷² *Полководцы, военачальники и военные деятели России...* Т. II. С. 169; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия... С. 147, 224.

⁷³ Лукирский А. Н. И. И. Миллер 3-й — участник Итальянского и Швейцарского похода 1799 года и войн начала XIX века // Суворовские чтения: Ноябрь 2000. СПб., 2001. С. 42-44.

⁷⁴ Глинка В. М., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1974. С. 163, 173-174, 190.

⁷⁵ Там же. С. 192-193.

⁷⁶ Томсинов В. А. Временщик. С. 42.

⁷⁷ См.: Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 540-550.

⁷⁸ Томсинов В. А. Временщик. С. 94-95, 164, 170-171; Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники в Отечественной войне... С. 282-283.

⁷⁹ Томсинов В. А. Временщик. С. 172-173.

⁸⁰ Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997. С. 172-173.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 184.

⁸³ Там же. С. 184-185.

⁸⁴ Там же. С. 173.

⁸⁵ Томсинов В. А. Временщик. С. 187.

⁸⁶ Кандаурова Т. Н. Гений зла и блага: Слово в защиту Аракчеева // Родина. 2000. № 3. С. 60.

⁸⁷ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 2. С. 10.

⁸⁸ Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. М., 1995. С. 219-224; Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Око Государево: Российские прокуроры. XVIII век. М., 1994. С. 249-264.

⁸⁹ Полководцы, военачальники и военные деятели России... Т. II. С. 246.

⁹⁰ Столетие С.-Петербургского Комендантского управления. [СПб.], [1897]. С. 20; Сведения о Гатчинских войсках. С. 109.

⁹¹ Выскочков Л. В. Император Николай I: Человек и государь. СПб., 2001. С. 240.

⁹² Длуголенский Я. Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга... С. 114-116; Берсенев В. В. Петр Кириллович Эссен — петербургский военный генерал-

губернатор // Фамилия Эссен в Санкт-Петербурге... С. 115—118.

⁹³ Длуголенский Я. Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга... С. 301; История Лейб-Гвардии Егерского полка за сто лет: 1796-1896: Составлена по архивным документам и другим источникам офицерами Л.-Гв. Егерского полка. СПб., 1896. С. 12, 21-22; Приложения к Истории Лейб-Гвардии Егерского полка. С. 1, 10.

⁹⁴ Яблочкин Ю. Н. Введение // Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно. М., 1955. С. 19-20.

⁹⁵ ОР РНБ. Ф. Эрм. № 174. Собрание разных егерских правил, выбранных из практических записок и сообразованных в сходствие с Уставом г. м. и к. Рачинским.

⁹⁶ Длуголенский Я. Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга... С. 306.

⁹⁷ Рассказы генерала Кутлубицкого о временах Павла I-го. С. 495-496, 512.

⁹⁸ Записки Н. А. Саблукова. С. 33.

⁹⁹ Русский биографический словарь. Т. И: Алексинский—Бестужев-Рюмин. С. 489; Подмазо А. А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии. 1796-1815: Справочное пособие. М., 1997. С. 60.

¹⁰⁰ Полководцы, военачальники и военные деятели России... Т. II. С. 270-271.

¹⁰¹ Там же. Т. I. СПб., 1995. С. 104-105.

¹⁰² Русский биографический словарь: Герберский—Гогенлоэ. М., 1916. С. 144.

¹⁰³ Ратч В. Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве. С. 92; Он же. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 94.

¹⁰⁴ Подмазо А. А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии. С. 76.

¹⁰⁵ Там же. С. 82; Земцов В. Н., Ляпин В. А. Екатеринбург в мундире: Форменная одежда в истории Екатеринбурга XVIII—начала XX в. Екатеринбург, 1992. С. 70-85.

¹⁰⁶ Ратч В. Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 44; Он же. Сведения о графе Алексее Андреевиче

- Аракчеев. С. 102; *Гладкий А. И.* Первое столетие: Хроника примечательных событий в истории музея: 1756-1868 // Музей военной истории и боевой славы: Сборник статей, посвященных 240-летию музея. СПб., 1996. С. 331.
- ¹⁰⁷ Сведения о Гатчинских войсках. С. 109.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович. С. 312-313.
- ¹¹⁰ *Скоробогатов А. В.* Цесаревич Павел Петрович. С. 191—192.
- ¹¹¹ *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович. С. 313.
- ¹¹² Рескрипты и записки Государя Императора Павла I к графу Аракчееву. С. 16.
- ¹¹³ *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович. С. 313.
- ¹¹⁴ *Любченко О. Н.* Граф Ростопчин. М., 2000. С. 6-9.
- ¹¹⁵ *Спасский И. Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 года. СПб., 1993. С. 119.
- ¹¹⁶ Каталоги Артиллерийского исторического музея: Каталог отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков / Сост. Е. Н. Шевелева. Л., 1962. С. 30.
- ¹¹⁷ *Грибанов В. К.* Багратион в Петербурге. С. 35.
- ¹¹⁸ Сведения о Гатчинских войсках. С. 18.
- ¹¹⁹ Там же. С. 18-70; Планы, принадлежащие к сведениям, собранным о Гатчинских войсках. СПб., 1835.
- ¹²⁰ Сведения о Гатчинских войсках. С. 50, 53-54.
- ¹²¹ См.: *Юркевич Е. И.* Забытые учения: К картине Я. Меттенляйтера «Вид маневров в Гатчине в 1795 году» // Петербургские чтения-96: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1996. С. 410-411; *Бахарева Н. Ю.* Семья придворных живописцев: Иоганн Якоб и Павел Меттенляйтеры // Император Павел I: Взгляд XXI века: К 250-летию со дня рождения: Материалы научной конференции. СПб., 2004. С. 221.
- ¹²² *Ниве П. А.* Финляндские войны // История русской армии 1812-1864 гг. СПб., 2003. С. 226-227; *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 1. С. 156-157.
- ¹²³ *Лённрут Э.* Великая роль: Король Густав III, играющий самого себя / Пер. со швед. Ю. Н. Беспярых. СПб., 1999. С. 215, 223, 227.

¹²⁴ *Ниве П. А.* Финляндские войны. С. 228; *Лённрут Э.* Великая роль. С. 256.

¹²⁵ *Бантыш-Каменский Д. М.* Биографии российских Генералиссимусов и Генерал-Фельдмаршалов с 48 портретами. С. 253; *Ниве П. А.* Финляндские войны. С. 228; *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 1. С. 157.

¹²⁶ Дважды Краснознаменный Балтийский флот. 3-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 47.

¹²⁷ *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 214, 219; *Выборжанин В.* Спасение Петербурга // Павловск: Историко-краеведческий альманах. 1996. № 2. С. 15.

¹²⁸ *Ниве П. А.* Финляндские войны. С. 229-230.

¹²⁹ Дважды Краснознаменный Балтийский флот. С. 47-48; *Выборжанин В.* Спасение Петербурга. С. 15-16; *Лённрут Э.* Великая роль. С. 257-258.

¹³⁰ *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 1. С. 157.

¹³¹ *Ниве П. А.* Финляндские войны. С. 231-234; *Лённрут Э.* Великая роль. С. 321-333.

¹³² Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова, первого по времени морского министра, с предисловием, примечаниями и заметками Л. М. Чичагова. М., 2002. С. 303, 306-310; Дважды Краснознаменный Балтийский флот. С. 48.

¹³³ *Лённрут Э.* Великая роль. С. 321.

¹³⁴ Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова... С. 351.

¹³⁵ Там же; Дважды Краснознаменный Балтийский флот. С. 49.

¹³⁶ *Бантыш-Каменский Д. М.* Биографии российских Генералиссимусов и Генерал-Фельдмаршалов с 48 портретами. Ч. II. С. 243; *Ниве П. А.* Финляндские войны. С. 234-235; *Золотарев В. А., Саксонов О. В., Тюшкевич С. А.* Военная история России. Жуковский; М., 2002. С. 277; Дважды Краснознаменный Балтийский флот. С. 49-50.

¹³⁷ *Бантыш-Каменский Д. М.* Биографии российских Генералиссимусов и Генерал-Фельдмаршалов с 48 портретами. Ч. II. С. 243.

- ¹³⁸ *Ниве П. А.* Финляндские войны. С. 236-237; Дважды Краснознаменный Балтийский флот. С. 51; *Выборжанин В.* Спасение Петербурга. С. 16-20.
- ¹³⁹ *Ниве П. А.* Финляндские войны. С. 237-238; Дважды Краснознаменный Балтийский флот. С. 51.
- ¹⁴⁰ *Ниве П. А.* Финляндские войны. С. 238.
- ¹⁴¹ *Лённрут Э.* Великая роль. С. 364-366.
- ¹⁴² *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 1. С. 158.
- ¹⁴³ *Ниве П. А.* Финляндские войны. С. 238.
- ¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 304. Л. 6-6 об.; Сведения о Гатчинских войсках. С. 17; *Леонов О.* «Потешные» идут на войну.. // Военная иллюстрация. 1998. № 1. С. 22-23.
- ¹⁴⁵ *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 217.
- ¹⁴⁶ Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова... С. 179.
- ¹⁴⁷ *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 215.
- ¹⁴⁸ *Скоробогатов А. В.* Цесаревич Павел Петрович. С. 186.
- ¹⁴⁹ *Бантыш-Каменский Д. М.* Биографии российских Генералиссимусов и Генерал-Фельдмаршалов с 48 портретами. Ч. II. С. 254.
- ¹⁵⁰ *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 217-218.
- ¹⁵¹ *Скоробогатов А. В.* Цесаревич Павел Петрович. С. 213.
- ¹⁵² *Барбасов А. П.* Боевая подготовка русской артиллерии в XVIII веке // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. III. Л., 1958. С. 77; *Маковская Л. К.* Мелиссино П. И. (1726-1797) // Государственный Эрмитаж: Забытые имена и памятники русской культуры: Тезисы докладов конференции к 60-летию Отдела истории русской культуры. СПб., 2001. С. 40.
- ¹⁵³ Краткие артиллерийские записки для наставления унтер-офицеров в новоучрежденных артиллерийских батальонах, сочиненные при Артиллерийском и Инженерном Шляхетном Кадетском Корпусе. СПб., 1789.
- ¹⁵⁴ *Соц В.* Опыт библиотеки для военных людей. СПб., 1826. С. 305; *Барбасов А. П.* Боевая подготовка русской артиллерии в XVIII веке. С. 77-78.
- ¹⁵⁵ *Ратч В. Ф.* Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве. С. 42; *Струков Д. П.* Столетие Военного министер-

ства: 1802-1902: Главное Артиллерийское Управление: Исторический очерк. Ч. I. Кн. I. СПб., 1902. С. 433; *Томсинов В. А.* *Временщик*. С. 27-28.

¹⁵⁶ История артиллерии от ее происхождения до 1822 года, сочиненная Деккером: Перевел с немецкого С. Маркевич, второго кадетского корпуса капитан. СПб., 1833. С. 221.

¹⁵⁷ *Томсинов В. А.* *Временщик*. С. 41.

¹⁵⁸ *Орлов Н. А.* *Гвардейские егеря при Павле Петровиче*. С. 14.

¹⁵⁹ *Ратч В. Ф.* *Сведения об артиллерии Гатчинских войск*.

С. 95.
¹⁶⁰ *Валькович А. М.* *На прусско-гатчинский манер: Свет и тени павловских реформ в Гвардии // Родина. 2000. № 11. С. 65-66.*

¹⁶¹ *Императорская Гвардия: Справочная книжка Императорской Главной Квартиры: По 1-е мая 1910 года. 2-е изд. / Под ред. В. К. Шенка. [СПб.], [1910]. С. 69.*

¹⁶² *Валькович А. М.* *На прусско-гатчинский манер... С. 66.*

Глава 3

¹ *Ляпидевский Н.* *История казарменного размещения войск в России // Инженерный журнал. 1882. № 3. С. 317.*

² *Хроника Российской Императорской Армии: Из разных сведений собрана генерал-майором, Государственной Военной Коллегии членом и ордена Святой Анны первой степени кавалером князем Долгоруким: Напечатана по Всевысочайшему Его Императорского Величества повелению. СПб., 1799 (далее — Долгорукий С. Н. *Хроника...*). № 209; АВИМАИВИВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 911. Л. 529 об.-530.*

³ *Мередиш В. Ф.* *165 лет Кексгольмского Гренадерского Императора Австрийского полка: 1710-1875. Варшава, 1876. С. 67.*

⁴ *Мержеиовский Э.* *История 13-го пехотного Белозерско-го Генерал-Фельдмаршала Графа Ласси полка: 1708-1893 г. Варшава, 1894. С. 480-481.*

⁵ *Долгорукий С. Н. Хроника... № 159.*

⁶ Там же. № 89.

⁷ *Висковатов А. В.* Краткая история Первого кадетского корпуса. СПб., 1832. С. 6-8; *Жервэ Н. П., Строев В. Н.* Исторический очерк 2-го Кадетского корпуса. 1712-1912. Т. 1. СПб., 1912. С. 47; *Милорадович.* Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества Корпуса. 1711-1875. Киев, 1876. С. 35.

⁸ *Валькович А. М.* На прусско-гатчинский манер... С. 66.

⁹ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 7. СПб., 1900. С. 8.

¹⁰ *Долгорукий С. Н.* Хроника... № 89.

¹¹ *Долгорукий С. Н.* Хроника... № 82; Росписание Армии Его Императорского Величества на Инспекции, с назначением полкам и батальонам непрременных квартир: По 26-е Генваря 1800 года. [Б. м.], [1800]. С. 2; *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. С. 278; *Подмазо А. А.* Шефы и командиры регулярных полков... С. 107.

¹² *Судравский В. К.* История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 287.

¹³ *Мержеиовский Э.* История 13-го пехотного Белозерского... полка... С. 494.

¹⁴ *Долгорукий С. Н.* Хроника... № 48.

¹⁵ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 7. С. 21; *Подмазо А. А.* Шефы и командиры регулярных полков ... С. 47.

¹⁶ Там же. С. 45.

¹⁷ Росписание Армии Его Императорского Величества... С. 2; *Подмазо А. А.* Шефы и командиры регулярных полков... С. 64.

¹⁸ *Валькович А. М.* На прусско-гатчинский манер... С. 66-67.

¹⁹ ПСЗРИ. Т. XXV: 1798-1799. № 18653. С. 365.

²⁰ *Мартынов Н.* Исторический очерк столетия Лейб-Гвардии Уральской Казачьей сотни. СПб., 1898. С. 5.

²¹ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 7. С. 32-33; *Крылов В. М., Юшкова Л. А.* Военные инженеры в эпоху Екатерины и Павла // Бомбар-

дир. 2000. № 12. С. 23-25; *Юшкова Л. А.* Военные инженеры XVIII столетия // Там же. С. 91.

²² *Долгорукий С. Н.* Хроника... № 209-211, 223.

²³ *Жервэ Н. П., Строев В. Н.* Исторический очерк 2-го Кадетского корпуса... С. 101.

²⁴ *Будко А. А., Шабунин А. В.* История медицины Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 2003. С. 115-117.

²⁵ Там же.

²⁶ *Котков В. М.* Военное духовенство России: Страницы истории. Кн. I. СПб., 2004. С. 101.

²⁷ Там же. С. 95-102.

²⁸ *Крылов В. М.* Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 25, 30.

²⁹ *Булгарин Ф. В.* Воспоминания. М., 2001. С. 122.

³⁰ *Гоувальт О. Х.* История Лейб-Гвардии Павловского полка. СПб., 1852. С. 35, 39, 40.

³¹ Там же. С. 40-41, 47.

³² Там же. С. 77-78.

³³ Императорская Гвардия: Справочная книжка... С. 81.

³⁴ Росписание Армии Его Императорского Величества... С. 2.

³⁵ *Мыльников А.* История Лейб-Гвардии Резервного пехотного полка: 1799-1899. СПб., 1899. С. 1, 4; Императорская Гвардия: Справочная книжка... С. 107.

³⁶ Там же. С. 131.

³⁷ *Туган-Мирза-Барановский А.* Приложения к «Истории Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка». С. 108; *Он же.* История Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка. С. 44.

³⁸ *Марков М. И.* История Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества полка. Т. 1. СПб., 1884. С. 155; Императорская Гвардия: Справочная книжка... С. 135.

³⁹ *Марков М. И.* История Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества полка... С. 155, 169.

⁴⁰ *Мартынов Н.* Исторический очерк Лейб-Гвардии Уральской Казачьей сотни. СПб., 1898. С. 12.

⁴¹ *Валькович А. М.* На прусско-гатчинский манер... С. 66.

⁴² Там же. С. 67-68.

⁴³ Долгорукий С. Н. Хроника... № 207; Императорская Гвардия: Справочная книжка... С. 179.

⁴⁴ Летин С. А. Российская Императорская Гвардия. СПб., 2005. С. 266.

⁴⁵ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 7. С. 36, 15, 27.

⁴⁶ Там же. С. 45-49.

⁴⁷ Там же. С. 53-54.

Глава 4

¹ См.: Васильев А., Космолинский П. По образцу «потешных частей»: Русский военный мундир: Что скрывается за деталью? // Советский музей. 1985. № 6. С. 74; Бегунова А., Космолинский П. Первые вахт-парады // Советский музей. 1988. № 6. С. 65; Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века. Л., 1988. С. 7, 35; Валькович А. М., Рыбин В. А. Введение // Русская армия в конце XVIII века: Из документальных сокровищ Центрального Государственного военно-исторического архива СССР: Каталог выставки / Сост. А. М. Валькович, А. А. Васильев, В. А. Рыбин, Г. Р. Якушкин. Звенигород, 1990. С. 3-4; Бегунова А. И. От кольчуги до мундира: Книга для учащихся. М., 1993. С. 71; Хренов М. М., Зубов Р. Т., Коновалов И. Ф., Нестеров-Комаров Г. Н., Теровкин М. А. Военная одежда русской армии. М., 1994. С. 90; Летин С. А. Русский военный мундир XVIII века: Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 98-99; Голыженков И., Степанов Б. Европейский солдат за 300 лет: 1618-1918: Энциклопедия военного костюма. М., 2001. С. 124; Введенский Г. Э. Пять веков русского военного мундира: Энциклопедия русской армии. СПб., 2005. С. 56-57.

² Леонов О. «Потешные» идут на войну.. // Военная иллюстрация: Российский военно-исторический альманах. 1998. № 1. С. 18.

³ См.: Сведения о Гатчинских войсках. С. 72-83; Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. VI. С. 135-146; Ратч В. Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 46-52. — В последующих публикациях,

как правило, пересказываются данные, приведенные в этих работах.

⁴ *Левинсон-Нечаева М. Н.* Изучение и описание музейных тканей // Изучение и научное описание памятников материальной культуры. М., 1972. С. 77.

⁵ Там же.

⁶ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. VI. С. 135-141; Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 7. С. 55, 76-77, 100; *Алехин П. Г., Леонов О. В.* Корпус принца де Конде в России, 1797-1800 гг. // Сержанти. 2005. № 3 (32). С. 5.

⁷ *Леонов О.* «Потешные» идут на войну... С. 19-20.

⁸ Петлицы, как правило, нашивались под лацканами, на рукавных клапанах и на лифе, под пуговицами.

⁹ Здесь и далее имеются в виду петлицы на мундирах нижних чинов. На мундирах офицеров они были вышиты золотой или серебряной нитью, в зависимости от цвета приборного металла в батальоне.

¹⁰ ЦХ-1587-П.

¹¹ *Татарников К. В.* Павловская команда: История, униформа и снаряжения Гатчинских войск: 1780-е-1796 гг. М., 2004. Рукопись. С. 10, 20-24.

¹² ГДМ-60-И.

¹³ ГДМ-32-П.

¹⁴ ЦХ-1578-И.

¹⁵ ЦХ-1626-Н.

¹⁶ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. VI. С. 139; *Татарников К. В.* Павловская команда... С. 15.

¹⁷ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. VI. С. 139-140.

¹⁸ *Татарников К. В.* Павловская команда... С. 16.

¹⁹ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. VI. С. 140; *Татарников К. В.* Павловская команда... С. 17-19, 23-24.

²⁰ *Маковская Л. К.* Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV-XVIII веков: Определитель. М., 1992. С. 20.

²¹ *Татарников К. В.* Павловская команда... С. 14-15, 23.

- ²² Там же. С. 15.
- ²³ Там же. С. 16, 23.
- ²⁴ *Татарников К. В.* Павловская команда... С. 15-16; *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. С. 204.
- ²⁵ *Татарников К. В.* Павловская команда... С. 18, 23.
- ²⁶ *Кулинский А. Н.* Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800-1917 годов: Определитель. СПб., 1994. С. 131.
- ²⁷ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. VI. С. 147-148.
- ²⁸ *Татарников К. В.* Павловская команда... С. 19.
- ²⁹ Еще в средние века во Франции «жандармами» называли конных латников. Именно в таком значении это слово применялось по отношению к гатчинским кирасирам. Никаких полицейских функций они не выполняли.
- ³⁰ *Левинсон-Нечаева М. Н.* Изучение и описание музейных тканей... С. 77.
- ³¹ *Введенский Г. Э.* Пять веков русского военного мундира. С. 228.
- ³² *Юркевич Е. И.* «Маленькие синие Ее Величества...» // Спектр-Гатчина. № 48 (458). 1 дек. 2004 г. С. 8.
- ³³ *Введенский Г. Э.* Пять веков русского военного мундира. С. 272.
- ³⁴ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. VI. 141-142; *Татарников К. В.* Павловская команда... С. 24-27.
- ³⁵ ЦХ-1621-II.
- ³⁶ Сведения о Гатчинских войсках. С. 80-81; *Татарников К. В.* Павловская команда... С. 41.
- ³⁷ Там же. С. 28.
- ³⁸ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. VI. С. 142; *Татарников К. В.* Павловская команда... С. 27-28.
- ³⁹ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. VI. С. 142-143.
- ⁴⁰ Сведения о Гатчинских войсках. С. 83.
- ⁴¹ ЦХ-1542-III.
- ⁴² ЦХ-1541-III.

- ⁴³ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. VI. С. 143-144.
- ⁴⁴ *Татарников К. В.* Павловская команда... С. 30.
- ⁴⁵ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. VI. С. 143-144.
- ⁴⁶ *Татарников К. В.* Павловская команда... С. 30.
- ⁴⁷ Там же. С. 31.
- ⁴⁸ Там же. С. 30-31.
- ⁴⁹ Там же. С. 32, 34; *Ратч В. Ф.* Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 52.
- ⁵⁰ *Татарников К. В.* Павловская команда... С. 34-35; *Ратч В. Ф.* Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 46-49, 51-52.
- ⁵¹ ЦХ-2001-Х1.
- ⁵² *Ратч В. Ф.* Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 47.
- ⁵³ *Татарников К. В.* Павловская команда... С. 34; *Ратч В. Ф.* Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 50-51.
- ⁵⁴ *Львовский П. Д.* Знамена отечественной артиллерии: Исторический очерк // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. II: К 40-й годовщине Советских Вооруженных Сил. Л., 1958. С. 250-251.
- ⁵⁵ *Сыромятникова И. С.* История прически. М., 1988. С. 144-145, 163-164; *Введенский Г. Э.* Пять веков русского военного мундира. С. 251.
- ⁵⁶ *Ульянов И. Э.* Прически русской пехоты в эпоху Императора Александра I // Сержант. 2004. № 2 (29). С. 8.
- ⁵⁷ *Летин С. А.* Русский военный мундир XVIII века... С. 34; *Голыженков И., Степанов Б.* Европейский солдат за 300 лет... С. 11; *Сыромятникова И. С.* История прически. С. 147.
- ⁵⁸ *Писаренко К. А.* Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 249.
- ⁵⁹ *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. С. 145.
- ⁶⁰ Его Императорского Величества Воинский Устав о полевой пехотной службе. СПб., 1797 (далее — Воинский Устав). С. 95; *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый.

С. 281; *Ульянов И. Э.* Прически русской пехоты в эпоху Императора Александра I . С. 7-9; *Хренов М. М., Зубов Р. Т., Коновалов И. Ф., Нестеров-Комаров Г. Н., Теровкин М. А.* Военная одежда русской армии. С. 122; *Бегунова А. И.* От кольчуги до мундира. С. 152-153; *Сыромятникова И. С.* История прически. С. 163; *Меерович Г. И., Буданов Ф. В.* Суворов в Петербурге. С. 228-229; Записки генерала Отрошенко: 1800-1830 гг. М., 2006. С. 17.

⁶¹ *Ульянов И. Э.* Прически русской пехоты в эпоху Императора Александра I . С. 7-9; *Хренов М. М., Зубов Р. Т., Коновалов И. Ф., Нестеров-Комаров Г. Н., Теровкин М. А.* Военная одежда русской армии. С. 122.

⁶² Воинский Устав. С. 95.

⁶³ Записки генерала Отрошенко... С. 17.

⁶⁴ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. VI. С. 148.

⁶⁵ *Эйдельман Н. Я.* Грань веков: Политическая борьба в России: Конец XVIII — начало XIX столетия. СПб., 1992. С. 161.

⁶⁶ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 9. С. 5-8; *Летин С. А.* Семь мундиров за семь лет: Обмундирование офицеров-гвардейцев в царствование Императора Павла I // Родина. 2000. № 11. С. 73.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ *Летин С. А.* Российская Императорская Гвардия. С. 165.

⁶⁹ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 9. С. 6.

⁷⁰ Там же. С. 8.

⁷¹ *Летин С. А.* Российская Императорская Гвардия. С. 58, 140, 147-148.

⁷² Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 9. С. 5-12; *Летин С. А.* Российская Императорская Гвардия. С. 164-167; *Летин С. А.* Семь мундиров за семь лет... С. 72-76; *Марыняк А.* Погибнуть или победить: Быт и традиции Российской Императорской Гвардии // Родина. 2000. № П. С. 113.

⁷³ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 7. С. 100-101; Ч. 9. С. 13.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. С. 201-202; *Таланов А. И.* Знамена русской пехоты 1812-1814 гг. // *Военно-исторический журнал.* 1991. № 3. С. 62.

⁷⁶ *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. С. 201-202.

⁷⁷ Там же. С. 202.

⁷⁸ МС-16633.

⁷⁹ *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. С. 202-203.

⁸⁰ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 9. С. 75.

⁸¹ Там же. С. 20-21.

⁸² Записки Н. А. Саблукова. С. 63. Здесь имеется в виду изменение расцветки как повседневных колетов, подколетников и чепраков, так и вицмундиров.

⁸³ Там же. С. 14-21.

⁸⁴ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 8. С. 28-29; Ч. 9. С. 21-24; *Летин С. А.* Российская Императорская Гвардия. С. 171-172.

⁸⁵ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 9. С. 24-26; *Летин С. А.* Российская Императорская Гвардия. С. 172.

⁸⁶ *Долгорукий С. Н.* Хроника... № 202.

⁸⁷ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 8. С. 12-13; Ч. 9. С. 14.

⁸⁸ Там же. С. 62-63, 71; *Таланов А. И.* Штандарты русской кавалерии в Отечественной войне 1812 года // *Военно-исторический журнал.* 1991. № 8. С. 65.

⁸⁹ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 9. С. 71.

⁹⁰ Там же. С. 70.

⁹¹ Там же. С. 70-71.

⁹² Там же. С. 71; *Таланов А. И.* Штандарты русской кавалерии... С. 65.

⁹³ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 9. С. 71-72.

⁹⁴ Там же. С. 63.

⁹⁵ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 8. С. 32-36; Ч. 9. С. 26.

⁹⁶ Там же. С. 75.

⁹⁷ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 7. С. 74.

⁹⁸ Там же. С. 73-74; *Введенский Г. Э.* Пять веков русского военного мундира. С. 198.

⁹⁹ Армейские гренадерские полки, кроме Лейб-Гренадерского, состояли из двух гренадерских и десяти фузилерных рот. Фузилеры носили особые шапки, более низкие, чем гренадерки, с закругленной тульей.

¹⁰⁰ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 7. С. 95.

¹⁰¹ Там же. С. 77. Цвет налобников на шапках — по цвету приборного металла (пуговиц). Кайзер-флаг на налобниках в армейских полках не раскрашивался.

¹⁰² Там же. С. 90-91.

¹⁰³ Там же. С. 85.

¹⁰⁴ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 8. С. 40.

¹⁰⁵ Там же. С. 43.

¹⁰⁶ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 7. С. 99-100; Ч. 9. С. 37.

¹⁰⁷ Там же. С. 42.

¹⁰⁸ Там же. С. 50.

¹⁰⁹ Там же. С. 44.

¹¹⁰ Там же. С. 49.

¹¹¹ Там же. С. 47.

¹¹² Там же. С. 51.

¹¹³ Там же. С. 75.

¹¹⁴ Там же. С. 61.

¹¹⁵ Там же. С. 59-61; *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. С. 204.

¹¹⁶ Там же. С. 201; *Таланов А. И.* Штандарты русской кавалерии... С. 64.

¹¹⁷ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 9. С. 61-62; *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. С. 204.

¹¹⁸ *Федоров Г. К.* Георгиевские награды // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 67.

¹¹⁹ Там же.

- ¹²⁰ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 9. С. 76.
- ¹²¹ *Звегинцов В. В.* Знамена и штандарты русской армии XVI в.—1914 г. и морские флаги. Париж, 1964. С. 141-142.
- ¹²² Официальные воинские символы России. Т. I: Военные геральдические знаки Вооруженных Сил Российской Федерации. [М.], 2005. С. 12, 29-54.
- ¹²³ *Долгорукий С. Н.* Хроника... № 209-211; Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 8. С. 32-39; Ч. 9. С. 26.
- ¹²⁴ Там же. Ч. 8. С. 36-39; *Левинсон-Нечаева М. Н.* Изучение и описание музейных тканей... С. 76.
- ¹²⁵ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 8. С. 39-40.
- ¹²⁶ Там же. Ч. 9. С. 75.
- ¹²⁷ Там же. С. 26-28.
- ¹²⁸ Там же. С. 72.
- ¹²⁹ *Звегинцов В. В.* Знамена и штандарты русской армии... С. 72.
- ¹³⁰ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 9. С. 28.
- ¹³¹ Там же. С. 28-29.
- ¹³² Там же. С. 29-30.
- ¹³³ Там же. С. 75.
- ¹³⁴ Там же. С. 38-40.
- ¹³⁵ Там же. С. 38-39.
- ¹³⁶ Там же. С. 38.
- ¹³⁷ Там же. С. 39.
- ¹³⁸ Там же. Ч. 8. С. 69-70.
- ¹³⁹ Там же. С. 70.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 12.
- ¹⁴¹ Там же. Ч. 9. С. 39.
- ¹⁴² Там же. С. 36-37.
- ¹⁴³ Там же. С. 37.
- ¹⁴⁴ Там же. Ч. 8. С. 42.
- ¹⁴⁵ Там же. Ч. 9. С. 37-38.
- ¹⁴⁶ *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. СПб., 1999. С. 204-205.

- ¹⁴⁷ *Меерович Г. И., Буданов Ф. В.* Суворов в Петербурге. С. 227-228.
- ¹⁴⁸ *Введенский Г. Э.* Пять веков русского военного мундира. С. 310, 314.
- ¹⁴⁹ *Меерович Г. И., Буданов Ф. В.* Суворов в Петербурге. С. 228.
- ¹⁵⁰ Полководцы, военачальники и военные деятели России... Т. II. С. 116.
- ¹⁵¹ *Валькович А. М., Рыбин В. А.* Введение. С. 5; Полководцы, военачальники и военные деятели России... Т. II. С. 117.
- ¹⁵² *Валькович А. М., Рыбин В. А.* Введение. С. 5.
- ¹⁵³ Полководцы, военачальники и военные деятели России... Т. II. С. 117.
- ¹⁵⁴ *Летин С. А.* Русский военный мундир XVIII века. С. 100.
- ¹⁵⁵ Описание мундиров инфантерии. СПб., [1797].
- ¹⁵⁶ Описание мундиров кирасирских и драгунских полков. СПб., [1797].
- ¹⁵⁷ Описание мундиров инфантерии. С. 2.
- ¹⁵⁸ *Валькович А. М., Рыбин В. А.* Введение. С. 5.
- ¹⁵⁹ Русская армия в конце XVIII века. С. 5, 11-123.
- ¹⁶⁰ ГДМ-403-VI. Изображение Сухопутных Армейских Мундиров Российско-Императорского войска, состоящих из 225-ти листов иллюминированных. Рисовал, гравировал и иллюминировал Капитан Кексгольмского Мушкетерского полку Яков фон Люде. В Санктпетербурге 1797-го года.
- ¹⁶¹ ГДМ-264-XI. Альбом акварелей с изображением мундиров войск Павла I.
- ¹⁶² *Хренов М. М., Зубов Р. Т., Коновалов И. Ф., Нестеров-Комаров Г. Н., Теровкин М. А.* Военная одежда русской армии. С. 123.
- ¹⁶³ Предисловие // Цареубийство 11 марта 1801 года... С. XVIII-XIX.
- ¹⁶⁴ *Раков Л. Л.* Русская военная форма: Очерк-путеводитель по выставке «История русской военной формы». Л., 1946. С. 26; *Бегунова А. И.* От кольчуги до мундира. С. 73; *Хренов М. М., Зубов Р. Т., Коновалов И. Ф., Нестеров-Комаров Г. Н., Теровкин М. А.* Военная одежда русской армии. С. 99; *Преснухин М.* Армия Суворова в Италии и Швейца-

рии: 1799: Очерки походного быта // Военный сборник: Статьи и публикации по российской военной истории до 1917. М., 2004. С. 64.

¹⁶⁵ Предисловие // Цареубийство 11 марта 1801 года... С. XIX.

¹⁶⁶ Шляпы: ГДМ-35-II, ГДМ-46-II, ГДМ-50-II, ГДМ-63-II, ГДМ-75-II; Галстуки: ГДМ-25-II, ГДМ-36-II, ГДМ-46-II, ГДМ-64-II, ГДМ-199-II; Мундиры пехотные: ГДМ-32-II, ГДМ-60-II; Мундиры артиллерийские: ГДМ-22-II, ГДМ-41-II; Камзолы: ГДМ-23-II, ГДМ-33-II, ГДМ-42-II, ГДМ-61-II, ГДМ-71-II, ГДМ-114-II; Штаны: ГДМ-24-II, ГДМ-34-II, ГДМ-44-II, ГДМ-62-II, ГДМ-73-II; Штиблеты: ГДМ-40-II, ГДМ-43-II; Башмаки: ГДМ-47-II.

¹⁶⁷ Шапка гренадерская: ЦХ-1587-II; Галстуки: ЦХ-1598-II, ЦХ-1628-II; Мундиры пехотные: ЦХ-1578-II, ЦХ-1626-II; Мундир драгунский: ЦХ-1621-II; Камзолы: ЦХ-1627-II; Штаны: ЦХ-1571-II, ЦХ-4822-II.

¹⁶⁸ Шапки гренадерские: МС-762, МС-764, МС-765; Шапка пионерная: МС-3735; Шапка фузилерная: МС-15891; Шляпы: МС-799, МС-791, МС-796, МС-798; Шапка фуражная: МС-756; Мундиры пехотные: МС-657, МС-663, МС-672, МС-679, МС-707; Мундиры кавалерийские: МС-658, МС-700, МС-708, МС-703, МС-661, МС-890, МС-671, МС-704, МС-706, МС-666; Мундир артиллерийский: МС-705; Камзолы: МС-717, МС-718, МС-729, МС-669, МС-659; Китель солдатский кирасирский: МС-664; Шинели солдатские пехотные: МС-676, МС-715; Плащ солдатский кавалерийский: МС-673; Ботинки гусарские: МС-830/1, МС-830/2.

¹⁶⁹ Шапки гренадерские: 15/449, 15/5210; Мундиры пехотные: 12/1191, 12/1213, 12/1214, 12/1288, 12/3092; Мундиры артиллерийские: 12/1207, 12/1212.

¹⁷⁰ *Летин С. А.* Русский военный мундир XVIII века... С. 102; *Бегунова А. И.* От кольчуги до мундира. С. 154-155.

¹⁷¹ *Преснухин М.* Армия Суворова в Италии и Швейцарии. С. 69.

¹⁷² См.: *Funcken L., Funcken F.* Historische Uniformen: Napoleonische Zeit, 18. und 19. Jahrhundert: Preussen,

Deutschland, Osterreich, Frankreich, Grossbritannien, Russland. [Muenchen], [2000]. S. 148-380.

¹⁷³ Кудряшов И. Ю. Линейная пехота Франции 1812-1815: Регламент Бардена // Сержант. 1997. № 4. С. 28, 30, 31; Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 519.

¹⁷⁴ Валькович А. М., Рыбин В. А. Введение. С. 4.

¹⁷⁵ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 8. С. 33.

¹⁷⁶ Летин С. А. Российская Императорская Гвардия. С. 166; Глинка В. М. Русский военный костюм XVII — начала XX века. С. 92; Введенский Г. Э. Терминология мундироведения: Язык области знаний и атрибуционные реалии. СПб., 1998. С. 73.

¹⁷⁷ Валькович А. М., Рыбин В. А. Введение. С. 4.

Глава 5

¹ Длуголенский Я. Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга... С. 6-7.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 63-64.

⁴ Там же. С. 58-62, 65-75.

⁵ Там же. С. 71.

⁶ Столетие С.-Петербургского Комендантского управления, С. 1.

⁷ Там же. С. 2, 6-7.

⁸ Там же. С. 1-2.

⁹ Воинский Устав. С. 49-52.

¹⁰ Там же. С. 50.

¹¹ Там же. С. 51.

¹² Там же. С. 52.

¹³ Столетие С.-Петербургского Комендантского управления... С. 2.

¹⁴ Воинский Устав. С. 54.

¹⁵ Столетие С.-Петербургского Комендантского управления... С. 5.

¹⁶ Там же. С. 2, 5, 8.

¹⁷ Там же. С. 8.

¹⁸ Там же. С. 6.

¹⁹ Томсинов В. А. Временщик. С. 50.

²⁰ Ратч В. Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве. С. 98.

²¹ Томсинов В. А. Временщик. С. 54-55.

²² Там же. С. 59; 300 лет военной истории Санкт-Петербурга: Санкт-Петербург — военная столица, военно-научный и военно-промышленный центр страны. СПб., 2003. С. 562; Полководцы, военачальники и военные деятели России... Т. II. С. 117.

²³ 300 лет военной истории Санкт-Петербурга. С. 562.

Глава 6

¹ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 1. С. 179.

² Томсинов В. А. Временщик. С. 55.

³ Григорьев К. В. Быт и служба офицерского корпуса Санкт-Петербурга в царствование Павла I: По воспоминаниям современников // Петербургские чтения-96. СПб., 1996. С. 420.

⁴ Цит. по: Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 277.

⁵ Валькович А. М. На прусско-гатчинский манер... С. 68.

⁶ ПСЗРИ. Т. XXIV. № 17559. С. 7.

⁷ ПСЗРИ. Т. XXIV. № 17587. С. 26-212; Бегунова А. И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. М., 2000. С. 39.

⁸ ПСЗРИ. Т. XXIV. № 17650. С. 241.

⁹ См.: Дирин П. Н. История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Т. I. СПб., 1883. С. 328-329.

¹⁰ Там же. С. 328.

¹¹ Судравский В. К. История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 321-322.

¹² Там же. С. 319.

¹³ Мережковский Д. С. Павел I. Александр I. М., 1991. С. 13.

¹⁴ Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота. С. 216.

¹⁵ Орлов Н. А. Гвардейские егеря при Павле Петровиче... С. 19-20.

¹⁶ Чичерин А. История Лейб-Гвардии Преображенского полка: 1683-1883. Т. II: 1725—1801. СПб., 1883. С. 461;

Дирин П. Н. История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Т. I. С. 322-324; Орлов Н. А. Гвардейские егеря при Павле Петровиче... С. 19-20; Судравский В. К. История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 285; Мередиш В. Ф. 165 лет Кексгольмского Гренадерского Императора Австрийского полка. С. 68.

¹⁷ Анненков И. В. История Лейб-Гвардии Конного полка. Ч. 1. СПб., 1849. С. 203; Манзей К. История Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка... Ч. 1. С. 128.

¹⁸ Панчулидзе С. А. История Кавалергардов. С. 192.

¹⁹ ПСЗРИ. Т. XXIV. № 18144. С. 700.

²⁰ Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота. С. 217.

²¹ Судравский В. К. История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 320.

²² Воинский Устав. С. 52-57.

²³ Там же. С. 52.

²⁴ ПСЗРИ. Т. XXIV. № 17535. С. 5.

²⁵ ОР РНБ. Ф. Эрм. № 353. «Журнал имянным приказам Его Императорского Величества, отдаваемым при пароле, на 1799 год».

²⁶ Там же. Л. 168.

²⁷ Там же. Л. 1-246.

²⁸ Там же. Л. 14-14 об.

²⁹ Там же. Л. 207 об.

³⁰ Там же. Л. 65.

³¹ Там же. Л. 46.

³² Валишевский К. Сын Великой Екатерины... С. 112.

³³ Валькович А. На прусско-гатчинский манер... С. 66.

³⁴ См.: Судравский В. К. История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 319.

³⁵ КФЦЖ. Январь—июнь 1799 года. СПб., 1898. С. 40, 70; КФЦЖ. Январь—июнь 1800 года. СПб., 1899. С. 280; КФЦЖ. Июль—декабрь 1800 года. СПб., 1900. С. 68-69, 89, 93, 98, 130, 134, 139.

³⁶ КФЦЖ. Январь—июнь 1799 года. СПб., 1898. С. 40.

³⁷ Там же. С. 70.

³⁸ Записки А. Х. Эйлера // Русский архив. 1880. Кн. 2. С. 339-340.

- ³⁹ Там же. С. 340.
- ⁴⁰ ПСЗРИ. Т. XXVI. № 19592. СПб., 1830. С. 331-337.
- ⁴¹ Там же. С. 331.
- ⁴² О вахт-параде. (СПб.), [1800]. С. 1-20.
- ⁴³ См.: *Дирин П. Н.* История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Т. I. С. 322; *Эйдельман И. Я.* Грань веков... С. 54.
- ⁴⁴ *Судравский В. К.* История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 301.
- ⁴⁵ *Панчулидзева С. А.* История Кавалергардов. С. 193.
- ⁴⁶ Воинский Устав. С. 55.
- ⁴⁷ *Панчулидзева С. А.* История Кавалергардов. С. 193.
- ⁴⁸ Записки Н. А. Саблукова. С. 58.
- ⁴⁹ *Эйдельман И. Я.* Грань веков... С. 54.
- ⁵⁰ *Анненков И. В.* История Лейб-Гвардии Конного полка. Ч. 1. С. 209-210.
- ⁵¹ Там же. С. 171-172.
- ⁵² *Судравский В. К.* История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 292.
- ⁵³ См.: *Дирин П. Н.* История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Т. I. С. 322; *Орлов Н. А.* Гвардейские егеря при Павле Петровиче... С. 24; *Судравский В. К.* История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 292; *Воронов П., Бутовский В.* История Лейб-Гвардии Павловского полка: 1790-1890. Ч. 1. СПб., 1890. С. 15; *Мередих В. Ф.* 165 лет Кексгольмского Гренадерского Императора Австрийского полка. С. 68; *Анненков И. В.* История Лейб-Гвардии Конного полка. С. 203, 209; *Панчулидзева С. А.* История Кавалергардов. С. 187-188, 193.
- ⁵⁴ *Судравский В. К.* История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 311.
- ⁵⁵ *Воронов П., Бутовский В.* История Лейб-Гвардии Павловского полка. Ч. 1. С. 16.
- ⁵⁶ *Летин С. А.* Российская Императорская Гвардия. С. 118.
- ⁵⁷ *Анненков И. В.* История Лейб-Гвардии Конного полка. Ч. 1. С. 202.
- ⁵⁸ *Летин С. А.* Российская Императорская Гвардия. С. 119.
- ⁵⁹ *Манзей К.* История Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка... Ч. 1. С. 131; *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. СПб., 2001. С. 213.

- ⁶⁰ *Мартынов Н.* Исторический очерк столетия Лейб-Гвардии Уральской Казачьей сотни. СПб.. 1898. С. 9.
- ⁶¹ *Манзей К.* История Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка... Ч. 1. С. 129.
- ⁶² *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 213.
- ⁶³ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ДКМ. Д. 1372. Л. 28 об.
- ⁶⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ДКМ. Д. 1372. Л. 3-7.
- ⁶⁵ См.: *Дирин П. Н.* История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Т. I. С. 344; *Анненков И. В.* История Лейб-Гвардии Конного полка. Ч. 1. С. 198.
- ⁶⁶ Воинский Устав. С. 5-7, 36-38.
- ⁶⁷ Там же. С. 36-37.
- ⁶⁸ См.: *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 415; *Хрещатицкий Б. Р.* История Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка. Ч. I. С. 157.
- ⁶⁹ Воинский Устав. С. 37-38.
- ⁷⁰ *Манзей К.* История Лейб-Гвардии Гусарского... полка... Ч. 1. С. 121-122.
- ⁷¹ *Энгельгардт Л. И.* Записки. С. 151-152.
- ⁷² *Воронов П., Бутовский В.* История Лейб-Гвардии Павловского полка... Ч. I. С. 17.
- ⁷³ КФЦЖ. Январь—март 1798 года. СПб., 1896. С. 375-464; КФЦЖ. Апрель—июнь 1797 года. СПб., 1897. С. 328; КФЦЖ. Июль—сентябрь 1797 года. СПб., 1897. С. 649-650, 837 847-857, 875-877, 892-893; КФЦЖ. Октябрь—декабрь 1797 года. СПб., 1897. С. 1028. 1036, 1040-1041, 1045, 1062, 1390, 1416; КФЦЖ. Январь—июнь 1798 года. СПб., 1897. С. 17, 93-94, 101, 108, 111, 119-120, 123, 135, 137-138, 223, 237. 241, 249, 280, 313-314, 321, 323, 325, 327, 330, 412, 416 420, 423, 441, 484, 516, 521-522; КФЦЖ. Июль—декабрь 1798 года. СПб., 1897. С. 980-981, 984-985. 988-989. 993-994 1255, 1281, 1285, 1300, 1329; КФЦЖ. Июль—декабрь 1799 года. СПб., 1898. С. 1053-1367. 1440; КФЦЖ. Январь—июнь 1801 года. СПб.. 1901. С. 27, 33.
- ⁷⁴ КФЦЖ. Июль—декабрь 1789 года. С. 980-981, 984-985, 988-989, 993-994.

- ⁷⁵ См., напр.: *Меерович Г. И., Буданов Ф. В.* Суворов в Петербурге. С. 226.
- ⁷⁶ *Гнатовский Н. И., Шорин П. А.* История развития отечественного стрелкового оружия. М., 1959. С. 25.
- ⁷⁷ *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4: Новое время. СПб., 2001. С. 189.
- ⁷⁸ *Воинский Устав.* С. 27.
- ⁷⁹ *Баиов А. К.* Военное дело в эпоху Императора Павла I // История русской армии от зарождения Руси до войны 1812г. СПб., 2003. С. 487.
- ⁸⁰ ОР РНБ. Ф. Эрм. № 174. Л. 6.
- ⁸¹ *Потоцкий П. П.* История Гвардейской артиллерии. С. 40.
- ⁸² КФЦЖ. Июль—сентябрь 1797 года. С. 749; КФЦЖ. Июль—декабрь 1798 года. С. 1023; КФЦЖ. Июль—декабрь 1800 года. С. 118.
- ⁸³ КФЦЖ. Июль—декабрь 1798 года. С. 1024.
- ⁸⁴ См.: Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год // Артиллерийский журнал. 1853. № 1. С. 178.
- ⁸⁵ *Юркевич Е. И.* Артиллерия Гатчинских войск... С. 26.
- ⁸⁶ Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год // Артиллерийский журнал. 1853. № 1. С. 178-179.
- ⁸⁷ *Жервэ Н. П., Строев В. Н.* Исторический очерк 2-го Кадетского корпуса... Т. 1. С. 118.
- ⁸⁸ *Висковатов А. В.* Краткая история Первого Кадетского корпуса. С. 52.
- ⁸⁹ *Жервэ Н. П., Строев В. Н.* Исторический очерк 2-го Кадетского корпуса... Т. 1. С. 119; *Висковатов А. В.* Краткая история Первого Кадетского корпуса. С. 51.
- ⁹⁰ *Жервэ Н. П., Строев В. Н.* Исторический очерк 2-го Кадетского корпуса... Т. 1. С. 130.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² *Крылов В. М.* Кадетские корпуса и российские кадеты. С. 30.
- ⁹³ *Висковатов А. В.* Краткая история Первого Кадетского корпуса. С. 51.
- ⁹⁴ *Милорадович.* Материалы для истории Пажеского... Корпуса... С. 37-38.

- ⁹⁵ Там же. С. 38.
- ⁹⁶ Исторический очерк Павловского военного училища... С. 8; *Галушко Ю. А., Колесников А. А.* Школа российского офицерства: Исторический справочник. М., 1993. С. 54.
- ⁹⁷ *Жервэ Н. П., Строев В. Н.* Исторический очерк 2-го Кадетского корпуса... С. 119.
- ⁹⁸ *Булгарин Ф. В.* Воспоминания. С. 121-122.
- ⁹⁹ *Тутунов В. И.* История военной музыки России / Под общ. ред. Е. С. Аксенова. М., 2005. С. 95.
- ¹⁰⁰ Воинский Устав. С. 1,4.
- ¹⁰¹ *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. С. 214.
- ¹⁰² Его Императорского Величества Воинский Устав о полевой кавалерийской службе. СПб., 1799. С. 1-2.
- ¹⁰³ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск... Ч. 8. С. 27-28.
- ¹⁰⁴ *Тутунов В. И.* История военной музыки России. С. 193.
- ¹⁰⁵ Ставя предлог «в» именно таким образом, автор следует давней традиции, сложившейся в русской Гвардии еще в XVIII в.
- ¹⁰⁶ *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. С. 214, 260-261.
- ¹⁰⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ДКМ. Д. 1372. Л. 11.
- ¹⁰⁸ *Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы России. М., 1993. С. 160-164; Военная музыка в Санкт-Петербурге: 1703-2003. С. 45, 52.
- ¹⁰⁹ *Тутунов В. И.* История военной музыки России. С. 102-104.
- ¹¹⁰ *Ковалев К. П.* Бортнянский. М., 1989. С. 138.
- ¹¹¹ *Дирин П. Н.* История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Т. I. С. 341-342.
- ¹¹² *Тутунов В. И.* История военной музыки России. С. 100-101.
- ¹¹³ Там же. С. 125.
- ¹¹⁴ *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. С. 214.

Глава 7

- ¹ КФЦЖ. Июль—декабрь 1798 года. С. 1067-1069.
- ² *Судравский В. К.* История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 300.

- ³ *Дирин П. Н.* История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Т. I. С. 358.
- ⁴ КФЦЖ. Июль—декабрь 1799 года. С. 218.
- ⁵ КФЦЖ. Январь—июнь 1800 года. С. 399, 402-403, 417, 571-572.
- ⁶ КФЦЖ. Июль—сентябрь 1797 года. С. 837, 847-849, 875-877, 892-893, 923-924; КФЦЖ. Июль—декабрь 1798 года. С. 116, 1232, 1235; КФЦЖ. Июль—декабрь 1800 года. С. 142-143, 146, 149, 220, 224. 237-239, 248-249, 254-256, 263.
- ⁷ КФЦЖ. Июль—сентябрь 1797 года. С. 683-685.
- ⁸ *Анненков И. В.* История Лейб-Гвардии Конного полка. Ч. I. С. 209.
- ⁹ КФЦЖ. Июль—декабрь 1800 года. С. 127-128, 130, 164, 171, 224, 226, 242-243.
- ¹⁰ КФЦЖ. Июль—декабрь 1800 года. С. 237-238, 248-249, 254-255.
- ¹¹ КФЦЖ. Июль—декабрь 1800 года. С. 237.
- ¹² *Грибанов В. К.* Багратион в Петербурге. С. 59.
- ¹³ КФЦЖ. Июль—декабрь 1800 года. С. 249, 255.
- ¹⁴ *Троицкий Н. А.* Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. М., 2002. С. 82-83.
- ¹⁵ КФЦЖ. Июль—декабрь 1800 года. С. 256.
- ¹⁶ См.: *Юркевич Е. И.* Маневры в Гатчине в 1800 году: К картинам Г. Шварца «Маневры в Гатчине при Павле I» и «Парад в Гатчине при Павле I» // Санкт-Петербург и Вооруженные Силы: Сб. ст. научно-практической конференции. Вып. III. СПб., 1998 (Петербургские чтения). С. 230-233.
- ¹⁷ *Дирин П. Н.* История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Т. II. СПб., 1883. С. 21; Т. I. С. 330-331.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 331-332.
- ²⁰ *Анненков И. В.* История Лейб-Гвардии Конного полка. Ч. I. С. 202; *Манзей К.* История Лейб-Гвардии Гусарского... полка... Ч. I. С. 108, 131.
- ²¹ КФЦЖ. Январь—март 1797 года. С. 41-46; КФЦЖ. Январь—июнь 1798 года. С. 33-38; КФЦЖ. Январь—июнь 1799 года. С. 43-44.

²² КФЦЖ. Январь—июнь 1800 года. С. 15-16, 20.

²³ КФЦЖ. Июль—сентябрь 1797 года. С. 656-658.

²⁴ КФЦЖ. Июль—декабрь 1798 года. С. 941; КФЦЖ. Июль—декабрь 1799 года. С. 1130-1131; КФЦЖ. Июль—декабрь 1800 года. С. 1117.

²⁵ *Анненков И. В.* История Лейб-Гвардии Конного полка. Ч. I. С. 209-210; КФЦЖ. Октябрь—декабрь 1797 года. С. 1259, 1280, 1287, 1301; КФЦЖ. Январь—июнь 1798 года. С. 2, 155-164, 172-173; КФЦЖ. Июль—декабрь 1798 года. С. 1095, 1427, 1490-1491, 1504, 1522, 1534-1535, 1624; КФЦЖ. Январь—июнь 1799 года. С. 1, 664, 794-795, 936-934; КФЦЖ. Июль—декабрь 1799 года. С. 1944-1945, 1574, 1654, 1728, 1762, 1827, 1843-1844, 1867, 1882.

²⁶ Там же.

²⁷ *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. С. 201-203; КФЦЖ. Июль—сентябрь 1797 года. С. 629, 633, 638, 656-658, 779, 791; КФЦЖ. Октябрь—декабрь 1797 года. С. 1372, 1373, 1387; КФЦЖ. Январь—июнь 1798 года. С. 12-24; КФЦЖ. Январь—июнь 1799 года. С. 29-30, 43-44; КФЦЖ. Июль—декабрь 1799 года. С. 1475; КФЦЖ. Январь—июнь 1800 года. С. 269-270, 286; КФЦЖ. Июль—декабрь 1800 года. С. 77-78.

²⁸ КФЦЖ. 1796 года. СПб., 1896. С. 821-828, 860-868; КФЦЖ. Январь—март 1797 года. С. 388-391; КФЦЖ. Январь—июнь 1798 года. С. 245; КФЦЖ. Июль—декабрь 1800 года. С. 445-453.

²⁹ КФЦЖ. Январь—июнь 1799 года. С. 464-846; КФЦЖ. Июль—декабрь 1799 года. С. 987-1673.

³⁰ КФЦЖ. Июль—декабрь 1799 года. С. 1708-1711.

³¹ КФЦЖ. Январь—июнь 1799 года. С. 926-934; Павел Петрович: Великий Князь. Император. Павловск; СПб., 2001 (Владельцы Павловского дворца). С. 116.

Глава 8

¹ *Кючарианиц Д. А., Раскин А. Г.* Гатчина. С. 203-205; Гатчина: Страницы истории. С. 52; *Петрова О. В.* Город Гатчина в проектах архитекторов XVIII-XIX веков: Из собрания

государственного музея-заповедника «Гатчина». СПб., 2005. С. 6-7, 30-31.

² Впрочем, по причинам, автору этих строк не понятным, на домах до сих пор закреплены таблички с надписью «Проспект 25 октября».

³ Федорова В. В. «При деревне Гатчине госпиталь» // Старая Гатчина: Исторические очерки, архивные исследования, воспоминания, литературные материалы. СПб., 1996. С. 69-72.

⁴ Кючарианц Д. А., Раскин А. Г. Гатчина. С. 218—220; Петрова О. В. Город Гатчина в проектах архитекторов XVIII-XIX веков. С. 8-9.

⁵ Семенова Г. В. Крепость Мариенталь // Император Павел I — взгляд XXI века: К 250-летию со дня рождения: Материалы научной конференции. СПб., 2004. С. 209-211; Анисимова Е. Е. Крепость Бип — планировочная и стилеобразующая доминанта города Павловска // Петербургские чтения-96. СПб., 1996. С. 247-249.

⁶ Скоробогатов А. В. Цесаревич Павел Петрович. С. 216.

⁷ Хайкина Л. В., Пучков В. В. Под диктовку Его Высочества // Михайловский замок. СПб., 2004. С. 14-40; Пучков В. В., Хайкина Л. В. «Nos opus hic labor est» // Михайловский замок. СПб., 2004. С. 41-63; Лансере Н. Е. Винченцо Брена. СПб., 2006. С. 97-130.

⁸ См.: Зеленский Ю. Н. Некоторые традиции и современные проблемы размещения войск на примере Санкт-Петербурга // Санкт-Петербург и Вооруженные Силы: Сб. ст. научно-практической конференции. Вып. I. СПб., 1995. С. 40; Быт русской армии XVIII—начала XX века / Авт.-сост. С. В. Карпущенко. М., 1999. С. 40; Антонов Б. И. Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 139.

⁹ Ляпидевский Н. История казарменного помещения войск в России // Инженерный журнал. 1882. № 3. С. 317.

¹⁰ Там же. С. 318-319.

¹¹ Там же. С. 319-320.

¹² Судравский В. К. История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 288.

¹³ *Ляпидевский Н.* История казарменного помещения войск в России. С. 323-325; *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 139.

¹⁴ См.: *Ляпидевский Н.* История казарменного помещения войск в России. С. 322-323.

¹⁵ Там же. С. 324.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Дирин П. Н.* История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Т. II. С. 42-44.

¹⁸ *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 147-148.

¹⁹ *Дирин П. Н.* История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Т. II. С. 42, 43.

²⁰ *Зноско-Боровский Н.* История Лейб-Гвардии Измайловского полка. С. 48; *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 150.

²¹ *Чичерин А.* История Лейб-Гвардии Преображенского полка. Т. II. С. 496-498; *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 138-139, 150-151.

²² *Орлов Н. А.* Гвардейские егеря при Павле Петровиче. С. 15; *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 149.

²³ *Ляпидевский Н.* История казарменного помещения войск в России. С. 326-327.

²⁴ *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 140.

²⁵ *Ляпидевский Н.* История казарменного помещения войск в России. С. 327.

²⁶ Там же.

²⁷ *Анненков И. В.* История Лейб-Гвардии Конного полка. Ч. I. С. 171-172; *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 139—140.

²⁸ *Панчулидзева С. А.* История Кавалергардов. С. 136-137, 143, 167, 177; История Кавалергардов и Кавалергардского Ее Величества полка с 1724 по 1-е июля 1851 года. СПб., 1851. С. 49; *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 142-143.

²⁹ *Манзей К.* История Лейб-Гвардии Гусарского... полка... Ч. I. С. 107-108.

³⁰ *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 153.

³¹ *Потоцкий П. П.* История Гвардейской артиллерии. С. 44; *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 180.

³² *Судравский В. К.* История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 289.

³³ Там же. С. 303.

³⁴ *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 141; *Судравский В. К.* История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 289, 306, 310-311.

³⁵ Там же. С. 311.

³⁶ *Ляпидевский Н.* История казарменного помещения войск в России. С. 325; *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 153.

³⁷ *Ляпидевский Н.* История казарменного помещения войск в России. С. 325.

³⁸ Там же. С. 324-326.

³⁹ *Воронов П., Бутовский В.* История Лейб-Гвардии Павловского полка... Ч. I. С. 13; *Мильников А.* История Лейб-Гвардии Резервного пехотного полка. С. 6.

⁴⁰ *Воронов П., Бутовский В.* История Лейб-Гвардии Павловского полка... С. 13.

⁴¹ *Гоувальт О. Х.* История Лейб-Гвардии Павловского полка. С. 77-78.

⁴² *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 141-142.

⁴³ *Кормильцева О. М., Лапина Е. Б.* «Марсовы поля» Санкт-Петербурга // Бомбардир. 2001. № 14. С. 53.

⁴⁴ Там же; *Антонов Б. И.* Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. С. 148.

⁴⁵ *Кормильцева О. М., Лапина Е. Б.* «Марсовы поля» Санкт-Петербурга // Бомбардир. 2001. № 14. С. 53.

⁴⁶ Там же. С. 52.

⁴⁷ *Лансере Н. Е.* Винченцо Бренна. С. 109-110, 161.

⁴⁸ Там же. С. 161-163.

⁴⁹ *Климанов С. Г.* Военные архитектурные ансамбли Санкт-Петербурга // *Бомбардир*. 2001. № 14. С. 51; *Мурашова Н. В.* Федор Демерцов. СПб., 2002. С. 28-36.

⁵⁰ *Котков В. М.* Военное духовенство России... Кн. I. С.101-102.

⁵¹ *Маковская Л. К., Рудакова Л. П.* Документальные свидетельства архива ВИМАИВиВС // *Бомбардир*. 2001. № 14. С. 48; *Лаврушин Е. Е.* Архитектура промышленных построек военного ведомства. С. 60; Утраченные памятники архитектуры Петербурга—Ленинграда: Каталог выставки / Авт-сост: В. В. Антонов, А. В. Кобак. Л., 1988. С. 7.

⁵² Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год // *Артиллерийский журнал*. 1852. № VI. С. 162; *Маковская Л. К., Рудакова Л. П.* Документальные свидетельства архива ВИМАИВиВС // *Бомбардир*. 2001. № 14. С. 48.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Руденко Ю. К.* Уникальное укрепление // *Бомбардир*. 2001. № 14. С. 39.

⁵⁵ *Степанов С. Д.* Санкт-Петербургская Петропавловская крепость: История проектирования и строительства. СПб., 2000. С. 170.

⁵⁶ См.: *Будко А. А., Иванович Ф. А., Шабунин А. В.* Госпиталь Лейб-гвардии Семеновского полка // *Бомбардир*. 2001. № 14. С. 66-67; *Мурашова Н. В.* Федор Демерцов. С. 43-44.

⁵⁷ *Дирин П. Н.* История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Т. II. С. 36-37.

⁵⁸ *Будко А. А., Иванович Ф. А., Шабунин А. В.* Госпиталь Лейб-гвардии Семеновского полка. С. 67.

⁵⁹ История военной медицины России. Т. 2: XVIII в. СПб., 2002. С. 62.

⁶⁰ *Климанов С. Г.* Военные архитектурные ансамбли Санкт-Петербурга. С. 52.

⁶¹ *Антонов В. В., Кобак А. В.* Полковые храмы Петербурга // *Невский архив: Историко-краеведческий сборник*. М.; СПб., 1993. С. 179-181.

⁶² *Петрова О. В.* Екатеринвердер — часть застройки Гатчины Павловского времени: Миф или реальность // *Импе-*

раторская Гатчина: Материалы научной конференции. СПб., 2003. С. 8-18; *Она же*. Город Гатчина в проектах архитекторов ХУШ-ХГХ веков. С. 10.

⁶³ *Семенова Г. В.* Крепость Мариенталь // Император Павел I — взгляд XXI века... С. 211-212.

⁶⁴ *Лансере Н. Е.* Винченцо Бренна. С. 51.

Глава 9

¹ *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 1. С. 183.

² Там же; *Турусов В. П.* Русские полки за границей в 1799 году // Военно-историческая фигурка: Альманах. 2000. №. 16. С. 43-46. — Фамилии командиров корпусов даются на момент прибытия на театр военных действий.

³ *Милютин Д. А.* История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование Императора Павла I. Т. I. СПб., 1857. С. 90-91.

⁴ Там же. С. 91.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Там же.

⁷ Императорская Гвардия: Справочная книжка... С. 81.

⁸ Там же. С. 160, 147, 140.

⁹ Там же. С. 140.

¹⁰ *Марков М. И.* История Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества полка. Т. I. СПб., 1884. С. 158-160.

¹¹ *Судравский В. К.* История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 306, 309, 310.

¹² *Мередиш В. Ф.* 165 лет Кексгольмского гренадерского Императора Австрийского полка. С. 69.

¹³ Императорская Гвардия: Справочная книжка... С. 160, 147, 140; *Судравский В. К.* История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 310; *Мередиш В. Ф.* 165 лет Кексгольмского гренадерского Императора Австрийского полка. С. 69.

¹⁴ *Оболенский Г. Л.* Император Павел I. С. 236.

¹⁵ *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1991. С. 104.

¹⁶ Там же. С. 106.

¹⁷ *Жилин П. А.* Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов: Жизнь и полководческая деятельность. М., 1988. С. 64, 65.

¹⁸ Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией... Т. II. С. 537.

¹⁹ См.: Балязин В. Н. Фельдмаршал Михаил Богданович Барклай-де-Толли: Жизнь и полководческая деятельность. М., 1990. С. 46; Жилин П. А. Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов... С. 60.

²⁰ Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией... Т. III. С. 665.

²¹ Жилин П. А. Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов... С. 65.

Глава 10

¹ Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 2005. С. 31.

² Гатчина: Страницы истории. С. 23; Осипов К. Александр Васильевич Суворов. М., 1950. С. 181.

³ Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. С. 399-400.

⁴ Там же. С. 402.

⁵ Меерович Г. И., Буданов Ф. В. Суворов в Петербурге. С. 230.

⁶ Сорокин Ю. А. Павел I: Личность и судьба. С. 73.

⁷ Меерович Г. И., Буданов Ф. В. Суворов в Петербурге. С. 234.

⁸ Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. С. 402-403.

⁹ Меерович Г. И., Буданов Ф. В. Суворов в Петербурге. С. 235, 237.

¹⁰ Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. С. 403-407; Меерович Г. И., Буданов Ф. В. Суворов в Петербурге. С. 239.

¹¹ Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. С. 407.

¹² Там же.

¹³ Томсинов В. А. Временщик. С. 59-60.

¹⁴ Воин Царя Небесного: Генералиссимус Александр Васильевич Суворов / Авт.-сост. В. А. Локтющенков, А. Ю. Егоров. СПб., 2004. С. 20.

¹⁵ *Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус князь Суворов. С. 428-429.

¹⁶ Там же. С. 430.

¹⁷ Там же. С. 431.

¹⁸ См.: *А. В. Суворов: Походы и сражения в письмах и записках.* М., 1990. С. 375-377.

¹⁹ *Головкин Ф. Г.* Двор и царствование Павла I: Портреты, воспоминания. М., 2003. С. 327.

²⁰ *Оболенский Г. Л.* Император Павел I. С. 223.

²¹ *Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус князь Суворов. С. 446-448; *Сорокин Ю. А.* Павел I: Личность и судьба. С. 73; *Роголин Н. Г.* Награды А. В. Суворова 1799-1800 гг. // Военно-историческая фигурка: Альманах. 1999. № 14. С. 36.

²² См.: *Галенко Б. В.* Суворов и генерал И. Герман: К вопросу о «недоверии» Павла I к полководцу в 1799 году // Император и Генералиссимус: Сборник статей к 250-летию со дня рождения Императора Павла I и 275-летию со дня рождения А. В. Суворова. С. 31-40.

²³ *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 1. С. 192.

²⁴ Там же.

²⁵ *Роголин Н. Г.* Награды А. В. Суворова 1799-1800 гг. С. 36.

²⁶ *Галенко Б. В.* Статус Генералиссимуса в России // Император и Генералиссимус. С. 29.

²⁷ См.: *Козюренко К. Л.* «История о светлости» // Там же. С. 53-59.

²⁸ *Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус князь Суворов. С. 617.

²⁹ *Меерович Г. И., Буданов Ф. В.* Суворов в Петербурге. С. 270, 272.

³⁰ *Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус князь Суворов. С. 630.

³¹ Там же; *Меерович Г. И., Буданов Ф. В.* Суворов в Петербурге. С. 271; *Осипов К.* Александр Васильевич Суворов. С. 288.

³² *Козюренко К. Л.* Еще раз о причинах опалы А. В. Суворова 1800 г. // Император и Генералиссимус. С. 49-50.

- ³³ *Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус князь Суворов. С. 635-636; *Оболенский Г. Л.* Император Павел I. С. 232-234.
- ³⁴ *Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус князь Суворов. С. 629.
- ³⁵ *Меерович Г. И., Буданов Ф. В.* Суворов в Петербурге. С. 273, 279.
- ³⁶ *Лукирский А. Н.* К вопросу о церемониале похорон А. В. Суворова // Суворовские чтения: Материалы конференции. СПб., 1999. С. 25.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 25-31.
- ³⁹ См.: *Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус князь Суворов. С. 645.
- ⁴⁰ *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 416-417.
- ⁴¹ *Козюренко К. Л.* «Жаль»: Прощание Императора с Генералиссимусом, 12 мая 1800 года // Император и Генералиссимус. С. 70-72.
- ⁴² Там же. С. 70-71, 73.
- ⁴³ Там же. С. 75-76.
- ⁴⁴ См.: *Галенко Б. В., Козюренко К. Л.* Прижизненный памятник // Император и Генералиссимус. С. 59-64.
- ⁴⁵ *Сорокин Ю. А.* Павел I: Личность и судьба. С. 73.

Глава 11

- ¹ *Григорьев К. В.* Быт и служба офицерского корпуса Санкт-Петербурга в царствование Павла I (по воспоминаниям современников) // Петербургские чтения-96. С. 422.
- ² Записки А. Х. Эйлера. С. 338.
- ³ *Дирин П. Н.* История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Т. I. С. 338.
- ⁴ КФЦЖ. Январь—март 1797 года. С. 173-181; КФЦЖ. Июль—сентябрь 1797 года. С. 514; КФЦЖ. Январь—июнь 1798 года. С. 137-138, 413-415.
- ⁵ *Панчулидзева С. А.* История Кавалергардов. С. 197.
- ⁶ *Судравский В. К.* История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. I. С. 325.
- ⁷ *Валькович А. М.* На прусско-гатчинский манер... С. 71-70

- ⁸ *Эйдельман Н. Я.* Грань веков... С. 74-75.
- ⁹ *Томсинов В. А.* Временщик. С. 69; *Маковская Л. К.* Уникальные памятники военной истории // Музей военной истории и боевой славы: Сборник статей, посвященных 240-летию музея: Вып. VII. СПб., 1996. С. 284, 290.
- ¹⁰ *Томсинов В. А.* Временщик. С. 69.
- 11 Там же. С. 70.
- ¹² *Струков Д. П.* Столетие Военного Министерства: 1802-1902. Ч. I. Кн. I. С. 353-354.
- ¹³ *Томсинов В. А.* Временщик. С. 70.
- ¹⁴ *Сахаров А. Н.* Александр I. М., 1998. С. 177.
- ¹⁵ См.: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: Путеводитель. СПб., 2003. С. 50-52.
- ¹⁶ *Валькович А. М.* На прусско-гатчинский манер... С. 70-71.
- ¹⁷ *Сорокин Ю. А.* Павел I: Личность и судьба. С. 66-67.
- ¹⁸ См.: *Меерович Г. И., Буданов Ф. В.* Суворов в Петербурге. С. 218-219; *Грибанов В. К.* Багратион в Петербурге. С. 36-37.
- ¹⁹ См.: *Эйдельман Н. Я.* Грань веков... С. 126-130.
- ²⁰ *Валькович А. М.* На прусско-гатчинский манер... С. 71.
- ²¹ История военной медицины России... С. 60; *Будко А. А., Шабунин А. В.* История медицины Санкт-Петербурга: XVIII век. С. 114-116.
- ²² История питания защитника Государства Российского / Под ред. Ю. Л. Шевченко. Т. I: Питание российских воинов до середины XIX века. СПб., 2000. С. 83-88.
- ²³ *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Регулярная пехота. С. 223.
- ²⁴ *Серков С. Р.* Орден Святой Анны // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 95; *Петере Д. И.* Воинские наградные медали России эпохи Павла I // Русская армия в конце XVIII века: Из документальных сокровищ Центрального Государственного военно-исторического архива СССР: Каталог выставки. Звенигород, 1990. С. 6-7; *Можейко И. В.* Награды. М., 1998. С. 77-78.
- ²⁵ *Петере Д. И.* Воинские наградные медали России эпохи Павла I. С. 6-7; Каталоги Артиллерийского исторического

музея: Каталог отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков / Сост. Е. Н. Шевелева. Л., 1962. С. 44-45.

²⁶ ПСЗРИ. Т. XXIV. № 17731. С. 275.

²⁷ КФЦЖ 1796 года. С. 807; КФЦЖ. Январь—март 1797 года. С. 16, 31, 65, 120, 134, 156, 206-207, 264, 303, 333, 355, 377; КФЦЖ. Январь—июнь 1798 года. С. 293-294, 324; КФЦЖ. Январь—июнь 1801 года. С. 50.

²⁸ КФЦЖ. Июль—декабрь 1798 года. С. 1361, 1434; КФЦЖ. Январь—июнь 1800 года. С. 153.

²⁹ Записки Н. А. Саблукова. С. 84-85.

³⁰ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 1. С. 180.

³¹ Булгарин Ф. В. Воспоминания. С. 123.

³² Там же.

³³ См.: Григорьев К. В. Быт и служба офицерского корпуса Санкт-Петербурга... С. 420.

³⁴ Судравский В. К. История Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Т. 1. С. 325-326.

³⁵ Там же. С. 314.

³⁶ Предисловие // Цареубийство 11 марта 1801 года... С. XXVIII-XXIX.

³⁷ Рассказы генерала Кутлубицкого о временах Павла I-го. С. 506.

³⁸ Вальковича М. На прусско-гатчинский манер... С. 71.

³⁹ Записки Н. А. Саблукова. С. 93.

⁴⁰ Панчулидзева С. А. История Кавалергардов. С. 298.

⁴¹ Калюжный Д. В., Кеслер Я. А. Другая история Российской империи: От Петра до Павла. М., 2004. С. 408.

⁴² Голубин В. Павел I — реформатор армии // Павловск: Историко-краеведческий альманах. 1996. № 2. С. 30.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 728. Оп. 1. Д. 304. Основание и формирование Артиллерийской команды Его Императорского Высочества Великого Князя и Наследника Всероссийского Престола, и проч., и проч., о должности, упражнении и перемене обмундирования оной, как и о учреждении конной артиллерии при кирасирском полку. 4.1.

Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. Штаба Генерал-Фельдцейхмейстера (ШГФ). Д. 2399. Дела Гатчинские 1785 года.

АВИМАИВиВС. Ф. Дела Командные (ДКМ). Оп. 4. Д. 884. Краткий журнал исходящим походной канцелярии артиллерии генерал-поручика и кавалера Мелиссино делам 1792 года.

АВИМАИВиВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 911. Входящие дела военно-походной канцелярии артиллерии генерал-поручика и кавалера Мелиссино: сентябрь и октябрь 1794 года.

АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ДКМ. Д. 1372. Дело о караулах 1796 года.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. Эрмитажного собрания (Эрм.). № 174. Собрание разных егерских правил, выбранных из практических записок и сообразованных в сходствие Устава г. м. и к. Рабинским.

ОР РНБ. Ф. Эрм. № 187 а. Собрание о разных древних военных и о укреплениях мест до изыскания пороха, также

и по изобретении оногo, огнестрельных машин и на противу их переменяющейсѣ фортификации: Сочинено для употреблення Егo Императорскому Высочеству Государю и Великому Князю Павлу Петровичу в 1760 году.

ОР РНБ.Ф. Эрм. № 187 б. Собрание о разных древних военных и о укреплениях мест до изыскания пороха, также и по изобретении оногo, огнестрельных машин и на противу их переменяющейсѣ фортификации: Сочинено для употреблення Егo Императорскому Высочеству Государю и Великому Князю Павлу Петровичу в 1760 году.

ОР РНБ. Ф. Эрм. № 353. Журнал имянным приказам Егo Императорского Величества, отдаваемым при пароле, на 1799 год.

Государственный музей-заповедник «Гатчина». ГДМ-403-VI. Изображение Сухопутных Армейских Мундиров Российско-Императорского войска, состоящих из 225-ти листов иллюминированных. Рисовал, гравировал и иллюминировал Капитан Кексгольмскаго Мушкетерскаго полку Яков фон Люде. В Санктпетербурге 1797-го года.

Государственный музей-заповедник «Гатчина». ГДМ-264-XI. Альбом акварелей с изображением мундиров войск Павла I.

Опубликованные источники

А. В. Суворов: Походы и сражения в письмах и записках. М., 1990.

Булгарин Ф. В. Воспоминания. М., 2001.

Великий князь Павел Петрович: Переписка в. к. Павла Петровича с гр. Петром Паниным // Русская старина. 1882. Т. XXXIII. Февраль—апрель. С. 403-418, 739-764.

Головкин Ф. Г. Двор и царствование Павла I: Портреты, воспоминания. М., 2003.

Его Императорского Величества Воинский Устав о полевой кавалерийской службе. СПб., 1799.

Его Императорского Величества Воинский Устав о полевой пехотной службе. СПб., 1797.

Записки А. Х. Эйлера // Русский архив. 1880. Кн. 2. М., 1880. С. 333-399.

Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова, первого по времени морского министра, с предисловием, примечаниями и заметками Л. М. Чичагова. М., 2002.

Записки генерала Отрощенко: 1800-1830 гг. М., 2006.

Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722-1762) // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов»: 1720-е — 1760-е годы / Сост. Е. В. Анисимов. Л., 1991. С. 282-350.

Записки Н. А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб., 1907. С. 282-350.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1796 года. СПб., 1896.

Камер-фурьерский церемониальный журнал: Январь — март 1797 года. СПб., 1896.

Камер-фурьерский церемониальный журнал: Апрель — июнь 1797 года. СПб., 1897.

Камер-фурьерский церемониальный журнал: Июль — сентябрь 1797 года. СПб., 1897.

Камер-фурьерский церемониальный журнал: Октябрь — декабрь 1797 года. СПб., 1897.

Камер-фурьерский церемониальный журнал: Январь — июнь 1798 года. СПб., 1897.

Камер-фурьерский церемониальный журнал: Июль — декабрь 1798 года. СПб., 1897.

Камер-фурьерский церемониальный журнал: Январь — июнь 1799 года. СПб., 1898.

Камер-фурьерский церемониальный журнал: Июль — декабрь 1799 года. СПб., 1898.

Камер-фурьерский церемониальный журнал: Январь — июнь 1800 года. СПб., 1899.

Камер-фурьерский церемониальный журнал: Июль-декабрь 1800 года. СПб., 1900.

Камер-фурьерский церемониальный журнал: Январь — июнь 1801 года. СПб., 1901.

Комаровский Е. Ф. Записки // Державный сфинкс / Сост. А. Либерман, В. Наумов, С. Шокарев. М., 1999. С. 11-156.

Краткие артиллерийские записки для наставления унтер-офицеров в новоучрежденных артиллерийских баталионах, сочиненные при Артиллерийском и Инженерном Шляхетном Кадетском Корпусе. СПб., 1789.

О вахт-параде. (СПб.], [1800].

Описание мундиров инфантерии. СПб., [1797].

Описание мундиров кирасирских и драгунских полков. СПб., [1797].

Планы, принадлежащие к сведениям, собранным о Гатчинских войсках. СПб., 1835.

Полное собрание законов Российской Империи. Т. XXV. СПб., 1830.

Полное собрание законов Российской Империи. Т. XVI. СПб., 1830.

Порошин С. А. Записки, служащие к истории Великого Князя Павла Петровича // Русский Гамлет / Сост. А. В. Скоробогаатов. М., 2004. С. 11-372.

Рассказы генерала Кутлубицкого о временах Павла 1-го // Русский архив. 1912. Вып. 8. С. 509-538.

Рескрипты и записки Государя Императора Павла I к графу Аракчееву. [СПб.], [Б. г.].

Росписание Армии Его Императорского Величества на Инспекции, с назначением полкам и батальонам непрременных квартир: По 26-е Генваря 1800 года. [Б. м.], [1800].

Русская армия в конце XVIII века: Из документальных сокровищ Центрального Государственного военно-исторического архива СССР: Каталог выставки. Звенигород, 1990.

Хроника Российской Императорской Армии: Из разных сведений собрана генерал-майором, Государственной Военной Коллегии членом и ордена Святой Анны первой степени кавалером князем Долгоруким: Напечатана по Всевысочайшему Его Императорского Величества повелению. СПб., 1799.

Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1997.

Литература

Алехин П. Г., Леонов О. В. Корпус принца де Конде в России, 1797-1800 гг. // Сержант. 2005. № 3 (32). С. 3-12.

Анненков И. В. История Лейб-Гвардии Конного полка. Ч. 1. СПб., 1849.

Анисимова Е. Е. Крепость Бип — планировочная и стилеобразующая доминанта города Павловска // Петербургские чтения-96. СПб., 1996. С. 246-249.

Антонов Б. И. Императорская Гвардия в Санкт-Петербурге. СПб., 2001.

Антонов В. В., Кобак А. В. Полковые храмы Петербурга // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1993. С. 179-181.

Баиов А. К. Военное дело в эпоху Императора Павла I // История русской армии от зарождения Руси до войны 1812г. СПб., 2003. С. 470-493.

Балязин В. Н. Фельдмаршал Михаил Богданович Барклай-де-Толли: Жизнь и полководческая деятельность. М., 1990.

Бантыш-Каменский Д. М. Биографии российских Генералиссимусов и Генерал-Фельдмаршалов с 48 портретами. Ч. II. СПб., 1840.

Барбасов А. П. Боевая подготовка русской артиллерии в XVIII веке // Сборник исследований и материалов Артиллерийского Исторического Музея. Вып. III. Л., 1958. С. 63-79.

Барсков Я. Проекты военных реформ Цесаревича Павла // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 3-4. С. 282-350.

Бахарева Н. Ю. Семья придворных живописцев: Иоганн Якоб и Павел Меттенляйтеры // Император Павел I: Взгляд XXI века: К 250-летию со дня рождения: Материалы научной конференции. СПб., 2004. С. 216-231.

Бегунова А. И. От кольчуги до мундира: Книга для учащихся. М., 1993.

Бегунова А. И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. М., 2000.

Бегунова А. И., Космолинский П. Ф. Первые вахтпаралы // Советский музей. 1988. № 6. С. 65-67.

Безотосный В. М., Васильев А. А., Горшман А. М., Пархаев О. К., Смирнов А. А. Русская армия 1812-1814. М., 2000.

Белик А. К. Павел I — Генерал-Адмирал российского флота // Император Павел I: Каталог выставки. СПб., 2004. С. 31-38.

Берсенева В. В. Петр Кириллович Эссен — Петербургский военный генерал-губернатор // Фамилия Эссен в Санкт-Петербурге: Материалы научной конференции 23-24 ноября 1999 г. СПб., 1999. С. 110-118.

Бранденбург Н. Е. 500-летие Русской Артиллерии. СПб., 1889.

Будко А. А., Иванович Ф. А., Шабунин А. В. Госпиталь Лейб-гвардии Семеновского полка // Бомбардир. 2001. № 14. С. 66-69.

Будко А. А., Шабунин А. В. История медицины Санкт-Петербурга: XVIII век. СПб., 2003.

Быт русской армии XVIII — начала XX века / Авт.-сост. С. В. Карпушенко. М., 1999.

Валишевский К. Ф. Сын Великой Екатерины: Император Павел I: Его жизнь, царствование и смерть: 1754-1801. М., 1993.

Валькович А. М. На прусско-гатчинский манер: Свет и тени павловских реформ в Гвардии // Родина. 2000. № 11. С. 65-71.

Валькович А. М., Рыбин В. А. Введение // Русская армия в конце XVIII века: Из документальных сокровищ Центрального Государственного военно-исторического архива СССР: Каталог выставки. Звенигород, 1990.

Васильев А., Космолинский П. По образцу «потешных частей»: Русский военный мундир: Что скрывается за деталью? // Советский музей. 1985. №. 6. С. 74-76.

Введенский Г. Э. Пять веков русского военного мундира: Энциклопедия русской армии. СПб., 2005.

Введенский Г. Э. Терминология мундироведения: Язык области знаний и атрибуционные реалии. СПб., 1998.

Висковатов А. В. Краткая история Первого Кадетского корпуса. СПб., 1832.

Военная музыка в Санкт-Петербурге: 1703-2003. СПб., 2004.

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: Путеводитель. СПб., 2003.

Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия: Именные списки 1769-1920: Биобиблиографический справочник / Отв. сост. В. М. Шабанов. М., 2004.

Воин Царя Небесного: Генералиссимус Александр Васильевич Суворов / Авт.-сост. В. А. Локтющенков, А. Ю. Егоров. СПб., 2004.

Выборжанин В. Российский флот в царствование Павла I // Павловск: Историко-краеведческий альманах. 1996. № 2. С. 21-25.

Выборжанин В. Спасение Петербурга // Павловск: Историко-краеведческий альманах. 1996. № 2. С. 14-20.

Высочков Л. В. Император Николай I: Человек и Государь. СПб., 2001.

Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин: Из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989.

Галенко Б. В. Статус Генералиссимуса в России // Император и Генералиссимус: Сборник статей к 250-летию со дня рождения Императора Павла I и 275-летию со дня рождения А. В. Суворова. СПб., 2004. С. 22-31.

Галенко Б. В. Суворов и генерал И. Герман: К вопросу о «недоверии» Павла I к полководцу в 1799 году // Император и Генералиссимус: Сборник статей к 250-летию со дня рождения Императора Павла I и 275-летию со дня рождения А. В. Суворова. СПб., 2004. С. 31-40.

Галенко Б. В., Козюренко К. Л. Прижизненный памятник // Император и Генералиссимус: Сборник статей к 250-летию со дня рождения Императора Павла I и 275-летию со дня рождения А. В. Суворова. С. 59-64.

Гатчина: Страницы истории / Сост. Т. Ф. Родионова. М.; СПб., 2001.

Гладкий А. И. Первое столетие: Хроника примечательных событий в истории музея: 1756-1868 // Музей военной истории и боевой славы: Сборник статей, посвященных 240-летию музея. СПб., 1996. С. 329-336.

Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века. Л., 1988.

Глинка В. М., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1974.

Гнатовский Н. И., Шорин П. А. История развития отечественного стрелкового оружия. М., 1959.

Голубин В. Павел I — реформатор армии // Павловск: Историко-краеведческий альманах. 1996. № 2. С. 26-30.

Голыженков И., Степанов Б. Европейский солдат за 300 лет: 1618-1918: Энциклопедия военного костюма. М., 2001.

Грибанов В. К. Багратион в Петербурге. Л., 1979.

Григорьев К. В. Быт и служба офицерского корпуса Санкт-Петербурга в царствование Павла I: По воспоминаниям современников // Петербургские чтения-96. СПб., 1996. С.420-423.

Гувальт О. Х. История Лейб-Гвардии Павловского полка. СПб., 1852.

Гуляев Ю. Н., Шемуратов Л. В. Сыны Отечества // Артиллерия и время: Сборник статей и материалов, посвященных 610-летию отечественной артиллерии и 130-летию ГАУ—ГРАУ. СПб., 1993. С. 167-190.

Дважды Краснознаменный Балтийский флот. 3-е изд., испр. и доп. М., 1990.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4: Новое время. СПб., 2001.

Денисон Дж. История конницы. Кн. I. М., 2001.

Дирин П. Н. История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Т. I — П. СПб., 1883.

Длуголенский Я. Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга: 1703-1917. СПб., 2001.

Жервэ Н. П., Строев В. Н. Исторический очерк 2-го Кадетского корпуса: 1712-1912. Т. 1. СПб., 1912.

Жилин П. А. Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов: Жизнь и полководческая деятельность. М., 1988.

Звегинцов В. В. Знамена и штандарты русской армии XVI в. — 1914 г. и морские флаги. Париж, 1964.

Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Око Государево: Российские прокуроры: XVIII век. М., 1994.

Зеленский Ю. Н. Некоторые традиции и современные проблемы размещения войск на примере Санкт-Петербурга // Санкт-Петербург и Вооруженные Силы: Сб. ст. научно-практической конференции: Вып. I. СПб., 1995. С. 40-42.

Земцов В. Н., Ляпин В. А. Екатеринбург в мундире: Форменная одежда в истории Екатеринбурга XVIII — начала XX в. Екатеринбург, 1992.

Зноско-Боровский Н. История Лейб-Гвардии Измайловского полка. СПб., 1882.

Золотарев В. А., Саксонов О. В., Тюшкевич С. А. Военная история России. Жуковский: М., 2002.

Императорская Гвардия: Справочная книжка Императорской Главной Квартиры: По 1-е мая 1910 года. 2-е изд. / Под ред. В. К. Шенка. [СПб.], [1910].

Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского Военно-сиротского дома: 1798-1898. СПб., 1898.

Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению. Ч. VI. СПб., 1847.

Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 7-9. СПб., 1900.

История артиллерии от ее происхождения до 1822 года, сочиненная Деккером: Перевел с немецкого С. Маркевич, второго кадетского корпуса капитан. СПб., 1833.

История военной медицины России: Т. 2: XVIII в. СПб., 2002.

История Кавалергардов и Кавалергардского Ее Величества полка с 1724 по 1-е июля 1851 года. СПб., 1851.

История Лейб-Гвардии Егерского полка за сто лет: 1796-1896: Составлена по архивным документам и другим источникам офицерами Л.-Гв. Егерского полка. СПб., 1896.

История отечественной артиллерии. М., 1960. Т. 1: Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн. 2: Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). М., 1960.

Глинка В. М., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1974.

Гнатовский Н. И., Шорин П. А. История развития отечественного стрелкового оружия. М., 1959.

Голубин В. Павел I — реформатор армии // Павловск: Историко-краеведческий альманах. 1996. № 2. С. 26-30.

Голыженков И., Степанов Б. Европейский солдат за 300 лет: 1618-1918: Энциклопедия военного костюма. М., 2001.

Грибанов В. К. Багратион в Петербурге. Л., 1979.

Григорьев К. В. Быт и служба офицерского корпуса Санкт-Петербурга в царствование Павла I: По воспоминаниям современников // Петербургские чтения-96. СПб., 1996. С.420-423.

Гуовальт О. Х. История Лейб-Гвардии Павловского полка. СПб., 1852.

Гуляев Ю. Н., Шемуратов Л. В. Сыны Отечества // Артиллерия и время: Сборник статей и материалов, посвященных 610-летию отечественной артиллерии и 130-летию ГАУ—ГРАУ. СПб., 1993. С. 167-190.

Дважды Краснознаменный Балтийский флот. 3-е изд., испр. и доп. М., 1990.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4: Новое время. СПб., 2001.

Денисон Дж. История конницы. Кн. I. М., 2001.

Дишин П. Н. История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Т. I — II. СПб., 1883.

Длуголенский Я. Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга: 1703-1917. СПб., 2001.

Жервэ Н. П., Строев В. Н. Исторический очерк 2-го Кадетского корпуса: 1712-1912. Т. 1. СПб., 1912.

Жилин П. А. Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов: Жизнь и полководческая деятельность. М., 1988.

Звегинцов В. В. Знамена и штандарты русской армии XVI в. — 1914 г. и морские флаги. Париж, 1964.

Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Око Государево: Российские прокуроры: XVIII век. М., 1994.

Зеленский Ю. Н. Некоторые традиции и современные проблемы размещения войск на примере Санкт-Петербурга // Санкт-Петербург и Вооруженные Силы: Сб. ст. научно-практической конференции: Вып. I. СПб., 1995. С. 40-42.

Земцов В. Н., Ляпин В. А. Екатеринбург в мундире: Форменная одежда в истории Екатеринбурга XVIII — начала XX в. Екатеринбург, 1992.

Зноско-Боровский Н. История Лейб-Гвардии Измайловского полка. СПб., 1882.

Золотарев В. А., Саксонов О. В., Тюшкевич С. А. Военная история России. Жуковский; М., 2002.

Императорская Гвардия: Справочная книжка Императорской Главной Квартиры: По 1-е мая 1910 года. 2-е изд. / Под ред. В. К. Шенка. [СПб.], [1910].

Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского Военно-сиротского дома: 1798-1898. СПб., 1898.

Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, составленное по Высочайшему повелению. Ч. VI. СПб., 1847.

Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 7-9. СПб., 1900.

История артиллерии от ее происхождения до 1822 года, сочиненная Деккером: Перевел с немецкого С. Маркевич, второго кадетского корпуса капитан. СПб., 1833.

История военной медицины России: Т. 2: XVIII в. СПб., 2002.

История Кавалергардов и Кавалергардского Ее Величества полка с 1724 по 1-е июля 1851 года. СПб., 1851.

История Лейб-Гвардии Егерского полка за сто лет: 1796-1896: Составлена по архивным документам и другим источникам офицерами Л.-Гв. Егерского полка. СПб., 1896.

История отечественной артиллерии. М., 1960. Т. 1: Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн. 2: Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). М., 1960.

История питания защитника Государства Российского / Под ред. Ю. Л. Шевченко. Т. I: Питание российских воинов до середины XIX века. СПб., 2000.

Калюжный Д. В., Кеслер Я. А. Другая история Российской Империи: От Петра до Павла. М., 2004.

Кандаурова Т. Н. Гений зла и блага: Слово в защиту Аракчеева // Родина. 2000. № 3. С. 56-60.

Капустина Т. А. Александр I и Заграничные походы русской армии 1813-1814 гг. // Эпоха Наполеоновских войн: Люди, события, идеи: Материалы научной конференции, Москва, 24 апреля 1998 г. М., 1999. С. 20-35.

Каталоги Артиллерийского Исторического Музея: Каталог отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков / Сост. Е. Н. Шевелева. Л., 1962.

Керсновский А. А. История русской армии. Т. 1: От Нарвы до Парижа: 1700-1814 гг. М., 1992; Т. 2: От взятия Парижа до покорения Средней Азии: 1814-1881 гг. М., 1993.

Климанов С. Г. Военные архитектурные ансамбли Санкт-Петербурга // Бомбардир. 2001. № 14. С. 50-52.

Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович: 1754-1796: Историческое исследование. СПб., 2001.

Ковалев К. П. Бортнянский. М., 1989.

Козловский Д. Е. История материальной части артиллерии. М., 1946.

Козюренко К. Л. Еще раз о причинах опалы А. В. Суворова 1800 г. // Император и Генералиссимус: Сборник статей к 250-летию со дня рождения Императора Павла I и 275-летию со дня рождения А. В. Суворова. СПб., 2004. С. 41-53.

Козюренко К. Л. «Жаль»: Прощание Императора с Генералиссимусом, 12 мая 1800 года // Император и Генералиссимус: Сборник статей к 250-летию со дня рождения Императора Павла I и 275-летию со дня рождения А. В. Суворова. СПб., 2004. С. 68-78.

Козюренко К. Л. «История о светлости» // Император и Генералиссимус: Сборник статей к 250-летию со дня рождения Императора Павла I и 275-летию со дня рождения А. В. Суворова. СПб., 2004. С. 53-59.

- Кони Ф. А.* История Фридриха Великого. М., 1997.
- Кормильцева О. М., Лапина Е. Б.* «Марсовы поля» Санкт-Петербурга // Бомбардир. 2001. № 14. С. 52-54.
- Котков В. М.* Военное духовенство России: Страницы истории. Кн. I. СПб., 2004.
- Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 год // Артиллерийский журнал. 1853. № 1. С. 167-235.
- Крылов В. М.* Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998.
- Крылов В. М., Юшкова Л. А.* Военные инженеры в эпоху Екатерины и Павла // Бомбардир. 2000. № 12. С. 14-27.
- Кудряшов И. Ю.* Линейная пехота Франции 1812-1815: Регламент Бардена // Сержант. 1997. № 4. С. 28-31.
- Кулинский А. Н.* Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800-1917 годов: Определитель. СПб., 1994.
- Кучерская М. А.* Константин Павлович. М., 2005.
- Кючарианц Д. А., Раскин А. Г.* Гатчина: Художественные памятники. Л., 1990.
- Лаврушин Е. Е.* Архитектура промышленных построек военного ведомства // Бомбардир. 2001. № 14. С. 60-62.
- Лансере Н. Е.* Винченцо Бренна. СПб., 2006.
- Лебедев П. С.* Опыт разработки новейшей русской истории по неизданным источникам. I: Графы Никита и Петр Панины. СПб., 1863.
- Лебедев П. С.* Преобразователи русской армии в царствование Императора Павла Петровича: 1796-1801 // Русская старина. 1877. Т. XVIII. С. 227-260, 577-608.
- Левинсон-Нечаева М. Н.* Изучение и описание музейных тканей // Изучение и научное описание памятников материальной культуры. М., 1972. С. 70-101.
- Лённрут Э.* Великая роль: Король Густав III, играющий самого себя / Пер. со швед. Ю. Н. Беспятых. СПб., 1999.
- Леонов О.* «Потешные» идут на войну...: Гатчинские войска цесаревича Павла в русско-шведскую кампанию 1788—1790 // Военная иллюстрация: Российский военно-исторический альманах. 1998. № 1. С. 18-23.

Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1698-1801. СПб., 1995.

Летин С. А. Российская Императорская Гвардия. СПб., 2005.

Летин С. А. Русский военный мундир XVIII века: Краткий исторический очерк. М., 1996.

Летин С. А. Семь мундиров за семь лет: Обмундирование офицеров-гвардейцев в царствование Императора Павла I // Родина. 2000. № 11. С. 72-76.

Лукирский А. Н. И. И. Миллер 3-й — участник Итальянского и Швейцарского похода 1799 года и войн начала XIX века // Суворовские чтения: Ноябрь 2000. СПб., 2001. С. 42-44.

Лукирский А. Н. И. Х. Сивере — участник Итало-Швейцарского похода 1799 года и войн начала XIX века // Эпоха Наполеоновских войн: Люди, события, идеи: Материалы научной конференции: Москва, 24 апреля 1998 г. М., 1999. С. 79-81.

Лукирский А. Н. К вопросу о церемониале похорон А. В. Суворова // Суворовские чтения: Материалы конференции. СПб., 1999. С. 25-31.

Львовский П. Д. Знамена отечественной артиллерии: Исторический очерк // Сборник исследований и материалов Артиллерийского Исторического Музея: Выпуск II: К 40-й годовщине Советских Вооруженных Сил. Л., 1958. С. 241-287.

Любченко О. Н. Граф Ростопчин. М., 2000.

Ляпидевский Н. История казарменного размещения войск в России // Инженерный журнал. 1882. № 3. С. 317-336.

Маковская Л. К. Мелиссино П. И. (1726-1797) // Государственный Эрмитаж: Забытые имена и памятники русской культуры: Тезисы докладов конференции к 60-летию Отдела истории русской культуры. СПб., 2001. С. 38-43.

Маковская Л. К. Уникальные памятники военной истории // Музей военной истории и боевой славы: Сборник статей, посвященных 240-летию музея: Вып. VII. СПб., 1996. С. 282-301.

Маковская Л. К., Рудакова Л. П. Документальные свидетельства архива ВИМАИВиВС // Бомбардир. 2001. № 14. С. 46-49.

Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца ХTV — XVIII веков: Определитель. М., 1992.

Манзей К. История Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка: 1775-1857. Ч. II. СПб., 1859.

Марков М. И. История Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества полка. Т. 1. СПб., 1884.

Мартынов Н. Исторический очерк столетия Лейб-Гвардии Уральской Казачьей сотни. СПб., 1898.

Марыняк А. Погибнуть или победить: Быт и традиции Российской Императорской Гвардии // Родина. 2000. № 11. С. 108-114.

Меерович Г. И., Буданов Ф. В. Суворов в Петербурге. Л., 1978.

Мелентьев В. Д. Кутузов в Петербурге. Л., 1986.

Мередиx В. Ф. 165 лет Кексгольмского гренадерского Императора Австрийского полка: 1710-1875. Варшава, 1876.

Мержковский Д. С. Павел I. Александр I. М., 1991. С. 9-66.

Мержеиовский Э. История 13-го пехотного Белозерского Генерал-Фельдмаршала Графа Ласси полка: 1708-1893 г. Варшава, 1894.

Милорадович. Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества Корпуса: 1711-1875. Киев, 1876.

Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование Императора Павла I. Т. I — III. СПб., 1857.

Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники в Отечественной войне // Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война 1812 г.: Воспоминания. М., 2004. С. 265-398.

Михневич Н. П. Отечественная война 1812 г. // История русской армии 1812-1864 гг. СПб., 2003. С. 3-88.

Можейко И. В. Награды. М., 1998.

Мурашова И. В. Федор Демерцов. СПб., 2002.

Мильников А. История Лейб-Гвардии Резервного пехотного полка: 1799-1899. СПб., 1899.

Ненахов Ю. Ю. Войны и кампании Фридриха Великого / Под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск, 2002.

Ниве П. А. Финляндские войны // История русской армии 1812-1864 гг. СПб., 2003. С. 198-268.

Обатурова М. И. Константин Павлович в Стрельне // Цесаревич Константин Павлович: Каталог выставки. СПб.; Петергоф, 2000. С. 29-59.

Обатурова М. И. Цесаревич Константин Павлович // Цесаревич Константин Павлович: Каталог выставки. СПб.; Петергоф, 2000. С.5-27.

Оболенский Г. Л. Император Павел I. М., 2000.

Орлов Н. А. Гвардейские егеря при Павле Петровиче: К столетию Л.-Гв. Егерского полка. СПб., 1896.

Осипов К. Александр Васильевич Суворов. М., 1950.

Официальные воинские символы России. Т. I: Военные геральдические знаки Вооруженных Сил Российской Федерации. [М.], 2005.

Павел Петрович: Великий Князь. Император. Павловск; СПб., 2001 (Владельцы Павловского дворца).

Панчулидзев С. А. Значение военных реформ Павла I // Император и Генералиссимус: Сборник статей к 250-летию со дня рождения Императора Павла I и 275-летию со дня рождения А. В. Суворова. СПб., 2004. С. 5-22.

Панчулидзев С. А. История Кавалергардов: 1724-1799-1899. Т. 2. СПб., 1901.

Петерс Д. И. Воинские наградные медали России эпохи Павла I // Русская армия в конце XVIII века: Из документальных сокровищ Центрального Государственного военно-исторического архива СССР: Каталог выставки. Звенигород, 1990. С. 6-7.

Петрова О. В. Город Гатчина в проектах архитекторов XVIII—XIX веков: Из собрания государственного музея-заповедника «Гатчина». СПб., 2005.

Петрова О. В. Екатеринвердер — часть застройки Гатчины Павловского времени: Миф или реальность // Импе-

раторская Гатчина: Материалы научной конференции. СПб., 2003. С. 8-18.

Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 2005.

Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003.

Подмазо А. А. Шефы и командиры регулярных полков Русской Армии: 1796-1815: Справочное пособие. М., 1997.

Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной Энциклопедии» Сытина. Т. I-III. СПб., 1995-1997.

Потоцкий П. П. История Гвардейской артиллерии. СПб., 1896.

Предисловие // Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб., 1907. С. I-XLVIII.

Преснухин М. Армия Суворова в Италии и Швейцарии: 1799: Очерки походного быта // Военный сборник: Статьи и публикации по российской военной истории до 1917. М., 2004. С. 62-72.

Пучков В. В., Хайкина Л. В. «Nos opus hic labor est» // Михайловский замок. СПб., 2004. С. 41-63.

Раков Л. Л. Русская военная форма: Очерк-путеводитель по выставке «История русской военной формы». Л., 1946.

Ратч В. Ф. Практические занятия Гвардейской артиллерии в царствование Государя Императора Павла Петровича // Артиллерийский журнал. 1853. № 4. С. 313-339.

Ратч В. Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве. СПб., 1864.

Ратч В. Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. СПб., 1851.

Роголин Н. Г. Использование А. В. Суворовым прусского пехотного устава 1743 года при разработке «Полкового учреждения» // Суворовские чтения: Материалы конференции. СПб., 1999. С. 81-90.

Роголин Н. Г. Награды А. В. Суворова 1799-1800 гг. // Военно-историческая фигурка: Альманах. 1999. № 14. С. 36-38.

Руденко Ю. К. Уникальное укрепление // Бомбардир. 2001. № 14. С. 39-41.

Русский биографический словарь Т. II: Алексинский — Бестужев-Рюмин. СПб., 1900.

Русский биографический словарь: Маак — Мятлева. М., 1999.

Русский биографический словарь: Павел — преподобный Петр (Илейка). СПб., 1902.

Сафонов М. М. Завещание Екатерины II: Роман-исследование. СПб., 2002.

Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998.

Сведения о Гатчинских войсках. СПб., 1835.

Семенова Г. В. Крепость Мариенталь // Император Павел I — взгляд XXI века: К 250-летию со дня рождения: Материалы научной конференции. СПб., 2004. С. 208-215.

Серков С. Р. Орден Святой Анны // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 93-95.

Скоробогатов А. В. Цесаревич Павел Петрович: Политический дискурс и социальная практика. М., 2005.

Соболева Н. А., Артамонов В. А. Символы России. М., 1993.

Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб., 1999.

Сорокин Ю. А. Павел I: Личность и судьба. Омск, 1996.

Соц В. Опыт библиотеки для военных людей. СПб., 1826.

Спасский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. СПб., 1993.

Степанов С. Д. Санкт-Петербургская Петропавловская крепость: История проектирования и строительства. СПб., 2000.

Столетие С.-Петербургского Комендантского управления. [СПб.], [1897].

Струков Д. П. Столетие Военного Министерства: 1802-1902: Главное Артиллерийское Управление: Исторический очерк. Ч. I. Кн. I. СПб., 1902.

Судравский В. К. История Лейб-Гвардии Гренадерского полка: 1756-1906. Т. 1: 1-й Гренадерский полк. Лейб-Гренадерский полк. СПб., 1906.

Суханов И. П. Артиллерийская батарея Великого Князя Павла Петровича // Забытый Император: Материалы научной конференции «Ораниенбаумские чтения»: Сборник статей. Вып. 3. СПб., 2002. С. 117-121.

- Сыромятникова И. С.* История прически. М., 1988.
- Таланов А. И.* Знамена русской пехоты 1812-1814 гг. // Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 62-66.
- Таланов А. И.* Штандарты русской кавалерии в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 64-66.
- Тальберг Н. Д.* Павел I: Очерки истории императорской России. [М.], 2001.
- Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1991.
- Татарников К. В.* Павловская команда: История, униформа и снаряжения Гатчинских войск: 1780-е — 1796 гг. М., 2004. Рукопись.
- Томсинов В. А.* Временщик: А. А. Аракчеев. М., 1996.
- 300 лет военной истории Санкт-Петербурга: Санкт-Петербург — военная столица, военно-научный и военно-промышленный центр страны. СПб., 2003.
- Троицкий Н. А.* Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. М., 2002.
- Туган-Мирза-Барановский А.* История Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка. СПб., 1872.
- Туган-Мирза-Барановский А.* Приложения к «Истории Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка». СПб., 1872.
- Турусов В. П.* Русские полки за границей в 1799 году // Военно-историческая фигурка: Альманах. 2000. №. 16. С. 43-4:6.
- Тутунов В. И.* История военной музыки России / Под общ. ред. Е. С. Аксенова. М., 2005.
- Ульянов И. Э.* Прически русской пехоты в эпоху Императора Александра I // Сержант. 2004. № 2 (29). С. 7-13.
- Утраченные памятники архитектуры Петербурга — Ленинграда: Каталог выставки / Авт.-сост.: В. В. Антонов, А. В. Кобак. Л., 1988.
- Фенор В.* Фридрих Вильгельм I. М., 2004.
- Федоров В. А. М. М.* Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997.
- Федоров Г. К.* Георгиевские награды // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 64-67.
- Федорова В. В.* «При деревне Гатчине госпиталь» // Старая Гатчина: Исторические очерки, архивные исследования,

воспоминания, литературные материалы. СПб., 1996. С. 69-78.

Хайкина Л. В., Пучков В. В. Под диктовку Его Высочества // Михайловский замок. СПб., 2004. С. 14-40.

Хренов М. М., Зубов Р. Т., Коновалов И. Ф., Нестеров-Комаров Г. Н., Теровкин М. А. Военная одежда русской армии. М., 1994.

Хрещатицкий Б. Р. История Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка: 1775-1813-1875-1913. 4.1. СПб., 1913.

Чайковская О. Г. «Как любопытный скиф»: Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. М., 1990. С. 242-254.

Чиж В. Ф. Психология злодея, властелина, фанатика: Записки психиатра. М., 2001.

Чичерин А. История Лейб-Гвардии Преображенского полка: 1683-1883. Т. II: 1725-1801. СПб., 1883.

Шенкман Г. С. Генерал Багратион. СПб., 2003.

Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. СПб., 1999.

Шильдер Н. К. Император Павел Первый: Историко-библиографический очерк. [М.], 1996.

Штутман С. М. Герои Отечественной войны 1812 года во главе Внутренней стражи // Внутренняя и Конвойная стража России: 1811-1917: Документы и материалы. М., 2002. С. 496-513.

Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. М., 1995.

Эйдельман Н. Я. Грань веков: Политическая борьба в России: Конец XVIII — начало XIX столетия. СПб., 1992.

Юшкова Л. А. Военные инженеры XVIII столетия // Бомбардир. 2000. № 12. С. 84-93.

Юркевич Е. И. Артиллерия Гатчинских войск Великого Князя Павла Петровича (1783-1796) и ее влияние на развитие русской полевой артиллерии конца XVIII — 1-й четверти XIX веков: Автореф. дис. канд. истор. наук. СПб., 2003.

Юркевич Е. И. «Желание имел определиться в строевую службу к Его Императорскому Высочеству...»: Побег нижних чинов артиллерии Санкт-Петербургского гарнизона

в Гатчинские войска: 1794-1796 гг. // Университетские Петербургские чтения / Под ред. Ю. В. Кривошеева, М. В. Ходякова. СПб., 2003. С. 31-37.

Юркевич Е. И. Забытые учения: К картине Я. Меттенляйтера «Вид маневров в Гатчине в 1795 году» // Петербургские чтения-96. СПб., 1996. С. 410-411.

Юркевич Е. И. «Маленькие синие Ее Величества...» // Спектр-Гатчина. № 48 (458). 1 декабря 2004 г. С. 8-9.

Юркевич Е. И. Маневры в Гатчине в 1800 году: К картинам Г. Шварца «Маневры в Гатчине при Павле I» и «Парад в Гатчине при Павле I» // Санкт-Петербург и Вооруженные Силы: Сб. статей научно-практической конференции. Вып. III. СПб., 1998 (Петербургские чтения). С. 230-233.

Юркевич Е. И. Неизвестное рассуждение об артиллерии Великого Князя Павла Петровича // Бомбардир. 2005. № 18. С. 7-11.

Яблочкин Ю. Н. Введение // Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно. М., 1955. С. 5-38.

Funcken L., Funcken F. Historische Uniformen: Napoleonische Zeit, 18. und 19. Jahrhundert: Preussen, Deutschland, Osterreich, Frankreich, Grossbritannien, Russland. [Muenchen], [2000].

Неизвестный художник.
Портрет Великого Князя Павла Петровича
в форме Кирасирского своего имени полка.
Конец XVIII в. *ВИМАИВУС*

Неизвестный художник.
Портрет А. А. Аракчеева. 1799 г.
ГМЗ «Гатчина»

Рядовой батальона
Его Высочества
Гатчинских войск. 1793 г.
*Рисунок Великого Князя
Павла Петровича.
ГМЗ «Гатчина»*

Рядовой батальона майора
Эртеля Гатчинских войск. 1793 г.
*Рисунок Великого Князя
Павла Петровича.
ГМЗ «Гатчина»*

Рядовой батальона майора
Мертенса Гатчинских войск.
1793 г. *Рисунок Великого
Князя Павла Петровича.*
ГМЗ «Гатчина»

Рядовой егерской роты
Гатчинских войск. 1793 г.
*Рисунок Великого Князя
Павла Петровича.*
ГМЗ «Гатчина»

Рядовой Жандармского полка
Гатчинских войск. 1793 г.

*Рисунок Великого Князя
Павла Петровича.*

ГМЗ «Гатчина»

Рядовой Драгунского полка
Гатчинских войск. 1793 г.

*Рисунок Великого Князя
Павла Петровича.*

ГМЗ «Гатчина»

Рядовой гусарского полка
Гатчинских войск. 1793 г.
*Рисунок Великого Князя
Павла Петровича.
ГМЗ «Гатчина»*

Рядовой Казачьего полка
Гатчинских войск. 1793 г.
*Рисунок Великого Князя
Павла Петровича.
ГМЗ «Гатчина»*

Рядовой пешей артиллерии
Гатчинских войск. 1793 г.

*Рисунок Великого Князя
Павла Петровича.
ГМЗ «Гатчина»*

Рядовой конной артиллерии
Гатчинских войск. 1793 г.

*Рисунок Великого Князя
Павла Петровича.
ГМЗ «Гатчина»*

М. М. Иванов. Вручение новых знамен Лейб-Гвардии
Преображенскому полку 2 января 1798 г. Конец XVIII в.
ГММА. В. Суворова

Мушкетеры Лейб-Гвардии
Преображенского,
Семеновского
и Измайловского полков.
1796-1797 гг.
ВИМАИВиВС

Мушкетерский барабанщик
Лейб-Гвардии
Измайловского полка.
1796-1797 гг.
ВИМАИВиВС

Гренадеры Лейб-Гвардии
Преображенского,
Семеновского
и Измайловского полков.
1796-1797 гг.
ВИМАИВuBC

Музыкант Лейб-Гвардии
Семеновского полка.
1796-1797 гг.
ВИМАИВuBC

Обер-офицеры Лейб-Гвардии
Преображенского,
Семеновского
и Измайловского полков.
1796-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Унтер-офицеры
Лейб-Гвардии
Преображенского
и Семеновского полков.
1797 г. *ВИМАИВиВС*

Гренадер Лейб-Гвардии
Преображенского полка.
1800-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Обер-офицеры Лейб-Гвардии
Преображенского полка.
1800-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Флейтшики Лейб-батальона
Лейб-Гвардии
Преображенского полка.
1800-1801 гг.
ВИМАИВиВС

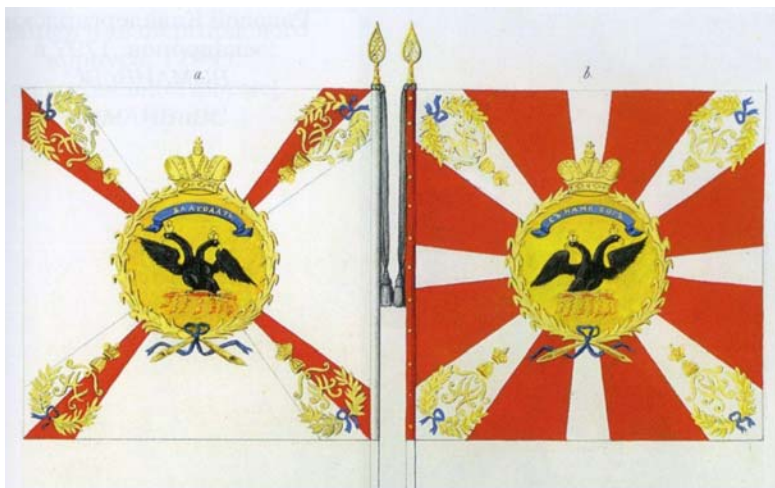
Унтер-офицер и рядовой
Лейб-Гвардии Егерского
батальона. 1796-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Обер-офицер Лейб-Гвардии
Егерского батальона.
1796-1801 гг.
ВИМАИВуВС

Гренадер и обер-офицер
Лейб-Гвардии Гарнизонного
батальона. 1799-1801 гг.
ВИМАИВуВС

Знамена, предназначавшиеся для Лейб-Гвардии
Преображенского, Семеновского и Измайловского полков
в 1800 г. *ВИМАИВиВС*

Офицеры Лейб-Гвардии
Конного полка.
1796-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Рядовой Кавалергардских
эскадронов. 1797 г.
ВИМАИВУС

Трубач и унтер-офицер
Кавалергардского корпуса.
1799 г. (во вседневной
форме). *ВИМАИВУС*

Офицер Кавалергардского
корпуса. 1799 г.
(во вседневной форме).
ВИМАИВиВС

Офицер и унтер-офицер
Кавалергардского корпуса.
1799 г. (в парадной форме).
ВИМАИВиВС

Рядовой, унтер-офицер
и трубач Кавалергардского
корпуса. 1799-1800 гг.
(в вицмундирах).
ВИМАИВuBC

Офицер Кавалергардского
полка. 1800-1801 гг.
(в вицмундире).
ВИМАИВuBC

Рядовой Лейб-Гусарского
полка. 1796-1798 гг.
(в парадной форме).
ВИМАИВиВС

Офицер Лейб-Гусарского
полка. 1796-1798 гг.
(в парадной форме).
ВИМАИВиВС

Офицер Лейб-Гусарского
полка. 1796-1798 гг.
(в венгерке).
ВИМАИВиВС

Офицер и рядовой
Лейб-Гусарского полка.
1799 г.
ВИМАИВиВС

Офицер и рядовой
Лейб-Гусарского полка.
1800-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Трубач, унтер-офицер
и штаб-трубач
Лейб-Казачьего полка.
1796-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Офицер Лейб-Казачьего
полка. 1796-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Казак и офицер
Лейб-Уральской сотни.
1798-1801 гг.
ВИМАИВиВС

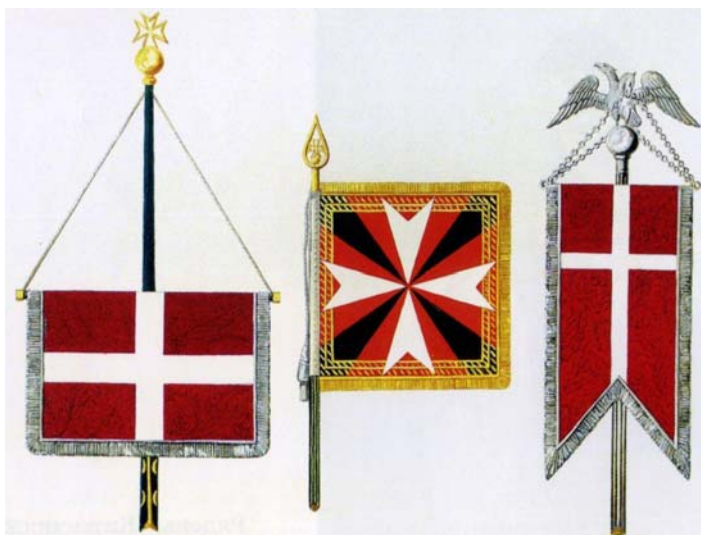
Рядовой и офицер
Кирасирского
Его Величества полка.
1797-1801 гг.
ВИМАИВuBC

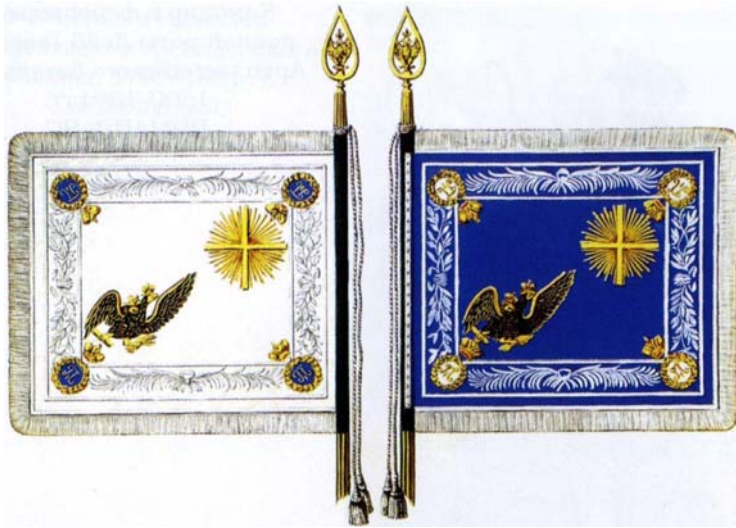
Рядовые Кирасирского
Ее Величества полка.
1797-1801 гг.
ВИМАИВuBC

Рядовые Кирасирского
Ее Величества полка.
1797-1801 гг. (в кителях).
ВИМАИВиВС

Кавалергардские штандарты. 1799-1800 гг.
ВИМАИВиВС

Штандарты, пожалованные Лейб-Кирасирскому
Его Величества полку 25 июня 1798 г. *ВИМАИВуВС*

Штаб-офицер и фейерверкер
Лейб-Гвардии
Артиллерийского батальона.
1800-1801 гг.
ВИМАИВуВС

Канонир и фейерверкер
конной роты Лейб-Гвардии
Артиллерийского батальона.
1800-1801 гг.
ВИМАИВуВС

Обер-офицеры и гренандеры
Лейб-Гренадерского полка.
1797-1801 гг.
ВИМАИВуВС

Генерал и грендер
Павловского грендерского
полка. 1797-1801 гг.
ВИМАИВuBC

Грендерский унтер-офицер
мушкетерского Архарова
полка. 1797-1801 гг.
ВИМАИВuBC

Мушкетер Белозерского
мушкетерского полка.
1797-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Флейтщик Кексгольмского
мушкетерского полка.
1797-1801 гг.
ВИМАИВиВС

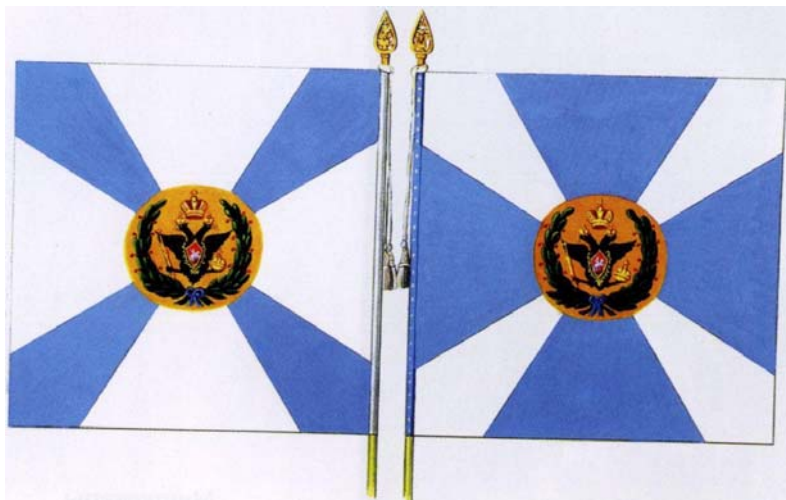
Мушкетерский унтер-
офицер Елецкого
мушкетерского полка.
1797-1801 гг.
ВИМАИВuBC

Мушкетеры
Санкт-Петербургского
и Московского гарнизонов.
1796-1801 гг.
ВИМАИВuBC

Музыкант, гренадер
и штаб-офицер Сенатского
полка. 1800-1801 гг.
ВИМАИВУС

Знамена, пожалованные Лейб-Гренадерскому полку в 1797 г.
ВИМАИВУС

Офицер пешей артиллерии.
1797-1801 гг.
ВИМАИВuBC

Унтер-фурмейстер полевой
артиллерии. 1797-1801 гг.
ВИМАИВuBC

Музыкант пешей
артиллерии. 1797-1801 гг.
ВИМАИВуВС

Бомбардир и фейерверкер
конной артиллерии.
1797-1801 гг.
ВИМАИВуВС

Пионер. 1797-1801 гг.
ВИМАИВуВС

Сапер. 1797-1801 гг.
ВИМАИВуВС

Понтонеры. 1797-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Обер-офицер 1-го
Кадетского корпуса.
1797-1799 гг.
ВИМАИВиВС

Офицер и кадет 2-го
Кадетского корпуса.
1797-1800 гг.
ВИМАИВиВС

Кадет и штаб-офицер
1, 2-го и Шкловского
Кадетских корпусов.
1800-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Знамена, пожалованные Сухопутному Кадетскому корпусу
2 ноября 1798 г. *ВИМАИВuBC*

Генерал-адъютант
и флигель-адъютант по
инфантерии. 1796-1801 гг.
ВИМАИВuBC

Флигель-адъютант и
генерал-адъютант по
кавалерии. 1796-1801 гг.
ВИМАИВuBC

Офицер Военной Коллегии
и департаментов
Комиссариатского
и Провиантского.
1797-1801 гг.
ВИМАИВuBC

Чинovníк Военной Коллегии
и департаментов
Комиссариатского
и Провиантского.
1800-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Офицер в общем армейском
мундире по инфантерии.
1796-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Офицер в общем армейском
мундире по кавалерии.
1796-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Лекарь, аудитор
и квартирмейстер
армейских полков.
1797-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Фельдъегерь
и фельдъегерский офицер.
1797-1801 гг.
ВИМАИВиВС

Офицерская пехотная шпага обр. 1798 г.
со знаком ордена Св. Анны.
ВИМАИВиВС

Знаки отличия, установленные для награды
нижних воинских чинов за двадцатилетнюю
беспорочную службу.

ВИМАИВиВС

О. Г. Шварц. Маневры в окрестностях Гатчины. 1849 г.
ГМЗ «Гатчина»

О. Г. Шварц. Парад при Павле I в Гатчине. 1847 г.
ГМЗ «Гатчина»

Ф. Я. Алексеев. Вид на Михайловский замок
и площадь Коннетабль. 1800 г.

И.-Г. Майер. Марсово поле с обелиском
«Румянцева победам». 1796-1803 гг.

Н. А. Шабунин.
Портрет А. В. Суворова. 1900 г.
ВИМАИВиВС

В. Л. Боровиковский.
Павел I в costume гроссмейстера
Мальтийского ордена. 1800 г.

Неизвестный художник.
Портрет Императора Павла I. Конец XIX в.
ВИМАИВuBC

*Оформление художника
И.А. Озерова*

В книге использованы иллюстрации, предоставленные
Государственным музеем-заповедником «Гатчина»;
Военно-историческим музеем артиллерии,
инженерных войск и войск связи;
Государственным мемориальным музеем А.В. Суворова

Юркевич Б.И.

Ю 74 Военный Петербург эпохи Павла I. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 276 с.

ISBN 978-5-9524-2608-5

Книга посвящена военным реформам Павла I начиная с создания им Гатчинских войск еще в бытность наследником престола. Дана подробная информация о нововведениях в солдатском обмундировании, описаны развитие военного строительства в столице и пригородах, повседневная служба Петербургского гарнизона, смотры, маневры, торжественные церемонии с участием войск. В книге использованы разнообразные архивные документы и свидетельства современников, позволяющие по-новому взглянуть на преобразования в военном деле и на личность самого императора.

ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

© Юркевич Е.И., 2007
© ООО «Мим-Дельта», 2007
© Художественное оформление.
ЗАО «Центрполиграф», 2007

ISBN 978-5-9524-2608-5

ЕВГЕНИЙ ЮРКЕВИЧ

ВОЕННЫЙ ПЕТЕРБУРГ ЭПОХИ ПАВЛА I

Книга посвящена военным реформам Павла I, начиная с создания им Гатчинских войск еще в бытность наследником престола. Дана подробная информация о нововведениях в солдатском обмундировании, описаны развитие военного строительства в столице и пригородах, повседневная служба Петербургского гарнизона, смотры, маневры, торжественные церемонии с участием войск. В книге использованы разнообразные архивные документы и свидетельства современников, позволяющие по-новому взглянуть на преобразования в военном деле и на личность самого императора.

